

КНИГА мечей

ДЖОРДЖ МАРТИН

НОВАЯ ПОВЕСТЬ ИЗ ЦИКЛА «ПЕСНЬ ЛЬДА И ПЛАМЕНИ»

ТОМ ХОЛТ • РОБИН ХОББ • ДЭНИЕЛ АБРАХАМ • ГАРТ НИКС
СКОТТ ЛИНЧ • ЭЛИЗАБЕТ БИР • КЕН ЛЮ • СЕСИЛИЯ ХОЛЛАНД

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГАРДНЕРА ДОЗУА

Мастера фантазии

Робин Хобб

Книга Мечей (сборник)

«АСТ»

2017

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

Хобб Р.

Книга Мечей (сборник) / Р. Хобб — «АСТ», 2017 — (Мастера фантазии)

ISBN 978-5-17-107122-6

В «Книге мечей» известный редактор и автор бестселлеров Гарднер Дозуа представляет новую антологию оригинальных эпических историй от звездного состава современных мастеров жанра, многие из которых воплотили на этих страницах свои самые любимые миры. Присоединяйтесь к компании лучших рассказчиков, в числе которых Джордж Р. Р. Мартин, К. Дж. Паркер, Робин Хобб, Кен Лю, Кэролайн Черри, Дэниел Абрахам, Лави Тидхар, Эллен Кушнер и многие другие! Вас ждет изысканный ассортимент бесстрашных фехтовальщиков и brutальных воинов, которые на каждом шагу сталкиваются с опасностью и смертью, вооруженные мужеством, хитростью и холодной сталью.

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-107122-6

© Хобб Р., 2017

© АСТ, 2017

Содержание

Гарднер Дозуа[1]	6
К.Дж. Паркер[2]	10
Побеждает лучший	11
Робин Хобб[3]	29
Меч ее отца	30
Кен Лю[4]	46
Скрытая девушка	47
Мэтью Хьюз[8]	63
Меч Судьбы	64
Кейт Эллиот[9]	82
«Я красивый мужчина», – сказал Аполлон Кроу	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

**Робин Хобб, Джордж Р. Р. Мартин, К. Дж.
Паркер, Уолтер Уильямс, Кейт Эллиот,
Гарт Никс, Сесилия Холланд, Скотт Линч,
Дэниел Абрахам, Кэролайн Джайнис
Черри, Элизабет Бир, Эрик Ларсон, Мэтью
Хьюз, Эллен Кушнер, Кен Лю, Лави Тидхар
Книга Мечей (сборник)**

© Gardner Dozois, 2017

© Перевод. К. Егорова, 2017

© Перевод. Н. Виленская, 2017

© Перевод. О. Колесников, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

*Джорджу Р. Р. Мартину, Фрицу Лейберу, Джеку Вэнсу, Роберту
Говарду, К. Мур, Ли Брекетт, Спрэгу де Кампу, Роджеру Желязны и
всем другим писателям, когда-либо владевшим воображаемым мечом, а
также Кей Макколи, Энн Гроэлл и Шону Сунвику за помощь в создании
этой книги и представлении ее вам.*

Гарднер Дозуа¹

Предисловие

Однажды в 1963 году, возвращаясь домой из школы, я зашел в аптеку (в ту пору вращающиеся стойки с покетбуками в аптеках были одним из немногих мест в нашем городе, где вы могли купить книгу; настоящих книжных магазинов у нас не было) и увидел на такой стойке составленную Д. Р. Бенсеном антологию под названием «Неизвестное» (The Unknown). Я купил ее и сразу был пленен; это вообще была первая купленная мной антология, и ее покупка оказала огромное влияние на мой жизненный путь, хотя тогда я этого не знал. Это был сборник рассказов, выбранных Бенсоном из легендарного (пусть и быстро приказавшего долго жить) журнала «Неизвестное», издававшегося не менее легендарным редактором Джоном В. Кэмпбеллом-мл., который, революционизируя в то время научную фантастику в качестве редактора журнала «Эстаундинг», одновременно революционизировал фэнтези на страницах дочернего журнала «Неизвестное», выходявшего с 1939 по 1943 год, пока недостаток бумаги в военное время не прикончил этот журнал. В начале 60-х годов, в десятилетие, когда издательский бизнес все еще выходил из тени мрачного послевоенного соцреализма, очень мало вещей в жанре фэнтези печаталось в таком виде, чтобы их могли покупать малоимущие старшеклассники (за исключением рассказов этого жанра в изданиях вроде «Журнала фэнтези и научной фантастики», о существовании которых я тогда даже не знал), и богатый урожай разных видов фэнтези в «Неизвестном» стал для меня настоящим откровением.

Однако самое большое впечатление на меня произвел необычный, сильно действующий на читателя рассказ «Суровый берег» Фрица Лейбера: в нем два совершенно не похожих героя, Фафхрд, огромный мечник с ледяного севера, и хитрый юркий маленький человек с юга, Серый Мышелов, вынуждены вместе отправиться в роковое путешествие, которое неизбежно приведет их к смерти (впрочем, они ее хитроумно избегают). Ничего подобного я никогда прежде не читал и сразу захотел прочесть еще такие же рассказы.

К счастью, вскоре на тех же вертушках в аптеке я нашел другую, составленную Спрэггом де Кампом, антологию – «Мечи и магия», в ней не просто был новый рассказ о Фафхрде и Мышелове, но она целиком была посвящена рассказам жанра фэнтези; как я узнал, поджанр таких рассказов называется «мечи и магия», и именно на страницах этой антологии появился этот термин, придуманный Фрицем Лейбером. На ее страницах я прочел один из рассказов Роберта Говарда о Конане Варваре, рассказ Кэтрин Мур «Джирел из Джойри», а еще рассказы Пола Андерсона, Лорда Дансени, Кларка Эштона Смита и других. И я на всю жизнь пристал к «мечам и магии» и вскоре увлеченно бродил по букинистическим магазинам на том месте, которое тогда в Бостоне называлось площадью Сколлей (теперь она погребена под громадой Правительственного центра); я перебирал груды заплесневелых журналов, разыскивая выпуски «Неизвестного» и «Станных историй», в которых печатались рассказы о Конане Варваре, о Фафхрде и Сером Мышелове и прочих удалцах.

То, с чем я тогда столкнулся, было первой большой вспышкой интереса к «мечам и магии», поджанру фантастики, который на десятилетия был забыт; почти все материалы этих антологий и журналов представляли собой перепечатку произведений 30-х и 40-х годов и даже более ранних – примерно той поры, когда эти рассказы заняли свое место в фантастическом мире вместо Франции XVII века или воображаемых центральноевропейских стран, заменяя

¹ © Gardner Dozois, 2017; © пер. А. Грузберг, 2017.

большой по объему и более привычный для читателя массив историй о лихих приключениях с мечом и шпагой, созданный такими писателями, как Александр Дюма, Рафаэль Сабатини, Талбот Манди и Гарольд Лэмб. После того как Эдгар Райс Берроуз в «Принцессе Марса» и множестве ее продолжений отправил искателя приключений Джона Картера на собственную версию Марса, которая называлась «Барсум», спасти принцессу и сразаться с гигантскими четверо-рукими тарками, возник новый поджанр, параллельный «мечам и магии» и иногда называемый «приключения на планетах» или «мечи и планеты», наиболее полно представленный на страницах журнала «Плэнет стори» между 1939 и 1955 годами, причем эти два поджанра часто пересекаются и многие авторы, например Кэтрин Мур и Ли Бреккет, активно действуют в обоих поджанрах. Тогда же были напечатаны красочные рассказы Джека Вэнса, входящие в его цикл «Умирающая Земля»; формально это фантастика, но с вторжением из других измерений, необычными существами и волшебниками, владеющими тем, что можно считать магией, а можно – высокими технологиями.

Весьма вероятно, что интерес к «мечам и магии», ослабевший за время войны и в 50-е годы, не случайно начал оживать в 60-е, когда благодаря полетам космических аппаратов к Венере, Марсу и другим планетам делалось все более очевидным, что остальная Солнечная система не может поддерживать жизнь, какой мы ее знаем: нет никаких свирепых воинов, с которыми можно было бы сразиться на мечах, никаких прекрасных принцесс в прозрачных платьях. Ничего, кроме лишенных воздуха голых каменных шаров.

Отныне, если тебе хотелось написать такой рассказ, это следовало делать в жанре фэнтези. В начале 60-х годов поджанр «мечи и магия» вновь расцветает, и Д. Р. Бенсен, Л. Спрэг де Камп и Лео Маргулис, разрабатывая богатые залежи журналов «Неизвестное» и «Странные истории», подбирают материал для своих антологий (Бенсон – важная фигура в развитии современного фэнтези, к сожалению, сейчас почти забытая, – был редактором «Пирамид букс» и также переиздал со страниц «Неизвестного» такой классический роман-фэнтези, как «Дипломированный чародей» Спрэга де Кампа и Флетчера Пратта), печатают подборки старых произведений о Конане и новые его приключения – рассказы и романы, написанные другими писателями, произведения Майкла Муркока, автора очень популярных рассказов и романов об Элрике из Мелнибонэ (это продолжается и по сей день), и явные подражания Конану вроде «Брека-варвара» Джона Джейка. (Примерно в это же время Сил Голдсмит, издатель журналов «Эмейзинг» и «Фантастик», заставляет Фрица Лейбера вернуться из его почти что отставки и писать новые рассказы о Фафхрде и Сером Мышелове для «Фантастик»; заметив это, я начал просматривать журналы на стойках, а это в свою очередь подтолкнуло меня к покупке таких журналов научной фантастики, как «Эмейзинг», «Гэлекси» и «Миры “если”» – как ни смешно, хотя мне предстояло вступить в профессиональные отношения с фантастикой и самому составлять антологии, я заинтересовался журналами прежде всего потому, что искал на их страницах новые рассказы о Фафхрде и Сером Мышелове... хотя справедливости ради должен сказать, что одновременно читал «подростковые» произведения Роберта Хайнлайна и Андре Нортон, а также «Огненный цикл» Хола Клемента и – выпшедшую тоже в издательстве «Пирамид букс» – «Экспедицию “Тяготение”».)

А потом пришел Дж. Р. Р. Толкин.

Сегодня часто приходится слышать, мол, трилогия Толкина «Властелин колец» создала современный жанр фэнтези, но, хотя поистине трудно переоценить влияние Толкина – он серьезно повлиял на всех последующих авторов, причем даже на тех, кто его не любил или выступал против него, – в наши дни почему-то забывают, что Дон Уоллхейм выпустил свое «пиратское» издание «Братства Кольца» (первую книгу трилогии) в мягкой обложке в издательстве «Эйс» главным образом потому, что отчаянно искал что-нибудь – что угодно! – лишь бы утолить голод увеличивающейся аудитории любителей «мечей и магии». По иллюстрации на обложке этого издания «Братства Кольца» (художник Джек Гохан; изображен волшебник с

мечом и посохом, стоящий на вершине горы) ясно, что Уоллхейм относил эту книгу к «мечам и магии», а подписанный им внутренний, для издательских целей, экземпляр рекламирует том Толкина как «роман в жанре меч-и-магия, который все прочтут с радостью и удовольствием». Иными словами, по крайней мере в США читательская аудитория этого фэнтези существовала до Толкина, а не была создана им, как утверждает современный миф. Дон Уоллхейм прекрасно знал о существовании этой голодной аудитории, ждущей, когда ее накормят, – хотя сомневаюсь, что он представлял себе, какую грандиозную реакцию вызовет этот кусочек «меча-и-магии», который он собирался ей скормить. В Британии уже появились дорогостоящие издания Толкина в твердом переплете, а «признанные законными» покетбуки издательства «Баллантайн», появившиеся вскоре, впервые смогли купить такие ребяташки, как я, и миллионы других.

После Толкина все изменилось. Аудитория жанра фэнтези, может быть, и существовала, но нет никакого сомнения в том, что Толкин чрезвычайно расширил ее. Невероятный коммерческий успех книг Толкина вдвобавок открыл глаза издателям на жадный спрос читательской аудитории, и они стали осматриваться, выискивая, чем бы утолить этот голод. На волне успеха Толкина Лин Картер смог создать первую издательскую серию книг в мягких обложках «Баллантайн эдалт фэнтези», в которой были снова напечатаны давно забытые и недооцененные книги таких писателей, как Кларк Эштон Смит, Э. Р. Эддисон, Джеймс Брэнч Кейбелл, Мервин Пик и Лорд Дансени. Несколько лет спустя вслед за Лином Картером Лестер дель Рей начал поиски коммерческого достаточно легкого чтения, непосредственно обращенного к аудитории, все еще ждавшей чего-то «вроде Толкина». В 1974 году он издал книгу Терри Брукса «Меч Шаннары», и, хотя критики отнеслись к ней пренебрежительно как к неудачному подражанию Толкину, в финансовом отношении она оказалась очень успешной, как и ее многочисленные продолжения. В 1977 году большого успеха дель Рей добился также с «Проклятием лорда Фаула» – началом трилогии Стивена Дональдсона «Хроники Томаса Ковенанта Неверующего», и с многими другими сериями.

Как ни странно, только-только жанр фэнтези начал продаваться лучше, чем когда-либо, как интерес к «мечам и магии» увял. В поджанре «мечи и магия» всегда преобладали рассказы, романы под влиянием Толкина становились все толще, обрастали множеством продолжений, и постепенно сложилось представление о возникновении нового поджанра – «эпического фэнтези». Мне иногда трудно провести различие между «мечами и магией» и «эпической фэнтези»: и там, и там действие происходит в вымышленном мире, в обоих есть воры и искатели приключений, размахивающие мечами, в обоих существует магия и волшебники, наделенные большей или меньшей силой, и там, и там бродят фантастические существа – драконы, великаны и чудовища, хотя некоторые критики проводят различие по критериям, не связанным с объемом. Так или иначе, но по мере того как книги, считающиеся «эпическим фэнтези», становились все многочисленнее и популярнее, о «мечах и магии» говорили все реже. Этот поджанр полностью так и не исчез: Лин Картер между 1971 и 1981 годами выпустил пять томов антологии «Сверкающие мечи!», Эндрю Оффут-младший между 1977 и 1979 годами напечатал серию «Мечи против тьмы» в пяти томах, в 1978 году Роберт Линн Асприн начал длинную серию антологий «Мир воров», Роберт Джордан на протяжении 80-х годов произвел на свет несколько романов-продолжений «Конана», прежде чем обратиться к своей многотомной серии эпического фэнтези «Колесо времени», в тот же период Глен Кук продюсировал книги, явно относящиеся к «мечам и магии» (прежде всего его собственные истории о Черном Отряде), так же как К. Дж. Черри, Робин Хобб, Фред Саберхаген, Танит Ли, Карл Эдвард Вагнер и другие; Мэрион Зиммер Брэдли на протяжении 70-х годов выпустила длинную серию антологий «Мечи и магия», преимущественно о женщинах – искательницах приключений, а Джессика Аманда Салмонсон составила ориентированные на женщин антологии «Амазонки» и «Амазонки-2» в 1979 и 1982 годах соответственно.

Тем не менее восьмидесятые годы сменялись девяностыми, а поджанр «мечи и магия» продолжал увядать, и наконец всякие упоминания о нем вообще сошли на нет и ему грозила опасность полного забвения.

Потом, в конце 90-х годов, ситуация начала развиваться в обратную сторону.

Почему это произошло, сказать трудно. Может быть, сказался успех «Игры престолов» Джорджа Мартина, напечатанной в 1996 году, и ее продолжений, которые повлияли на новых авторов, показав им более жесткий, более реалистичный тип эпической фантастики, где герои часто настолько неоднозначны, что трудно сказать, хорошие они или плохие. А может, просто пришла пора появиться на сцене новому поколению писателей, вдохновленных примером Лейбера, Говарда и Муркока, и создать новые вариации прежнего поджанра.

Так или иначе, лед тронулся. Вскоре пошли разговоры о «новых мечах и магии», и в последние годы XX и в первые годы XXI века приобрели известность такие писатели, как Джо Аберкромби, К. Дж. Паркер, Скотт Линч, Элизабет Бир, Стивен Эриксон, Гарт Никс, Патрик Ротфусс, Кейт Эллиот, Дэниел Абрахам, Брендон Сандерсон и Джеймс Эндж; появились вдобавок к существующим, таким, как «Фэнтези энд сайенс фикшн», новые рынки: онлайн-журнал «Под бесконечным небом» и бумажный журнал «Черные врата»; стали выходить новые антологии, например моя книга 1997 года «Современная классика фэнтези», в которой напечатаны классические произведения жанра «мечи и магия» Фрица Лейбера и Джека Вэнса, антология «Мечи и магия», составленная Дэвидом Хартвеллом и Джекобом Вайсманом, ретроспектива лучших рассказов этого вида, «Эпика: легенды и фэнтези», подготовленная Робертом Силвербергом, и более поздние «Быстрые корабли, черные паруса» (составители Энн Вандермеер и Джефф Вандермеер) и «Мечи и черная магия» (составители Джонатан Стрехен и Лу Андерс; это первая антология, посвященная исключительно «новым мечам и магии»).

Внезапно мы оказались на пике нового значительного возрождения интереса к «мечам и магии», который нисколько не угасает по мере нашего продвижения во второе десятилетие XXI века. Уже появилось новое поколение авторов – Кен Лю, Рич Ларсон, Кэрри Вон, Эльетт де Бодар, Лейви Тидхар и другие, – бросающих вызов форме и иногда развивающихся в неожиданном направлении, а за ними следуют все новые энтузиасты жанра.

Так что, как ни назовите это: «мечи и магия» или «эпическое фэнтези», – похоже, мы еще долго будем наслаждаться подобными историями.

Я издавал другие антологии с произведениями поджанра «новые мечи и магия» (среди них посвященная Джеку Вэнсу «Песни умирающей Земли», «Воины, опасные женщины и мошенники», составленные вместе с другим большим любителем «мечей и магии», Джорджем Р. Р. Мартином), но всегда хотел собрать подобную той, что вы сейчас держите в руках: лучшие произведения авторов, работающих в этом жанре сегодня и представляющих несколько разных литературных поколений.

Надеюсь, книга вам понравится. И окажется для некоторых современных детей такой же вдохновляющей и захватывающей, какими для меня «Неизвестное» и «Мечи и магия» оказались в 1963 году. И родятся новые фэны «мечей и магии», и унесут любовь к этим захватывающим историям в далекое будущее.

К.Дж. Паркер²

Одним из наиболее изобретательных и оригинальных писателей, работающих сегодня в жанре фэнтези, можно считать К. Дж. Паркера – автора бестселлера-трилогии «Инженеры» («Devises and Desires», «Evil for Evil», «The Escarpment»), а также более ранних трилогий «Фехтовальщик» («Закалка клинка», «Натянутый лук», «Пробирная планета») и «Scavenger» («Shadow», «Pattern», «Memory»). Его рассказы изданы в сборнике «Academic Exercises», и он дважды удостоивался премии «Уорлд Фэнтези» за рассказы «Let Maps to Others» и «A Small Price to Pay for Birdsong». Среди других его работ – «Sharps», «The Company», «The Foldig Knife» и «The Hummer». Последние его романы – «Дикари» и «Двойка мечей». К. Дж. Паркер творит также под своим настоящим именем Том Холт; он написал «Expecting Someone Taller», «Who's Afraid of Beowulf», «Ye Gods!» и целый ряд других романов.

В этом рассказе создан образ упрямого ученика, который ищет наставника – с неожиданными результатами.

² © К. J. Parker, 2017; © пер. А. Грузберга, 2017.

Побеждает лучший

Он заслонил мне свет, но я был слишком занят, чтобы обратить на это внимание.

– Что тебе нужно? – спросил я.

– Прошу прощения, это ты куешь мечи?

Бывают моменты, когда нужно сосредоточиться. Это был один из них.

– Да. Уходи. Придешь позже.

– Я не сказал тебе, что я...

– Уходи. Придешь позже.

Он ушел. Я закончил то, над чем корпел. Позже он вернулся. За это время я сделал третий сгиб.

Кузнечная сварка – отвратительная процедура, и я терпеть ее не могу. Я ненавижу все многочисленные стадии изготовления готового изделия; некоторые из них чрезвычайно трудны, некоторые утомительны, некоторые очень-очень скучны, а многие – и то, и другое, и третье одновременно, и все вместе – совершенный микрокосм человеческих стараний. Но я получаю удовольствие от чувства, возникающего, когда после многочисленных манипуляций все выходит хорошо. В целом свете нет ничего лучше.

Третий сгиб – это... ну, это та стадия изготовления меча, когда вы в третий раз сгибаете материал. Первый сгиб – вы берете много тонких прутьев, одни железные, другие стальные, скручиваете вместе, нагреваете добела и выковываете одну толстую ленту. Затем вы скручиваете ее, сгибаете – и проделываете все снова. Опять скручиваете, сгибаете – и проделываете все снова. Третий раз обычно самый легкий; большинство мусора из материала выбито, флюс остается, и работа на этом этапе спорится. Тем не менее это ужасная работа. Кажется, она длится вечно, а ведь за одно мгновение невнимательности можно уничтожить все сделанное, если пережжете материал, или переохладите его, или слишком сильно ударите, или молотом занесете в него немного шлака. Нужно не только смотреть, но и слушать, дожидаясь единственного в своем роде свистящего звука, который скажет, что материал начинает портиться, но еще не погиб; это единственное мгновение, когда одна стальная полоска сливается с другой, образуя неразрывное целое – и разговаривать при этом невозможно. Поскольку большую часть времени я провожу за кузнечной сваркой, то прослыл человеком необщительным. Я не спорю. Такова уж моя натура: стань я пахарем, не сделался бы приветливее.

Он вернулся, когда я сгребал древесный уголь. Сгребая уголь, я могу разговаривать, так что ничего страшного.

Он был молод. Я бы дал ему года двадцать три или двадцать четыре; высокий бастард (все высокие – бастарды; мой рост – пять футов два дюйма) с вьющимися, точно влажное руно, светлыми волосами, с плоским лицом, блекло-голубыми глазами и девичьим ртом. Он мне сразу не понравился: не люблю рослых красивых мужчин. Для меня первое впечатление много значит. Но мои первые впечатления почти всегда неверны.

– Что тебе нужно? – спросил я.

– Я хотел бы заказать меч.

Голос его мне тоже не понравился. В первые решающие пять секунд голос для меня даже важнее внешности. Что весьма разумно, если хотите знать. Некоторые принцы похожи на крысоловов, некоторые крысоловы похожи на принцев, хотя людей обычно выдают зубы. Но стоит человеку сказать несколько слов, и вы можете определить, откуда он и насколько состоятельными были его родители; это точные данные, верные факты. Парень явно был из мелкой знати – слой, куда входят все – от излишне честолюбивых фермеров до младших братьев герцогов. Это легко определить по гласным, – я, как услышу, скриплю зубами, словно в хлебе песок

попался. Знать я терпеть не могу. Большинство моих заказчиков знать, а большинство людей, с которыми я встречаюсь, – это мои заказчики.

– А как же, само собой, – сказал я, выпрямляясь и кладя лопату на край горна. – Зачем он тебе?

Он посмотрел на меня так, словно я только что похотливо пожирал глазами его сестру.

– Э... чтобы сражаться.

Я кивнул.

– На войне?

– Когда-нибудь, наверно, и на войне.

– Я бы на твоём месте не стал этого делать, – сказал я и нарочито неторопливо смерил его взглядом сверху донизу. – Ужасная жизнь, к тому же очень опасная. На твоём месте я бы остался дома. Приносил пользу.

Мне нравится смотреть, как они это принимают. Назовите это чутьем мастера. Приведу в пример одну из операций, которые проделывают, изготавливая действительно хороший меч, – испытывают: сгибают в кольцо; зажимают хвостовик клинка в тисках и сгибают его, пока острое не коснется плеч, потом отпускают, и он должен разогнуться и полностью выпрямиться. Почти все хорошие мечи не выдерживают подобного обращения; такому испытанию подвергают только лучшие. Жестоко проделывать такое с прекрасной вещью, но это единственный способ проверить ее норов.

Кстати, о норове: он посмотрел на меня и пожал плечами.

– Прости, – сказал он. – Ты слишком занят. Обращусь к кому-нибудь другому.

Я рассмеялся:

– Позволь, я разберусь с огнем и тогда буду к твоим услугам.

Огонь управляет моей жизнью, как ребенок – матерью. Его надо кормить, иначе он погаснет. Его нужно поить – обливает края гнезда горна из ложки, иначе он прожжет гнездо. После каждого прогрева его нужно обдувать, и вот я «дышу» за него и не могу ни на минуту отвернуться. С того мгновения, как утром, за час до восхода солнца, я разожгу его, до той поры, когда поздно вечером брошу его умирать от голода, я всегда первым делом думаю о нем. Он словно нарочито затаился на краю поля зрения, он словно преступление на вашей совести: вы не всегда смотрите на него, но всегда о нем помните. При малейшей возможности, он вас предаст. Иногда мне кажется, что я женат на этой проклятой штуке.

Вот уж действительно. У меня никогда не было времени на жену. Предложения поступали – не от женщин, от их отцов и братьев: он, пожалуй, стоит пару шиллингов, говорили они себе, а наша Дория моложе не становится. Но человек, у которого в кузнечном горне горит огонь, не может втиснуть жену в свой повседневный обиход. Я пеку себе хлеб на углях, плаваю сыр на хлебе, дважды в день грею воду в котелке, чтобы запить еду, и рядом с огнем сушу свои рубашки. Иногда вечером, когда я чересчур устану, чтобы пройти десять ярдов до постели, я сажусь на пол спиной к горну да так и засыпаю, а утром просыпаюсь с затекшей шеей и с головной болью. Причина, по которой мы с горном не ссоримся, в том, что он не умеет говорить. Ему это не нужно.

Мы с огнем мирно уживаемся уже двадцать лет, с тех пор как я вернулся с войны. Двадцать лет. В некоторых странах за убийство дают меньше.

– Слово «меч», – сказал я, рукавом сметая со стола пыль и угли, – может означать самые разные вещи. Выразись точнее. Садись.

Он осторожно сел на скамью. Я налил сидра в две деревянные чашки и одну поставил перед ним. На поверхности сидра плавала пыль – как всегда. Все в моей жизни покрыто темно-

серой зернистой пылью – по милости огня. Ей-ей, он очень старался сделать вид, что никакой пыли нет, и отпил небольшой глоток, как девушка.

– Есть мечи, предназначенные для верховой езды, – сказал я, – и тридцатидюймовый ручной меч, есть меч для боя со щитом: либо с приплюснутой ромбовидной частью – в армии его называют типом пятнадцать, – либо с желобком по всей длине, тип четырнадцать; есть меч для еды, скорее напоминающий нож; есть длинный меч, большой меч, тип восемнадцать, настоящий бастард, большой боевой меч, который держат обеими руками, но это узкоспециальные виды оружия, так что вряд ли тебе нужен один из них. И это только основные виды подобного вооружения. Потому я и спросил, зачем тебе меч.

Он посмотрел на меня, потом демонстративно отпил моего жуткого пыльного сидра.

– Чтобы сражаться, – сказал он. – Прости, но я мало об этом знаю.

– Деньги у тебя есть?

Он кивнул, сунул руку под рубаху и достал маленький холщовый мешочек. Мешочек потемнел от пота. Он раскрыл его и выложил на мой стол пять золотых монет.

Разновидностей монет не меньше, чем мечей. Это были безанты, девяносто пять процентов чистого золота, гарантированные печатью императора. Я взял одну монету. Чеканка на безанте ужасна – грубая, некрасивая. Это потому, что безант не меняется уже шестьсот лет, его вновь и вновь копируют невежественные и неграмотные чеканщики; он не меняется, потому что ему доверяют. Мастера копируют надписи, не зная букв, так что получаются только общие очертания. Вообще же существует правило: чем красивее монета, тем меньше в ней золота, и, напротив, чем уродливее, тем лучше. Я знал некогда одного фальшивомонетчика; его поймали и повесили, потому что он работал слишком хорошо.

Я поставил свою чашку на одну монету, а остальные отодвинул к нему.

– Согласен?

Он пожал плечами:

– Мне нужен лучший меч из всех возможных.

– Тебе он ни к чему.

– Пусть так.

– Отлично. Ты получишь лучший меч. Ведь, когда ты умрешь, он перейдет к другому и рано или поздно попадет в умелые руки. – Я улыбнулся. – Скорее всего, в руки твоего противника.

Улыбнулся и он.

– Ты хочешь сказать, я награжу его за то, что он убьет меня.

– Трудящийся достоин награды за труды свои, – ответил я. – Ладно. Так как ты не представляешь, что тебе нужно, я должен решить за тебя. За свой золотой безант ты получишь длинный меч. Знаешь, что это такое?

– Нет. Прости.

Я почесал за ухом.

– Клинок длиной три фута, – сказал я, – два с половиной дюйма шириной у рукояти и сужается в острие-иглу. Рукоять длиной с твою руку от локтя до кончика среднего пальца. Весит не больше трех фунтов и будет казаться гораздо легче, потому что я добыю идеальный баланс. Он предназначен скорее для того, чтобы колоть, а не рубить, потому что бой выигрывает острие, а не лезвие. Настоятельно рекомендую меч с желобком – знаешь, что это?

– Нет.

– Ну, все равно его получишь. Пойдет?

Он смотрел на меня так, словно я свалился с луны.

– Я хочу лучший в мире меч всех времен, – сказал он. – Могу заплатить больше, если нужно.

Лучший в мире меч всех времен. Глупо звучит – но я могу его сделать. Если дам себе труд. А могу сделать и обычный меч и сказать ему, что именно это лучший меч всех времен. Откуда ему знать, что это не так? Не больше десяти человек на свете способны об этом судить. Я и еще девять.

С другой стороны, я люблю свое дело. Вот передо мной молодой глупец, почему бы не развлечься за его счет? И, конечно, моя работа и через тысячу лет будет жить, почитаемая и уважаемая, с моим именем на рукояти. Лучший в мире – лучший меч всех времен; если его не сделаю я, сделает кто-то другой, и моего имени на нем не будет.

Я подумал об этом, наклонился, прикрыл пальцами еще две монеты и пододвинул их к себе, как пахарь тащит плуг по глине.

– Согласен?

Он пожал плечами:

– Ты знаешь лучше меня.

Я кивнул.

– И это действительно так, – сказал я и взял четвертую монету. Он не шелохнулся. Его это словно не интересовало. – Но это только за сам меч, – сказал я. – Я не полирую его, не украшаю, не делаю резьбу, чеканку или инкрустации. Я не украшаю рукоять драгоценными камнями, потому что они натирают руку и выпадают. Я даже не делаю ножны. Сможешь украсить его позже, если захочешь, но это тебе решать.

– Мне прекрасно подойдет просто меч, – сказал он.

И это меня озадачило.

У меня большой опыт общения со знатью. Этот юнец вел себя как все прочие, и я мог бы поручиться за него так, как если бы знал его всю жизнь. Одежда без украшений, но добротная, не новая, но бережно сохраняемая, хорошая обувь, хотя я бы сказал, что сапоги великоваты, может, потому что достались по наследству. Пять безантов – очень даже немало, но мне показалось, что больше у него не было.

– Позволь высказать догадку, – сказал я. – Твой отец умер, и твой старший брат получил дом и землю. Твоя доля – пять золотых. Ты принял это как должное, но обижен. Ты думаешь: закажу лучший в мире меч, и пойду на войну, и заработаю состояние, как Роберт Лис или Боэмунд. Что-то в этом роде...

Еле заметный кивок.

– Что-то в этом роде.

– Отлично, – сказал я. – Некоторые легко расстаются с деньгами. Если проживешь достаточно долго, чтобы в тебя вколотили толику здравого смысла, получишь больше, чем четыре золотых за меч, и тогда сможешь купить себе отличную ферму.

Он улыбнулся:

– Значит, все в порядке.

Мне нравятся люди, не замечающие, что я им грублю.

– Мне можно смотреть? – спросил он.

Такой вопрос может стать источником крупных неприятностей – в зависимости от обстоятельств. По примеру мужчины и женщины, о которых вы сейчас подумали, я обычно отвечаю «Нет».

– Если хочешь, – сказал я. – Почему бы и нет? Ты можешь стать свидетелем.

Он нахмурился:

– Странный выбор слова.

– Как пророк в Писании, – сказал я. – Когда Он превращает воду в вино, или воскрешает мертвых, или произносит заповеди, сидя в горящем кусте, кто-то ведь должен это видеть, иначе какой смысл?

(Потом я припомнил эти свои слова.)

Он кивнул:

– Чудо.

– Что-то вроде. Но чудо – это то, чего не ждешь.

И снова о войнах. Мы говорили о «войнах» так, будто это место: выезжай из Перимадеи по северной дороге, на перекрестке повернешь налево, потом направо и мимо старой разрушенной мельницы – пропустить невозможно. Самое меньшее – страна со своим языком, обычаями, особой национальной одеждой и местными блюдами. Но теоретически каждая война столь же не похожа на прочие, как уникален каждый человек; у каждой войны есть родители, которые ее воспитали, но, вырастая, она идет своей дорогой сообразно своей природе и порождает собственное потомство. Но мы говорим о народе в целом: об элианах, мезентинцах, розенхольтах – как будто миллион отдельных индивидов можно свести воедино, как я скручиваю и бью молотом пучок прутьев, превращая его в одно целое. Когда стоишь среди них, все они разные. Но отступи на триста ярдов и увидишь один объект, например, наступающую армию. Мы называем этот объект «врагом»; это дракон, которого надо убить, чтобы победить и стать героями. Но, дойдя до нас, объект распадается на множество индивидов, и мы встречаемся, человек с человеком, который размахивает копьем, чтобы причинить нам вред, сам в совершеннейшем ужасе от происходящего, точь-в-точь как мы.

Мы говорим «войны», но открою секрет. Война лишь одна. Она никогда не кончается. Она течет, как разогретый добела металл под моим молотом, и сливается с предыдущей войной и со следующей, образуя одну непрерывную ленту. Мой отец не раз ходил на войну, я не раз ходил на войну, мой сын будет не раз ходить на войну, а после его сын, и это будет то же самое место. Это как отправиться в Бок-Бохек. Мой отец ходил туда до того, как разрушили Белый Храм, когда Форгейт еще был зелеными полями. Я ходил туда, когда Форгейт стал рыночной площадью. Когда туда пойдет мой сын, Форгейт уже застроят домами, но место все равно останется Бок-Бохеком, а война останется войной. То же место, тот же язык, те же обычаи, слегка измененные преобладающими модами на доблести и злосчастье; но все повторяется вновь и вновь. На моей войне рукояти были изогнутыми, а наверхия – круглыми или каплевидными. Сегодня рукоять – обычный прямой крест, а наверхия как флакон для духов, что сто лет назад казалось бы нелепостью. Во всем есть своя мода. Прилив приходит и уходит, но море – всегда море.

Моя война была в Ультрамаре; это не название места, просто по-элиански «ультрамар» означает «за морем». Ультрамар, где мы сражались, не был ни землей, ни географической областью. Это была идея – царство Божие на земле. Ее не найти на карте, сейчас-то уж точно; мы заблудились, и все знакомые места теперь называются иначе, на каком-то другом языке, который мы не потрудились изучить. Мы, конечно, были там не ради идеи, хотя, вероятно, для своего времени она была хороша. Мы отправлялись туда, чтобы награть сокровищ и вернуться домой принцами.

Есть места, которые не обозначены на картах, но все знают, как их найти. Просто следуй за другими, и окажешься на месте.

– Пока смотреть особенно не на что, – сказал я ему. – Можешь ненадолго куда-нибудь пойти.

– Ничего. – Он сел на запасную наковальню и стал грызть мое яблоко, которым я его не угощал. – Что вы собираетесь делать со всем этим хламом? Я думал, вы начнете ковать меч.

Я сказал себе: он много платит, вероятно, отдает все, что у него есть; он имеет право быть глупым, если хочет.

– Это, – сказал я, – не хлам. Это твой меч.

Он заглянул через мое плечо.

– Вовсе нет. Это горсть старых подков и сбитых напильников.

– Сейчас да. Просто смотри.

Не знаю, что такого особенного в старых подковах; никто этого не знает. Большинство считает, что дело в постоянных ударах о каменистую землю, но это не так. Однако лучшие мечи делают из подков. Я нагрел их до вишнево-красного цвета, бросил на наковальню и сплавил большим молотом, расплющивая и ударяя по ним; кусочки ржавчины и нагара разлетелись по кузнице – это грязная работа, и ее нужно делать быстро, прежде чем железо остынет до серого цвета. К тому времени как я закончил, у меня были длинные стержни квадратного сечения, толщиной в четверть дюйма. Я отложил их в сторону и проделал то же самое с напильниками. Они из стали, которую можно сделать тверже, а подковы из железа, оно всегда остается мягким. Если их смешать, слить воедино твердое и мягкое, получится материал для хорошего меча.

– Что это должно быть? Вертела?

Я забыл, что он здесь. Терпеливый парень, скажу я вам.

– Мне еще предстоит много часов работы, – сказал я. – Почему бы тебе не уйти? Придешь утром. До тех пор ты ничего интересного не увидишь.

Он зевнул.

– Мне идти некуда, – сказал он. – Я ведь тебе не мешаю?

– Нет, – солгал я.

– Я все еще не понимаю, какое отношение имеют эти куски прутьев к моему мечу.

Какого дьявола. Я могу и отдохнуть. Плохо работать, когда устал. Можно ошибиться. Я бросил лопату угля в огонь, разровнял и сел на выправитель.

– Как ты думаешь, откуда приходит сталь?

Он почесал голову.

– Из Пермии?

Не такой уж невежественный ответ, как может показаться. В Пермии есть жилы природной стали. Размалываешь железную руду, плавишь, и вытекает готовая к использованию сталь. Но она стоит буквально своего веса в золоте, а с начала войны с Пермией получить ее очень трудно. К тому же я считаю такую сталь слишком хрупкой; ее нужно правильно закалить.

– Сталь, – сказал я, – это железо, неоднократно кованное в горячем виде в огне от древесного угля. Никто понятия не имеет, как это происходит, но это происходит. Два сильных человека должны работать целый день, чтобы получить стали на один маленький напильник.

Он пожал плечами:

– Дорого. Ну и что?

– И она получается слишком хрупкой, – сказал я. – Брось ее на пол, и она разобьется, как стекло. Поэтому нужно ее закалить, чтобы она могла гнуться и вновь распрямляться. Такая сталь хороша для зубил и напильников, но не годится для мечей и серпов: для них нужна большая упругость. Поэтому мы сплетаем ее с железом, мягким и податливым. Железо и сталь восполняют недостатки друг друга, и ты получаешь то, что тебе нужно.

Он посмотрел на меня:

– Сплетаете?

Я кивнул.

– Смотри.

Берешь пять прутьев и укладываешь их в ряд, плотно, чтобы соприкасались: сталь, железо, сталь, железо, сталь. Прочно связываешь их, словно строишь плот. Укладываешь в огонь, краем вниз, не плоско; когда они раскалятся добела и начнут шипеть, как змея, достанешь и начинаешь ковать. Если все сделано верно, получишь снопы белых искр и увидишь, что металл сплавляется: своего рода черную тень под сверкающей белой поверхностью, текучую, как жидкость. Что оно такое, я не знаю и, не питая склонности к мистике, предпочитаю не разглагольствовать об этом попусту.

Потом нагреваешь только что выкованную пластину, которая приобретает желтый цвет, зажимаешь один конец в тисках и изгибаешь ее, а потом куешь, снова делая плоской; нагреваешь, изгибаешь и расплющиваешь. Прodelать все это пять раз – не больше. Если ты все делал правильно, получишь прямой плоский брусок в дюйм шириной, в четверть дюйма толщиной, без швов и расслоений; из пяти получается один прочный предмет. Потом нагреваешь его, вытягиваешь, сгибаешь и снова куешь. Теперь понятно, почему я говорю о слиянии? Больше нет ни железа, ни стали, и никакая сила на свете не сможет их разъединить. Но сталь по-прежнему тверда, а железо податливо; поэтому готовый клинок, закрепив в тисках, можно согнуть, если готов рискнуть.

Когда кую, я теряю представление о времени. Останавливаюсь, когда все сделано, но не раньше, и тогда понимаю, насколько устал: промок от пота, страшно хочется пить, угли во многих местах прожгли одежду, и на коже у меня волдыри. Радость не в ковке, а в ее завершении.

Куешь, как правило, в полумгле, чтобы видеть, что происходит в сердце огня и горячего металла. Я посмотрел в ту сторону, где, как я знал, была дверь, но за пределами огненного горна все тонуло в темноте. Хорошо, что у меня нет соседей, иначе они лишились бы сна.

Он спал, несмотря на шум. Я легонько пнул его в ступню, и он сел.

– Я что-нибудь пропустил?

– Да.

– А.

– Но ничего страшного, – сказал я. – Мы еще только начинаем.

Логика подсказывает, что у меня была жизнь и до того, как я отправился в Ультрамар. Должно быть, это верно; я отправился туда девятнадцати лет и вернулся двадцати шести. Мне кажется, я помню большой удобный дом в долине, собак, и соколов, и лошадей; отца и двух старших братьев. Насколько мне известно, они все еще могут там быть. Я сам так туда и не вернулся.

Семь лет в Ультрамаре. Большинство не выдерживает и первого полугодия. Очень немногие, загрубевшие здоровяки – таких трудно убить, – живут три года; к концу этого срока кажется, что ветер и дождь стерли их почти до материнской породы, что на их щеках теперь русла рек и соленые сталактиты; это старые старики, трехгодовалые мальчики, и я не видел ни одного старше двадцати пяти.

Я выдержал эти три года и сразу подписался на три следующих, а потом еще на три, но из них прослужил только год, и меня с позором отправили восвояси. Из Ультрамара не возвращаются домой; туда отправляет судья, если вы убили кого-то и повешение для вас слишком мягкое наказание. Там нужен каждый человек, какого можно залучить, и эти люди стремительно гибнут – так фермер в дурной год тратит запасы корма для скота. Говорят, враги собирают с полей битв наши кости и перемалывают в муку; будто бы поэтому у них так отлично родится пшеница. Обычная кара за непростительное преступление в Ультрамаре – отправка на фронт; нужно иметь смягчающие вину обстоятельства и глубоко раскаиваться, чтобы вместо этого получить петлю. Меня, однако, с позором отправили домой, потому что никто ни мгновения не хотел меня видеть. И, говоря по справедливости, я не могу их за это упрекнуть.

Я мало сплю. В деревне говорят, это потому, что у меня кошмары, но на самом деле мне просто некогда. Стоит начать ковку, и ты уже не останавливаешься. Сковал середину – хочешь заняться краями, потом сковать края с серединой, а потом работа сделана и кто-то пристает к тебе, заставляя начать новую работу. Я сплю, когда очень уж устаю, а это бывает примерно раз в четыре дня.

На случай, если у вас сердце кровью обливается от жалости ко мне; когда работа сделана и мне заплатили, я бросаю монеты в старый бочонок, который привез с войны. Думаю, перво-

начально в нем держали наконечники стрел. Понятия не имею, сколько там денег. Примерно половина бочонка. Я хорошо зарабатываю.

Я уже говорил, что, работая, теряю представление о времени. И вдобавок забываю обо всем, в том числе о людях. Я начисто забыл о парне, но, когда о нем вспомнил, он по-прежнему был тут, сидел на запасной наковальне, и лицо у него почернело от пыли и сажи. Он завязал тряпкой нос и рот, и мне это понравилось, потому что он перестал говорить.

– Тебе больше нечем заняться? – спросил я.

– Нечем. – Он зевнул и потянулся. – Думаю, я начинаю кое в чем разбираться. Например, что несколько нитей, связанных вместе, прочнее одной. Как государство.

– Ты что-нибудь ел? С тех пор, как стащил мое яблоко?

Он покачал головой:

– Не хочу.

– А деньги на еду у тебя есть?

Он улыбнулся:

– У меня есть целый золотой безант. Могу купить ферму.

– Не здесь.

– Да, тут отличная пахотная земля. Там, откуда я пришел, можно купить целую долину.

Я вздохнул.

– Внутри есть хлеб и сыр, – сказал я. – И кусок грудинки.

Это хоть ненадолго избавило меня от него, я закончил гибку и решил, что нужно отдохнуть. Слишком долго смотрел на раскаленный добела металл и почти ничего не видел, кроме меняющейся цвет заготовки.

Он вернулся с ломтем хлеба и всем моим сыром. По-хозяйски сказал:

– Угощайся.

Я не говорю с набитым ртом, это невежливо, поэтому сперва прожевал.

– Так откуда ты?

– Фин-Мохек. Слышал о таком?

– Это большой город.

– Ну, точнее, десять миль от Финна.

– Когда-то я был знаком с человеком оттуда.

– В Ультрамаре?

Я нахмурился:

– Кто тебе это сказал?

– Кто-то в деревне.

Я кивнул:

– Хорошее место – эта долина Мохек.

– Если ты овца, пожалуй. И мы жили не в долине, а выше, у болот. Там только вереск и скалы.

Я бывал в тех краях.

– Значит, – сказал я, – ты покинул дом в поисках богатства.

– Едва ли. – Он выплюнул что-то, вероятно, кусок шкурки с грудинки. О нее можно сломать зубы. – Я сразу вернусь туда, если для меня что-то еще осталось. А где ты был в Ультрамаре? Где именно?

– Да в разных местах, – сказал я. – Если тебе так нравится Мохек, почему ты оттуда ушел?

– Чтобы прийти сюда. Увидеться с тобой. Купить меч. – Определенно принужденная улыбка. – Зачем же еще?

– Зачем тебе меч в холмах Мохек?

– Я не собираюсь использовать его там.

Эти слова вырвались у него стремительно, как выплескивается из кружки пиво, когда в пивной кто-нибудь толкнет вас под руку. Он набрал побольше воздуха и продолжил:

– Во всяком случае не думаю, что буду.

– Правда?

Он кивнул:

– Я убью им человека, который убил моего отца, но не думаю, что он живет где-то там.

Я занялся этим делом случайно. Я сошел с корабля из Ультрамара; в пятидесяти ярдах от пристани стояла кузница. У меня в кармане лежали талер и пять медных стюверов, одежда, которую последние два года я носил под доспехами, и меч, который стоил двадцать золотых ангелов, но который я бы никогда, ни при каких обстоятельствах не продал. Я пошел в кузницу и предложил кузнецу талер за то, что он научит меня своему ремеслу.

– Убирайся, – сказал он.

Со мной так не говорят, поэтому я истратил талер на подержанную наковальню, несколько непригодных молотов, рашпиль, стуловые тиски и ведро и таскал все это – три центнера – с собой, пока не нашел за сыромятней полуразвалившийся сарай. Я предложил хозяину сыромятни три стювера в качестве арендной платы, на стювер купил грудку ржавых напильников и два ячменных караваев и стал учиться, решив за год оставить того кузнеца без заказчиков.

На самом деле мне понадобилось полгода. Если честно, я знал об этом ремесле немного больше, чем можно было бы подумать на основании предыдущих событий; дома я холодными утрами сидел в кузнице и смотрел, как работает наш кузнец, а учусь я быстро; к тому же в Ультрамаре выучиваешься самому разному, особенно чинить и совершенствовать оружие и доспехи, большая часть которых достается нам от врага, обычно с дырами. И когда пришло время выбирать свой профиль, мне предстоял выбор между мастером, кующим мечи, и мастером, кующим доспехи. Я бросил монету. Мне не повезло, и вот я здесь.

Я говорил, что у меня есть свое водяное колесо? Я сам его построил и горжусь им. Я строил его, опираясь на то, что знал об одном колесе, которое видел (заметил, осмотрел, а потом сжег) в Ультрамаре. Оно с двенадцатифутовым желобом, а вода поступала из ручья, стекающего по крутому склону там, где холм начинает понижаться. Колесо приводит в действие мой точильный камень и хвостовой водяной молот, единственный хвостовой молот к северу от Воссина; его я тоже построил сам. Я многое умею делать.

Ковать хвостовым молотом невозможно: нужно видеть, что ты делаешь, и чувствовать, как плывет металл. Во всяком случае, я этого не могу; я не совершенен. Но этот молот – идеален для придания формы законченному изделию, он принимает на себя все усилие, хотя приходится сосредоточиваться: необходимо легкое прикосновение. Головка этого молота весит полтонны. Я так поднаторел в обращении с ним, что могу разбить этим молотом скорлупу вареного яйца.

Я изготовил также особую установку для проделывания желобков и профилирования лезвий. Если угодно, это жульничество; но я называю это точностью и совершенством. Благодаря хвостовому молоту и установке я делаю прямые, ровные, плоские, заостренные мечи, которые не сворачиваются штопором при закалке, ведь каждый удар молотом – точно такой же силы, как предыдущий, а установка не ошибается, что неизбежно, если работать на глаз.

Будь я склонен верить в богов, я, вероятно, обожествовал бы хвостовой молот, хотя сам его сделал. Причины. Во-первых, он гораздо сильнее меня и вообще любого человека и неутомим, а это и есть основные качества бога. Его грохот – голос бога, он заглушает все остальное, вы не услышите даже собственных мыслей. Во-вторых, он творец. Он создает вещи, превращает полоски и стержни сырья в распознаваемые предметы, предназначенные для чего-либо и надежные собственной жизнью. В-третьих, и это самое важное, он наносит удары, неутомимо,

подавляюще, бьет дважды за время, которое уходит у моего сердца на один удар. Он сокрушитель, а именно таковы боги, верно? Они бьют, и бьют, и продолжают бить, пока вы не примете нужную форму или не превратитесь в кровавую кашу.

– И все? – спросил он.

Я видел, что на него это не произвело впечатления.

– Он не готов. Его еще нужно отшлифовать.

Мой точильный камень высотой с меня – плоский круглый, как головка сыра, песчаник. Его вращает река, и это хорошо – сам я не сумел бы. Нужны великая осторожность, деликатнейшие прикосновения. Они съедают металл и нагревают его, так что стоит отвлечься на долю секунды, и вы отпустите сталь, а меч изогнется, словно полоска свинца. Но благодаря этому точильному станку я настоящий художник. Я закрываю нос и рот шарфом в три слоя, чтобы не задохнуться от пыли, и надеваю толстые перчатки – если коснуться камня, когда он вращается, он обдерет до кости, прежде чем успеешь отдернуть руку. Шлифуя, нужно следить за потоками белых и золотых искр. Они прожигают кожу, поджигают рубашку, но нельзя позволить таким мелочам отвлекать тебя.

Все, что я делаю, требует сосредоточенности. Вероятно, именно поэтому я выбрал такую работу.

Я – противник затейливой отделки. Я говорю: если тебе нужно зеркало, иди купи зеркало. Но у моих мечей такие острые лезвия, что ими можно бриться, а еще мои мечи должны сгибаться и упруго распрямляться.

– Неужели это необходимо? – спросил он, когда я зажимал острие в тисках.

– Нет, – сказал я и потянулся за разводным ключом.

– Просто если ты его сломаешь, тебе придется все начать сначала, а я хочу поскорее закончить.

– Лучший в мире, – напомнил я, и он неохотно кивнул.

Для этой работы я использую особый инструмент. Этакую массивную вилку, которой можно малевать по стали орнаменты, если таково ваше представление о полезной и плодотворной жизни. Нужны все мои силы до последней капли (а я не слабак), чтобы провести испытание, способное загубить вещь, отнимавшую у меня жизнь и душу на протяжении последних десяти дней и ночей, испытание, которое клиент вряд ли оценит и от которого у меня все переворачивается внутри. Вы сгибаете клинок, пока его острие не коснется тисков, а потом осторожно отпускаете. Он выходит из тисков, и вы кладете его на идеально ровную, плоскую поверхность наковальни. Опускаетесь на колени и высматриваете тонкий волосок света между краем лезвия и наковальней. И, если находите, клинок отправляется на свалку.

– Вот, – сказал я, – подойди и посмотри сам.

Он опустился рядом со мной.

– На что именно смотреть?

– Ни на что. Этого здесь нет. В том все и дело.

– Можно теперь встать?

Идеально прямой; такой прямой, что даже свет не может протиснуться в щель. Мне ненавистны все шаги на пути к совершенству, усилия, и шум, и жара, и пыль, но, когда ты этого достиг, ты радуешься жизни как ребенок.

Я прикрепил эфес, рукоять и навершие, согнул клинок в тисках и отрихтовал хвостовик, так что он теперь оканчивался аккуратной маленькой пуговкой. Потом достал меч из тисков и протянул парню рукоятью вперед.

– Готово, – сказал я.

– Все?

– Все. Он твой.

Помню одного малого, которому сделал меч; это был графский сын, семи футов ростом и сильный, как бык. Я протянул ему законченный меч, он покрепче взял его в руку, взмахнул над головой, изо всех сил ударил по рогу наковальни и отрубил кусок. Меч отскочил на фут, клинок оставался неповрежденным. Я ударил его, отшвырнул на другой конец мастерской. «Ты, шут, – сказал я, – посмотри, что ты сделал с моей наковальней!» Встал он в слезах. Но годы спустя я простил его. Когда впервые берешь в руки добрый меч, тебя охватывает непередаваемое волнение. Меч тянет тебя за руку, как пес, который просится на прогулку. Тебе хочется размахивать им и рубить направо и налево. В крайнем случае заработаешь несколько порезов и ушибов под предлогом, что проверяешь балансировку оружия и удобство рукояти.

Но он просто взял меч, словно я протянул ему преysкурant.

– Спасибо, – сказал он.

– Не за что, – ответил я. – Что ж, прощай. Теперь можешь идти, – добавил я, видя, что он не двигается с места. – Я занят.

– Есть кое-что еще, – сказал он.

Я уже повернулся к нему спиной.

– Что?

– Я не умею фехтовать.

Он рассказал, что родился в амбаре, на болоте возле отцовского дома в полдень Иванова дня. Мать, которой следовало бы проявить большее благоразумие, настояла на том, чтобы вместе со своей служанкой поехать в тележке, запряженной собаками, на обед во время соколиной охоты. Начались роды, а вернуться в дом не было времени, но рядом оказался амбар, в нем было полно чистого сена, а неподалеку протекал ручей. Отец, возвращаясь с охоты с соколом на руке, увидел, как она лежит на сене с ребенком на коленях. Мы славno поохотились, сказал он. Добыли четырех голубей и цаплю.

Отец не хотел отправляться в Ультрамар, но он подчинился герцогу, а герцог пошел на войну, и у отца не осталось выбора. Герцог умер от тифа через неделю после высадки. Отец парня продержался девять месяцев; потом в бессмысленной драке в таверне его убил лучший друг. Отцу было двадцать два, когда он умер.

– Я сейчас в том же возрасте, – сказал парень.

– Печальная история, – сказал я. – Вдобавок очень глупая. Кстати, если хочешь знать, все истории про Ультрамар глупые.

Он мрачно посмотрел на меня.

– Возможно, в мире слишком много глупости, – сказал он. – Может, я хочу как-то это изменить.

Я кивнул:

– Ручаюсь, ты можешь значительно уменьшить ее количество, если умрешь. Но, наверно, это слишком дорогая цена.

Глаза у него были холодные и яркие.

– Человек, который убил моего отца, еще жив, – сказал он. – Пустил корни, процветает и счастлив, у него есть все, чего ни пожелает. Он вернулся из кошмара Ультрамара, и теперь мир для него снова полон смысла, а сам он полезный член общества, им восхищаются, его уважают и равные, и те, что выше его.

– И ты задумал перерезать ему горло?

Он покачал головой.

– Вряд ли, – сказал он. – Это было бы убийство. Нет, я хочу сразиться с ним на мечах. Я побью его, докажу, что я лучше. Затем я его убью.

Я тактично помолчал. Потом сказал:

– И ты ничего не знаешь о бое на мечах?

– Нет. Меня должен был обучить отец, как обычно делают отцы. Но он погиб, когда мне было два года. Я не знаю даже самых азов.

– Но собираешься бросить вызов старому солдату и доказать, что ты лучше. Понятно.

Он смотрел прямо мне в глаза. В таких случаях я всегда испытываю неловкость, хотя большую часть жизни смотрел на раскаленный металл.

– Я расспрашивал о тебе, – сказал он. – Люди считают, что ты был великим мечником.

Я вздохнул:

– Кто тебе это сказал?

– Это правда?

– «Был» означает, что дело прошлое, – сказал я. – Кто рассказал тебе про меня?

Он пожал плечами:

– Друзья отца. По-видимому, в Ультрамаре ты был легендой. Все слышали о тебе.

– Определяющая характеристика легенды та, что это неправда, – сказал я. – Я могу сражаться – и не более. А при чем тут это?

– Ты меня научишь.

Помню один случай в Ультрамаре. Мы грабили деревню. Мы часто грабили. Это называлось *chevauchée* – атакой рыцарей, но ничего рыцарского в этом не было, только поджог амбаров и охота за курами. Предполагалось, что такие нападения подрывают у неприятеля волю к борьбе. Забавно, все происходило с точностью до наоборот. Так вот, я был на этой ферме, с факелом в руке, и собирался поджечь стог. И там была собака. Глупая собачонка, каких держат для охоты на крыс, сама ненамного больше крысы; она залаяла, прыгнула на меня, вцепилась в ногу и не разжимала зубов, а я не мог дотянуться и ударить ее ножом, не задев при этом себя. Я уронил факел и принялся скакать по ферме, пытаясь ударить собаку о стену, но безрезультатно. Это было нелепо, но в конце концов собачонка одолела меня. Я выбежал на улицу, и, как только я это сделал, она разжала зубы и убежала в амбар. Моему сержанту пришлось поджигать стог горящими стрелами, а я так и не мог загладить эту свою ошибку.

Я посмотрел на него. Мне было знакомо выражение этого глупого розового лица.

– Хорошо, – сказал я.

– Да. Мне нужен лучший меч и лучший учитель. Я заплачу. Можешь взять пятую монету.

Золотой безант. На самом деле его настоящее название – *гиперперон*, что означает «высшей пробы». Враг в Ультрамаре отобрал их у нас столько, что использовал вместо своей валюты. Такова война: враг превращается в вас, а вы – во врага, как железные и стальные стержни под молотом. Единственные безанты, которые сегодня можно увидеть, – это вернувшиеся оттуда, но сейчас они в ходу повсеместно.

– Меня не интересуют деньги, – сказал я.

– Знаю. Меня тоже. Но, если я заплатил человеку за работу и он взял деньги, он мне должен.

– Я плохой учитель, – сказал я.

– Ничего страшного, я безнадежный ученик. Справимся в два счета, быстро, как амбары горят.

Если у меня когда-нибудь будет собака, то только терьер-крысолов. Может, мне просто нравятся агрессивные твари, не знаю.

– Можешь забрать свою монету и засунуть туда, где не светит солнце, – сказал я. – Ты и так переплатил за меч. Назовем это сдачей.

Меч – не лучший вид оружия. Большинство доспехов, даже правильно подбитый джеркин, защитят от него, он слишком длинный, чтобы использовать в драке, и слишком легкий и непрочный для серьезной стычки. В серьезном бою я предпочитаю копье или топор, и вообще в девяти случаях из десяти лучше обойтись обычными сельскими орудиями: баграми, вилами,

крюками, если они сделаны из хорошего материала и правильно закалены. А еще лучше, дайте мне лук и противника, скрывшегося под доспехами. Для воина на поле битвы лучший вид – вдоль стрелы на подмышку копейщика. Для самозащиты на дороге я предпочитаю дубину; для схваток на улицах и в помещениях, где часто не хватает места, лучше всего подойдет нож, которым ты бреешь бороду и чистишь яблоко. Во-первых, ты к нему привык, и ты знаешь, где он у тебя за поясом, даже не глядя.

Единственное, для чего меч поистине хорош, – это фехтование на мечах, что практически означает дуэль, что нелепо и противозаконно, или просто фехтование – игра в бой, хорошее развлечение, где никто не пострадает (но у меня другое представление о забавах), а еще рисовка. Нет надобности говорить, что именно поэтому мы отправляемся в Ультрамар, препоясавшись мечами. У некоторых прекрасные новые мечи, у самых везучих – настоящие старые мечи, семейное наследие, стоящее тысячи акров доброй пахотной земли вместе со зданиями, скотом и поселянами. Дело в том – только не говорите, что я вам это сказал, – что старые мечи не обязательно лучшие. Двести лет назад хорошей стали было еще меньше, чем сейчас, а люди были сильнее, поэтому старые мечи тяжелее, ими труднее пользоваться, они шире, и у них закругленный конец; они предназначены скорее для того, чтобы рубить противника, а не пронзать. Большинство этих молодых мечников умирает от поноса раньше, чем пустынное солнце высушит одежду, в которой они прибыли. Их вещи продадут, чтобы оплатить съеденное ими в солдатской столовой. Там, в Ультрамаре, иногда можно таким образом раздобыть уникальное оружие.

– Я не знаю, как учить, – сказал я. – Никогда этого не делал. Поэтому я буду учить тебя так, как учил меня отец, это единственный известный мне способ. Согласен?

Он не заметил, что я подобрал грабли.

– Хорошо, – сказал он, поэтому я снял с граблей поперечину с зубьями – она всегда насажена свободно – и треснул его черенком.

Я очень хорошо помню свой первый урок. Главное отличие в том, что отец использовал метлу. Сначала он черенком сильно ткнул меня в живот. Когда я согнулся, хватая воздух, он ударил по коленной чашечке, и я упал. Тогда он приставил конец черенка к моему горлу и надавил. Я едва мог дышать.

– Ты не ушел от удара, – объяснил он.

Тогда, во время первого урока, мне было пять лет, а свалить на землю взрослого человека труднее. Мне пришлось добраться до его колена с противоположной стороны, чтобы он упал. Когда он отдышался, я увидел, что он плачет, – у него действительно лились слезы.

– Ты не сумел уйти от удара, – объяснил я.

Он посмотрел на меня и тыльной стороной ладони вытер слезы.

– Я понял, – сказал он.

– Больше не допускай таких ошибок, – сказал я ему. – Отныне когда человек – любой человек – окажется так близко к тебе, что может ударить, ты должен считать, что он ударит. Держись на расстоянии или будь готов за доли секунды увернуться. Понял?

– Думаю, да.

– Никаких исключений, – сказал я. – Никогда и нигде. Твой враг, твой лучший друг, твоя жена, твоя шестилетняя дочь – никакой разницы. Иначе боец из тебя не получится.

Он несколько мгновений смотрел на меня, и я подумал, что он действительно понял. Это как сцена в старой пьесе, когда дьявол предлагает ученому мужу договор и тот его подписывает.

– Вставай.

Я опять ударил его, когда он поднялся лишь вполроста. Всего-навсего легкий толчок в ключицу: довольно, чтобы причинить сильнейшую боль, но ничего не сломать.

– Это все для моего блага, я понимаю.

– О да. Это твой самый ценный урок.

Следующие четыре часа мы посвятили работе ног: шаги вперед и назад, шаги в сторону. Каждый раз, ударяя его, я бил чуть сильнее. Он со временем приспособился.

Мой отец не был плохим человеком. Он всем сердцем любил свою семью, она значила для него больше всего. Но у него был один недостаток – вроде непрогретого места или включения, которые иногда возникают при сварке, когда металл недостаточно нагрет или в соединение попадает кусочек грязи. Отцу нравилось причинять людям боль, это его возбуждало. Только людям, не животным. Он был хороший скотовод и честный, добросовестный охотник, но ему нравилось бить людей и слушать их крики.

Я могу это понять – отчасти потому, что я сам такой же, хотя и в меньшей степени и лучше контролирую это стремление. Может, это всегда было у меня в крови, а может, это сувенир из Ультрамара; вероятно, и то и другое. Я осознаю это в терминахковки. Можно бить раскаленный добела металл, но нельзя положить один кусок на другой и надеяться, что они сольются. Их надо долго бить, чтобы они соединились. Осторожно, рассудительно, не слишком сильно и не слишком слабо. Достаточно, чтобы металл заплакал и пролил слезы искр. Но я терпеть не могу людских слез. Это заставляет меня презирать людей, и мне трудно сдержаться. Ну, в общем, вы поняли, почему я предпочитаю держаться подальше от них. Я знаю, что со мной неладно, а знание своих недостатков – начало мудрости. Я нечто вроде фехтовальщика наоборот. Я всегда держу дистанцию; отчасти чтобы меня не могли ударить, но главным образом, потому что сам не могу ударить их.

Когда научишься работать ногами, остальное сравнительно легко. Я научил его восьми приемам нападения и семи – защиты (я держусь семи; есть еще четыре, но это просто разновидности). Он быстро все усвоил, теперь, когда понимал главное: *не позволяй себя ранить*, и далее – *обезвредь его*.

– Лучший способ сделать человека безвредным, – говорил я, – ранить его. Боль сразу остановит его. Убийство останавливает не всегда. Ты можешь заколоть, и всякая надежда для него будет потеряна, но он все равно может очень опасно ранить тебя, прежде чем упадет на землю. А вот если ты парализуешь его болью, он больше не опасен. Можешь убить его или отпустить – как захочешь.

Я показывал: обходил его меч и бил парня в живот концом черенка грабель – это один из худших ударов, но он оставался на ногах. Потом я ударил его по колену, и он упал.

– Убийство бесполезно, – говорил я. – Схватку выигрывает боль. Конечно, если ты решил разрубить его до пупка, это другое дело – тогда это мелодрама, в которой тебя тоже убьют. В бою рань противника и переходи к следующему. В дуэли побеждай и будь милосерден. Меньше проблем с законом.

Как вы, вероятно, догадались, мне понравилось учить. Я передавал ценные знания и умения, что само по себе дело стоящее, я демонстрировал свое мастерство и при этом мог бить отпрыска благородного семейства – ради его же блага. Как это может не понравиться?

Лучше всего учишься, когда измучен, в отчаянии или тебе больно. Этому меня научил Ультрамар. Я муштровал малого с рассвета до заката, а потом мы зажигали лампу и занимались теорией. Я учил его линии и кругу. Подсознательно вы стремитесь в бою оставаться на линии: вперед – нападать, назад – обороняться; парировать, делать выпад, снова парировать. Все неверно. Идиотизм. Вместо этого вы должны идти по кругу, отступая в сторону, чтобы уйти от удара врага и в то же время нанести ему удар. Никогда не ограничивайтесь защитой, всегда контратакуйте. Каждый ваш удар должен либо убить противника, либо остановить. И на каждое движение руки – движение ноги; ну вот, я открыл вам все тайны и загадки фехтования, и мне ни разу не пришлось вас ударить.

– Почти всякая схватка, – сказал я ему, давая возможность вытереть кровь с глаз, прежде чем мы продолжим, – в которой хоть один из участников знает, что делает, длится от одной до четырех секунд. Если дольше, это уже основа для эпоса. – Решив, что он не готов, я нанес ему *мандириitto* (удар справа налево) по виску. Он отступил не задумываясь, опустил оружие, и мое сердце возрадовалось, когда я ушел от его прямого выпада и парировал его в третьей позиции. До сих пор он ни разу меня не ударил, к некоторому моему разочарованию, но за шесть часов он четырежды едва не достал меня. Весьма многообещающе. Ему просто не хватало инстинкта убийцы.

– Пятая защита, – продолжал я, и он сделал выпад. Я едва не ошибся с его истолкованием, потому что он замаскировал «клык кабана» как «железные ворота»; я смог только очень быстро отступить и выбить палку у него из руки. Потом ударил его за то, что он помешал мне говорить. Он едва не ушел от удара, но я хотел его ударить, и у него не вышло.

После этого ему пришлось подниматься с земли. Я сделал длинный шаг назад, провозглашая перемирие.

– Думаю, пора подвести предварительные итоги, – сказал я. – Сейчас ты уже очень хорош. Не лучший в мире, но способен побить девяносто пять бойцов из ста. Хочешь на этом остановиться и избавиться себя от дальнейшей боли и унижения?

Он медленно встал и промокнул подбитый глаз.

– Я хочу быть лучшим, – сказал он. – Если ты не возражаешь.

Я пожал плечами.

– Не думаю, что у тебя получится, – сказал я. – Чтобы стать лучшим, надо слишком много потерять. Оно того просто не стоит. Станешь лучшим – превратишься в чудовище. Оставайся просто хорошим и будешь гораздо счастливей.

Он являл жалкое зрелище, весь в порезах и синяках. Но под всей этой кровью и потемневшей плотью оставался красивым, полным надежд мальчиком.

– Думаю, я бы поучился еще, если не возражаешь.

– Как хочешь, – ответил я и позволил ему поднять палку.

На самом деле он очень напоминал мне меня в его возрасте.

В Ультрамаре я отправился дерзким, выводящим из терпения мальчишкой. Я с самого начала знал, что земли мне не видать: у моих старших братьев отменное здоровье. Вероятно, это всегда вызывало у меня негодование. Думаю, из меня вышел бы хороший фермер. Я никогда не боялся тяжелой работы, считал, что дела нужно делать не завтра, или когда выдастся свободный часок, или когда кончится дождь, а сейчас, немедленно, прежде чем упадет дерево, поддерживающее крышу, и амбар рухнет; прежде чем столбы изгороди повалятся и овцы убегут в болота; прежде чем овес погибнет прямо в поле, прежде чем мясо протухнет на жаре; пока еще есть время, пока еще не поздно. Вместо этого я видел, как хозяйство постепенно разваливается – а упадок и разложение всегда этикие мирно-постепенные; траве нужно столько времени, чтобы прорасти меж булыжниками, что это перемены незаметные и потому не кажутся угрожающими. Но отец и братья не разделяли моей точки зрения. И мне очень хотелось уйти от них. Хотелось взять меч и отсечь для себя от мира жирный кусок. В Ультрамаре хорошие земли, сказали мне, потрудись в поте лица, и они станут лучшими в целом свете.

Самое лучшее – эта концепция всю жизнь летела передо мной, не даваясь в руки. Сейчас я, конечно, лучший из лучших – на одном малом участке одной узкой специализации. Я застрял, придавленный своим превосходством – так балка падает вам на ногу в горящем доме.

Но не важно; я отправился в Ультрамаре, намереваясь стать фермером. Прибыв туда, я увидел то, что осталось после семидесяти лет непрерывных *chevauchée*, и сразу это узнал. Это было то, что ждало земли отца на родине, но в глобальном масштабе. Все амбары обрушились, все ограды повалились, весь скот перебит, все хорошие пастбища заросли шиповником и кра-

пивой; покой и леность плодоносили здесь быстрее и изобильнее (как ускоряют рост всходов, накрывая их соломой) под действием войны. Оттяпать себе кусок *этого*? – спросил я себя. К чему стараться? Поэтому я стал причинять боль людям.

А штука в том, что, если делать это на войне, вас за это превозносят. Странно, но правда.

У войны такой размах, что можно позволить себе выбирать. Можно ограничиться тем, что причиняешь вред врагу, которого вокруг полно и становится вдвое больше, как только покончишь с тем, что у вас на тарелке. Я выжил в Ультрамаре, потому что это было лучшее время моей жизни – до поры.

Странные ребята эти фермеры: они любят свою землю и свой скот, свои постройки, изгороди, деревья, но дайте им возможность разорить чужую землю, убить чужой скот, сжечь чужие дома, повалить чужие изгороди, вырубить чужие деревья – и после недолгих колебаний они охотно этим займутся. Думаю, это инстинкт мщения: получай, хозяйство, будешь знать! Добровольцы для *chevauchée*? Моя рука взлетела вверх, прежде чем я успел подумать.

А потом я набедокурил, и мне пришлось возвращаться домой. Я плакал, когда объявили приговор. Презираю мужчин, которые плачут. Мне объявили помилование – с учетом лет моей доблестной и почетной службы. Я думаю, дело было в другом. Полагаю, они просто лопались от злости.

Наступил момент – внезапно, – когда все было кончено, и я достиг успеха. Я собрался ударить его – сначала атака с верхним финтом, потом удар понизу, но его просто не оказалось на месте, и я не смог его ударить; потом мое ухо обожгло болью, и пока я в замешательстве отвлёкся, он черенком метлы ткнул меня в живот.

Он не был таким, как я. Сделал длинный шаг назад и дал мне возможность прийти в себя.

– Прости, – сказал он.

Мне потребовалось время, чтобы отдышаться и сказать:

– Никогда не извиняйся, что бы ты ни сделал. – Потом я принял первую позицию. – Еще.

– Правда?

– Не валяй дурака. Еще раз.

Я подпустил его поближе – так нападать гораздо трудней. Читая его, как открытую книгу, я живо шагнул в сторону и уклонился, но, когда тяжело проскочил мимо него, он ударил меня по локтю, а потом толкнул черенком метлы в спину. Я потерял равновесие и упал.

Он помог мне подняться.

– Думаю, я начинаю кое-что понимать, – сказал он.

Я напал на него. Больше всего на свете мне хотелось побить его. Но я не мог до него добраться, а он продолжал бить меня, осторожно, только чтобы доказать свое умение. После десятка выпадов я опустился на колени. Силы покинули меня, словно один из его осторожных тычков пробил мне сердце.

– Сдаюсь, – сказал я. – Ты победил.

Он смотрел на меня с некоторым смущением.

– Не понимаю.

– Ты побил меня, – сказал я. – Теперь ты лучший.

– Правда?

– Чего ты хочешь? Чертово свидетельство? Да.

Он медленно кивнул.

– Что делает тебя лучшим в мире учителем, – сказал он. – Спасибо.

Я отбросил черенок граблей.

– Не стоит. А теперь уходи. Нам больше нечего делать вместе.

Он продолжал смотреть на меня.

– Значит, я действительно лучший в мире фехтовальщик?

Я рассмеялся:

– Об этом я ничего не знаю, но ты лучше меня. А значит, действительно хорош. Надеюсь, ты доволен, поскольку что касается меня, это было бессмысленное упражнение.

– Нет, – сказал он, да так, что заставил на себя посмотреть. – Не забудь, все это делалось неспроста.

Собственно говоря, я об этом забыл.

– Ах да, – сказал я, – чтобы ты смог убить человека, убившего твоего отца. – Я покачал головой. – Ты не передумал?

– О нет.

Я вздохнул:

– А я-то надеялся, что вбил в тебя немного здравого смысла, – сказал я. – Послушай, ты же должен был чему-то научиться. Подумай об этом. Чего ты этим добьешься?

– Мне станет легче.

– Ладно. Не думаю, что у тебя получится. Я убил бог знает сколько людей, сплошь врагов, и поверь, это никогда не приносило мне облегчения. Это только ожесточит тебя, какковка краев клинка.

Он улыбнулся:

– А твердое – это хрупкое, да, знаю. Уверяю тебя, от меня не ускользнул смысл этой метафоры.

Теперь боль немного отпустила, и я дышал почти нормально.

– Что ж, – сказал я, – наверное, ты должен выпустить это на волю, а потом сможешь жить нормально. Действуй, и удачи тебе.

Он неловко улыбнулся:

– Значит, ты меня благословляешь?

– Дурацкая формулировка, но, если угодно – да. Благословляю тебя, сын мой. Этого ты хотел?

Он рассмеялся:

– Хоть и ненадолго, ты заменил мне отца. – Это была цитата, только не помню откуда. – Думаешь, я смогу победить его?

– Не вижу, почему бы нет.

– Я тоже, – сказал он. – Во второй раз всегда легче.

Не могу сказать, что я медленно соображаю. Но признаюсь, тут до меня дошло не сразу. И вдруг он сказал:

– Ты так и не спросил, как меня зовут.

– И что?

– Меня зовут Эмерик де Пегильян, – сказал он. – Моего отца звали Бернхарт де Пегильян. Ты убил его в пьяной драке в Ультрамаре. Разбил ему голову каменной бутылкой. – Он бросил черенок метлы. – Подожди здесь. Я возьму мечи и сразу вернусь.

Я рассказываю вам эту историю, поэтому понятно, что произошло.

У него был лучший в мире меч, и я научил его всему, что знал, и под конец он превзошел меня; он всегда был лучше меня, в точности как его отец. Почти все лучше меня во многих отношениях. Одним из его преимуществ передо мной было отсутствие инстинкта убийцы.

Но сражался он превосходно, надо отдать ему должное. Хотел бы я наблюдать за этой схваткой, а не участвовать в ней; это было изумительное развлечение, и оно пропало втуне, потому что никто этого не видел. Естественно, мы потеряли счет времени, но, полагаю, сражались мы минут пять, а это целая вечность, и от начала до конца между нами ни на волосок не было разницы. Все равно как если бы я сражался со своей тенью или со своим отражением в зеркале. Я читал его мысли, он читал мои. Продолжая скучную развернутую метафору, это

была кузнечная сварка в наилучшем виде. Что ж, оглядываясь в прошлое, я вижу это именно в таких понятиях, словно смотрю на свои лучшие завершенные вещи; я получаю огромное наслаждение, закончив, но ненавижу каждую минуту работы.

Когда я просыпаюсь ночью весь в липком поту, то говорю себе, что победил, – ведь он споткнулся о камень или подвернул ногу, и этого крошечного преимущества было достаточно. Но это неправда. Я победил его справедливо и честно благодаря запасу жизненных сил, инстинкту убийцы и просто стремлению победить. Я создал крошечную возможность, изобразив ошибку. Он поверил – и обманулся. Это был совсем крошечный шанс, выбирать не приходилось; лишь на долю секунды его горло оказалось открыто, и я мог дотянуться до него острием меча – такой удар мы называем *stramazone*. Я перерезал ему горло и отскочил, чтобы он не забрызгал меня кровью. Потом я похоронил его в мусорной куче вместе со свиными костями и домашним сором.

Должен был победить он. Конечно, он. Это был, в общем, славный малый, и, если бы он выжил, все с ним было бы более или менее хорошо; во всяком случае, он жил бы не хуже моего отца и уж точно лучше меня. Я люблю говорить себе: он умер очень быстро и не узнал, что проиграл.

Но в тот день я показал себя лучшим, а ведь именно в этом суть боя на мечях. Это простая, но надежная проверка, экзамен, и он его провалил, а я выдержал. Лучший всегда побеждает, потому что определение слова «лучший» таково: *все еще живой в финале*. Можете не соглашаться, но вы неправы. Мне самому это не нравится, но это единственное разумное определение.

Каждое утро я выкашливаю черную сажу и серую грязь – дар огня и точильного камня. Кузнецы долго не живут. Чем трудней работа, чем лучше вы ее делаете, тем больше вдыхаете ядовитой грязи. Моим преимуществом станет смерть в один из грядущих дней.

Я продал его меч герцогу Скона – забыл, за сколько; во всяком случае, это была несуразно огромная сумма, но герцог хотел купить самый лучший меч и получил то, за что заплатил. Кстати, мой бочонок с золотом теперь почти полон. Не знаю, что я сделаю, когда он совсем заполнится. Какую-нибудь глупость, вероятно.

У меня могут быть все пороки мира, но по крайней мере я честен. Нельзя не отдать мне должного.

Робин Хобб³

Автор бестселлеров по версии «New York Times» Робин Хобб сегодня является одним из самых популярных творцов фэнтези – продано более миллиона копий ее романов в мягких обложках. Более всего она известна по серии «Сага о Видящих», включающей в себя романы «Ученик убийцы», «Королевский убийца», «Странствия убийцы», а также по двум связанным с ней сериям «Сага о живых кораблях» («Волшебный корабль», «Безумный корабль», «Корабль судьбы») и «Сага о Шуте и Убийце» («Миссия шута», «Золотой шут», «Судьба шута»). Она также выпустила серию «Сын солдата» («Дорога шамана», «Лесной маг», «Магия отступника») и серию «Хроника Дождевых чащоб» («Хранитель драконов», «Драконья гавань», «Город драконов», «Кровь драконов»). Последняя по времени написания сага «Трилогия о Фитце и Шуте» включает в себя романы «Убийца шута», «Fool's Quest» и «Assassin's Fate». Хобб также пишет под своим настоящим именем, Мэган Линдхольм: «Полет гарпии», «Заклинательницы ветров», «Врата Лимберта», «Колеса удачи», «The Reindeer People», «Wolf's Brother», «Cloven Hooves», научно-фантастический роман «Alien Earth» и совместный со Стивеном Брастом роман «The Gypsy». Последней законченной работой Мэган Линдхольм, «совместно с Робин Хобб», является сборник «The Inheritance: And Other Stories».

³ © Robin Hobb, 2017; © пер. К. Егоровой, 2017.

Меч ее отца

Таура пошевелилась на смотровой площадке. Закоченевшее тело повиновалось с трудом, а два тонких бревна, привязанных к веткам, едва ли можно было назвать «сторожевой площадкой». На ровной поверхности зад и спина болели бы меньше. Таура села на корточки и вновь проверила положение луны. Когда та окажется над Дюной на Мысе последнего шанса, вахта Тауры кончится, и ее сменит Керри. Теоретически.

Ей достался наименее вероятный путь в деревню. Дерево было обращено к рыночному тракту, который вел в глубь суши, к рынку Хайграунд, где местные продавали рыбу. Вряд ли перекованные явятся с этой стороны. Похищенных людей вышвыривали из домов и сгоняли на пляж. Пленных горожан провели мимо сожженных рыбацких лодок и разрушенных коптилен для улова. Мальчишка, отважившийся последовать за своей матерью, говорил, что захватчики посадили людей в лодки и увезли на Красный корабль, что стоял на якоре у берега. И раз они ушли в море, значит, из моря и вернутся.

Таура видела их из своего тайника в большой иве, что смотрела на гавань. Казалось, налетчикам все равно кого хватать. Таура видела старого папашу Гримби и Сэлэл Гриноук с младенцем на руках. Видела крошечных близнецов Бодби, и Келию, и Рудана, и Коупа. И своего отца, ревущего и спотыкающегося, с залитым кровью лицом. Она знала имя почти каждого пленника. Деревушка Смоукерскоут была небольшой. В ней жило около шести сотен человек.

Жило прежде. До налета.

После налета, когда справились с пожарами, Таура помогала собирать тела. Насчитав сорок, она бросила считать, а ведь здесь лежали только те, кто жил на восточном конце деревни. Возле хлипкой пристани был еще один погребальный костер. Нет. Пристань уже не была хлипкой. Она превратилась в обугленные бревна, торчавшие из воды рядом с затопленными рыбацкими лодчонками. Среди них лежала и лодка отца Тауры. Все случилось так быстро, что перемены не укладывались в голову. Сегодня вечером она решила сбегать домой за теплым плащом. Потом вспомнила, что ее дом превратился в мокрый пепел и обугленные доски. И не только ее. Сгорели пять соседних домов – и десятки других по всей деревне. Даже роскошный двухэтажный дом Келпа, так и не законченный, стал дымящейся грудой бревен.

Таура снова пошевелилась и почувствовала под собой что-то твердое. Она села на свисток со шнурком. Деревенский совет выдал ей дубину и свисток, чтобы дуть, если кто-то появится. Два свистка – и из деревни прибегут крепкие ребята с «оружием». С колами, топорами и острогами. И прибежит Джелин с мечом ее отца. А если никто не придет? На такой случай у нее была дубина. Как будто она собиралась спускаться с дерева и бить кого-то. Как будто она могла ударить человека, которого знала с детства.

Ее ушей достигло ритмичное цоканье. Лошадь? Солнце село, да и путешественники редко заходили в Смоукерскоут, не считая желающих купить рыбу, которые появлялись на исходе лета, к осеннему ходу морского окуня. Но зимой и после заката? Кто мог сюда заехать? Вглядываясь в темноту, Таура пристально следила за узкой полосой утопанной земли, что тянулась между поросшими лесом холмами к Хайграунду.

Она увидела лошадь и всадника. Одну лошадь и одного всадника, с бугристым свертком спереди и двумя набитыми сумами сзади. На глазах у Тауры сверток задержался, протяжно заскулил и завопил голосом обиженного ребенка.

Таура один раз дунула в свисток – сигнал «возможно, опасность». Всадник остановился и посмотрел на ее насест. Он не потянулся к луку. Судя по всему, он с трудом удерживал ребенка в седле. Таура выпрямилась, немного размяла занемевшую от холода спину и начала спускаться. К тому времени как она достигла земли, появились Марва и Карбер. И Керри, которому давным-давно полагалось сменить Тауру. Они держали длинные колья, преграждая

лошади путь, и пытались допросить всадника, перекрикивая детские вопли. При свете факелов Таура увидела молодого человека с темными волосами и глазами. Его толстый шерстяной плащ был синего цвета – цвета Бакка. Таура гадала, что лежит в притороченных к седлу суммах.

– Кто-нибудь заберет у меня этого мальчишку? – наконец крикнул всадник. – Он говорит, его зовут Пиви, а его мать – Келия! Сказал, что живет в Смоукерскоуте, и показал дорогу. Он местный?

– Сынишка Келии! – ахнула Марва и придвинулась ближе, чтобы разглядеть брыкающегося, извивающегося ребенка. – Пиви! Пиви, это я, кузина Марва. Иди ко мне! Давай же!

Мужчина начал снимать мальчика с высокой черной лошади, а тот повернулся к нему и крикнул:

– Я тебя ненавижу! Ненавижу! Отпусти!

Марва отпрянула.

– Он перекованный, да? Святая Эда, что же нам делать? Ему всего четыре, и он единственное дитя Келии. Должно быть, налетчики схватили его вместе с ней. Я думала, он погиб в пожаре!

– Он не перекованный, – нетерпеливо ответил всадник. – Он сердится, потому что у меня не нашлось для него еды. Прошу, заберите его.

Мальчишка колотил пятками по лошадиному плечу, то несвязно завывая, то зовя мать. Марва вновь шагнула вперед. Пиви удалось несколько раз пнуть ее, прежде чем она подхватила его на руки.

– Пиви, Пиви, это я, ты в безопасности! Милый, теперь все хорошо. Ты такой холодный! Пожалуйста, успокойся.

– Я хочу есть! – крикнул мальчик. – Я замерз! Меня покусали комары, я порезал руки ракушками, а мама скинула меня с лодки! Просто скинула с лодки в темную воду! Я кричал, но лодка уплыла. Волны швыряли меня, и мне пришлось лезть на скалу, а потом я потерялся в лесу! – жаловался он пронзительным детским голосом.

Таура придвинулась к Керри.

– Твоя вахта, – напомнила она.

– Я знаю. – Он смерил ее пренебрежительным взглядом.

Она пожала плечами. Ее дело – напомнить ему, а не следить, чтобы он выполнял свои обязанности. Она свои выполнила.

Незнакомец спешил и повел лошадь в деревню, как будто уверенный в своем праве находиться здесь. Таура отметила, что все расступились перед ним, забыв о допросе. Что ж, он не был перекованным. Перекованный никогда не помог бы ребенку. Незнакомец одарил мальчика на руках у Марвы сочувственным взглядом.

– Это многое объясняет. – Он посмотрел на Карбера. – Парнишка выскочил из леса прямо перед моей лошадью, плача и зовя на помощь. Я рад, что остались те, кто о нем позаботится. И сожалею о налете. Вы не одиноки. На прошлой неделе пострадал Шрайк, что выше по берегу. Я направлялся туда.

– А кто ты такой? – с подозрением осведомился Карбер.

– Король Шрюд получил голубя из Шрайка и тут же отправил меня. Мое имя – Фитц Чивэл Видящий. Меня послали на помощь Шрайку. Я не знал, что вы тоже пострадали от набега. Я не могу задержаться надолго, однако могу рассказать вам то, что следует знать, чтобы с этим справиться. – Он заговорил громче, обращаясь к тем, кто вышел на свисток Тауры. – Я могу научить вас справляться с перекованными. По крайней мере, тому, что мы умеем. – Он оглядел лица собравшихся и сказал более уверенным голосом: – Король послал меня помогать таким, как вы. Оставьте часовых, но соберите всех остальных жителей деревни. Мне нужно поговорить со всеми вами. Ваши перекованные могут вернуться в любой момент.

– Один человек? – сердито спросил Карбер. – Мы говорим королю, что на нас напали, что Красные корабли похищают наших людей – а в ответ он посылает одного человека?

– Бастарда Чивэла, – добавил кто-то. Кажется, Хедли, но в сумерках Таура не была уверена. Люди выходили из уцелевших домов и присоединялись к тем, что следовали за посланником и его лошастью. Посланник не обратил внимания на оскорбление.

– Король послал меня не сюда, а в Шрайк. Я свернул с дороги, чтобы вернуть мальчика. Ваш постоянный двор уцелел после налета? Я бы не отказался от ужина и стойла для моей лошади. Прошлую ночь мы провели под дождем. И на постоялом дворе можно собрать всех людей, чтобы выслушать меня.

– В Смоукерскоуте отродясь не было постоянного двора. Он нам ни к чему. Дорога кончается здесь, возле бухты. Все, кто тут живет, спят в собственных постелях. – Карбер явно был оскорблен тем, что посланник короля вообразил, будто в Смоукерскоуте есть постоянный двор.

– Раньше спали, – тихо сказала Таура. – Теперь у многих из нас постелей нет.

Где она будет спать сегодня? Быть может, в доме соседа. Джелин предложил ей одеяло на полу перед очагом. По словам ее матери, он поступил щедро. По-соседски. Ее младший брат Джеф полностью согласился с матерью. И когда Джелин попросил, они отдали ему папин меч. Словно оказались перед ним в долгу за его благородный поступок. Меч был одной из немногих вещей, которые они спасли из подожженного захватчиками дома. «Твой брат слишком молод, а тебе никогда не хватит сил им махать. Пусть достанется Джелину». Так сказала ее мать – и сурово прикрикнула на нее, когда она обнаружила, что они сделали. «Помни, что говорил твой отец. Делай, что должно, чтобы выжить, и не оглядывайся».

Таура прекрасно помнила, когда он это сказал. Он и его команда из двух человек сбросили за борт почти весь улов, чтобы пережить внезапный шторм. Таура думала, что одно дело – пожертвовать чем-то ценным, чтобы выжить, и совсем другое – отдать последнюю ценную вещь чванливому хвастуну. Мать может считать, будто Тауре никогда не хватит сил махать этим мечом, однако она не знала, что Таура уже могла поднять его. Несколько раз, по вечерам, когда отец доставал меч, чтобы почистить и заново смазать, он позволял ей подержать его. Ей всегда требовались для этого обе руки, но в последний раз она смогла поднять меч и замахать, пусть и неуклюже. Отец хмыкнул. «Сердце, но не мускулы. Жаль. Мне бы пригодился высокий сын с твоим характером. – Он покосился на Джефа и пробормотал: – Или хоть какой-то сын с головой».

Но она не была сыном, не была крупной и сильной, как отец, а была щуплой, как мать. Ей сравнялось достаточно лет, чтобы трудиться на лодке вместе с отцом, однако он никогда ее не брал. «На палубе нет места для матроса, который не может справиться со всеми своими обязанностями. Очень жаль». На этом все и кончилось. Но позже, в том же месяце, он вновь позволил ей поднять обнаженный меч. Она взмахнула им дважды, прежде чем его собственный вес притянул острие к земле.

И отец ей улыбнулся.

Однако папы больше нет, его забрали Красные корабли. И у нее ничего от него не осталось.

Таура была старшей, меч должен был перейти к ней, могла она им махать или нет. Но случилось так, что ее не спросили. Закончив стаскивать тела к погребальному костру, она вернулась домой – вернулась в дом Джелина – и увидела меч в ножнах, стоящий в углу, точно метла! Они с матерью и Джефом могли спать на полу в доме Джелина – а он мог забрать единственную ценную вещь, принадлежавшую ее семье. И ее мать считала это правильным. Как можно было назвать такую сделку справедливой? Ему ничего не стоило пустить их спать на полу. Похоже, мать понятия не имела, как выживать.

Не думай об этом.

– ...коптильня для рыбы, – говорил Карбер. – Теперь она почти пуста. Но мы можем развести огонь для тепла, а не для дыма, и собрать там людей.

– Хорошо бы, – ответил незнакомец.

Марва улыбнулась ему. Пиви перестал брыкаться, обнял кузину за шею и уткнулся лицом в ее плечо.

– В нашем доме найдется место для вас, господин. А в нашем козьем хлеву – избыток места для вашей лошади. – Ее улыбка стала горькой. – Налетчики почти не оставили нам животных. Тех, что не забрали, убили.

– Мне жаль это слышать, – устало ответил он, и Тауре показалось, что ему прекрасно знакома эта история, и, возможно, он всегда говорит эти слова.

Карбер разослал гонцов по деревне, чтобы созвать людей в коптильню. Таура испытала ребяческое удовлетворение, когда он приказал Керри занять пост. Она последовала за толпой к коптильне. Там уже ютилось несколько семей. Они развели огонь и соорудили временные хозяйства в разных частях сарая.

Думала ли ее мать поселиться тут? Так они остались бы отдельной семьей, хозяйством. И сохранили бы папин меч.

Карбер перевернул ящик, чтобы посланник встал на него. Деревенские жители собирались в покоем на амбар сарая, пропахшем ольховым дымом и рыбой. Люди стекались медленно, и Таура видела, что нетерпение посланца растет. Наконец он вскарабкался на свой небольшой помост и призвал всех к тишине.

– Мы больше не можем ждать. Перекованные могут вернуться в вашу деревню в любой момент. Это мы знаем. Красные корабли следуют этому плану с тех самых пор, как напали на Кузницу и вернули половину ее жителей жестокими призраками самих себя.

Он опустил глаза, увидел замешательство на лицах и заговорил проще:

– Красные корабли являются. Пираты убивают и грабят, но настоящее разрушение начинается после их ухода. Они забирают тех, кого вы любите. Что-то делают с ними, что-то, чего мы не понимаем. Потом держат их некоторое время – и возвращают вам, в семью. Возвращают усталыми, голодными, промокшими и замерзшими. Они будут выглядеть как ваши родные и будут называть вас по имени. Но это будут не те люди, что прежде.

Он оглядел собравшихся и покачал головой при виде надежды и недоверия, вызванных его словами. Таура смотрела, как он пытается объяснить.

– Они будут помнить ваши лица и имена. Отец будет знать имена своих детей, пекарь вспомнит свои противни и печь. Они будут искать свои прежние дома. Но вы не должны впускать их в деревню. Потому что они не будут заботиться о вас, они будут заботиться только о себе. Они принесут воровство и побои, убийства и насилие.

Таура уставилась на него. Он говорил бессмыслицу. На лицах других отражалось то же смущение, и посланник печально покачал головой.

– Это сложно объяснить. Отец будет выхватывать пищу изо рта своего маленького сынишки. Если у вас есть то, что они хотят, они это заберут, не гнушаясь никакой жестокости. Если они голодны, они захватят всю пищу себе, если им нужно укрытие – выгонят вас из ваших домов. – Понизив голос, он сказал: – Если они испытывают похоть, они будут насиловать. – Оглядел слушателей и добавил: – Насиловать кого угодно.

Он снова покачал головой, видя неверие на их лицах.

– Прошу, прислушайтесь ко мне! Все, что вы слышали о перекованных, все слухи – все правда. Отправляйтесь домой сейчас же и приготовьтесь к обороне. Укрепите ставни на окнах, убедитесь, что на дверях крепкие запоры. Организуйте людей для защиты деревни. Соберите отряды. Вооружитесь. Вы поставили часовых. Это хорошо.

Он прервался, чтобы сделать вдох, и Таура спросила:

– Но что нам делать, когда они явятся?

Он посмотрел на нее. Наверное, он был бы привлекательным мужчиной, если бы не холод и усталость. Его щеки покраснели, темные волосы слиплись от дождя или пота. В карих глазах сквозило отчаяние.

– Ушедшие не вернутся. Перекованные не станут снова людьми. Никогда. Вы должны быть готовы убить их. Прежде чем они убьют вас, – резко произнес он.

Внезапно Таура возненавидела его. Привлекательный или нет, он говорил о ее отце. Ее отце, крупном, могучем Бэрке, который вернулся домой с ловли, безоружный и не готовый к тому, что его оглушат и утащат. Когда мать крикнула Тауре бежать и прятаться, та подчинилась. И ничего не сделала, чтобы помочь ему. Она сидела в глубине ивовых ветвей, а его уволокли прочь.

Следующим утром они с матерью встретились на руинах дома. Джеф стоял перед пепелищем, рыдая, словно ему было пять лет, а не тринадцать. Они не стали его утешать. Обе знали, что до глуповатого брата Тауры не достучаться. Под ледяной моросью они рылись в обугленных бревнах и густой золе, в которую превратилась соломенная крыша их дома. Спасать было почти нечего. Джеф стоял и завывал, а Таура с матерью бродили по дымящимся руинам. Несколько кухонных горшков и три шерстяных одеяла в массивном буфете, который чудом не прогорел. Миска и три тарелки. Затем, под рухнувшей балкой, Таура обнаружила уцелевший отцовский меч в красивых ножнах. Меч, который спас бы отца, если бы был с ним.

Теперь никчемный Желин присвоил меч. Меч, который должен был достаться ей. Она знала, как бы отреагировал отец на то, что мать променяла меч на крышу над головой. При мысли об отце Таура сжала губы. Бэрка нельзя было назвать самым добрым и нежным из отцов. На самом деле, он был очень похож на перекованного, в описании королевского посланца. Он всегда ел первым и забирал лучшие куски, всегда считал, что ему должны подчиняться. Он был щедр на оплеухи и скуп на похвалу. В молодости он был воином. Если ему что-то требовалось, он находил способ это заполучить. В душе Тауры вспыхнул огонек надежды. Быть может, даже перекованный, он останется ее отцом. Он сможет вернуться домой, то есть в деревню, где стоял их дом. Сможет снова вставать до рассвета, чтобы вывести лодку в...

Их лодка лежала на дне, и над водой торчал лишь кончик мачты.

Но она знала отца. Он найдет способ поднять лодку. Найдет способ отстроить дом. Быть может, ей еще удастся вернуться к прежней жизни. Только ее семья перед собственным очагом по вечерам. Их пища на столе, их постели...

И он заберет назад свой меч.

Человек короля не слишком преуспел, убеждая жителей деревни, что их родственников нельзя пускать домой, что их нужно убить. Она сомневалась, что он понимает, о чем говорит. Ведь если мать помнит лицо и имя своего ребенка, она вспомнит, что заботилась о нем! Как же иначе?

Вскоре посланник увидел, что их не переубедить.

– Я позабочусь о лошади и проведу здесь ночь, – тихо сказал он. – Если вам нужна помощь в укреплении домов или этого сарая, я помогу. Но если вы не подготовитесь сами, я ничего не смогу для вас сделать. Не только ваша деревня была перекована. Король отправил меня в Шрайк. Здесь я оказался случайно.

– Мы знаем, как позаботиться о своих людях, – подал голос старик Хэллин. – Если Килин вернется, он по-прежнему будет моим сыном. С чего я должен отказывать ему в пище и крове?

– Думаешь, я убью собственного отца, потому что он заботится о себе? Да ты спятил! Если король Шрюд шлет нам такую помощь, мы лучше обойдемся без нее!

– Кровь – не водица! – крикнул кто-то, и внезапно все сердито загалдели.

Усталые морщины на лице посланника стали глубже.

– Как пожелаете, – произнес он безжизненным голосом.

– Это уж точно! – рявкнул Карбер. – Думал, никто не заглянет в сумы на твоей лошади? Они набиты хлебом! Однако, даже видя наше отчаянное положение, ты промолчал и не предложил поделиться с нами! И кто здесь жесток и эгоистичен, а, Фитц Чивэл Видящий? – Карбер вскинул руки и крикнул толпе: – Мы просим короля Шрюда о помощи, а он посылает нам одного человека, причем бастарда! Который прячет хлеб, что мог бы наполнить желудки наших детей, и говорит нам убивать родных! Такая помощь нам не нужна!

– Надеюсь, вы его не трогали, – сказал посланник. Его глаза, прежде такие искренние, стали холодными и темными. – Хлеб отравлен. Он для перекованных в Шрайке. Чтобы покончить с ними и положить конец убийствам и насилию.

Карбер онемел. Потом завопил:

– Убирайся! Немедленно убирайся из нашей деревни! Хватит с нас тебя и твоей помощи! Проваливай!

Видящий не испугался. Он оглядел собравшихся, потом сошел с ящика.

– Как пожелаете. – Он говорил негромко, но его слова разнеслись по копильне. – Если вы не поможете себе сами, я вам ничем помочь не смогу. Я уезжаю. Когда покончу с делами в Шрайке, вернусь той же дорогой. Возможно, тогда вы будете готовы меня выслушать.

– Это вряд ли, – фыркнул Карбер.

Королевский посланник медленно зашагал к двери. Он не клал ладонь на рукоять меча, однако толпа отпрянула. Таура была среди тех, кто последовал за ним. Его лошадь по-прежнему была привязана снаружи. Одна сума была приоткрыта. Мужчина задержался, чтобы затянуть ее. Потрепал лошадь по шее, отвязал, сел в седло и уехал в темноту, не оглядываясь. Уехал тем же путем, что и прибыл, и звук копыт его лошади постепенно затих в ночи.

К утру дождь не прекратился, и день тянулся медленно. Никто из похищенных не вернулся. Красный корабль больше не стоял на якоре у края бухты. Джелин начал командовать семьей Тауры. Ее мать помогала с готовкой, а Джеф таскал доски, которые можно было использовать для ремонта или очага. Когда Таура вернулась с вахты, Джелин велел ей присмотреть за капризным ребенком, чтобы его жена Дарда могла отдохнуть. Кордел был избалованным сопливым двухлетним карапузом, который ковылял, опрокидывая вещи, и визжал, когда его ругали. Его одежда была вечно грязной, и Таура должна была стирать запачканные пеленки и развешивать на просушку над очагом. Как будто что-то могло высохнуть в промозглые, сырые дни после нападения. Когда Таура жаловалась, мать торопливо напоминала ей, что кому-то приходится ютиться под рваными парусами или спать на грязном полу рыбной копильни. Она говорила тихо, словно боялась, что Джелин услышит жалобы Тауры и выгонит их. Мать сказала Тауре, что той следует с благодарностью помогать по хозяйству в доме, где их приютили.

Таура не испытывала ни малейшей благодарности. Ее раздражало, что мать готовит и убирает в чужом доме, будто служанка. Еще хуже было видеть, как Джеф бежит за Джелином, желая угодить, словно щенок. Джелин обращался с ним ужасно. Гонял мальчишку туда-сюда, насмехался и дразнил его, а Джеф истерично смеялся над издевательствами. Джелин использовал парня, словно осла, и, проведя день в попытках поднять со дна лодку Джелина, оба вернулись домой мокрые и усталые. Джеф не жаловался; напротив, он лебезил перед Джелином. Он никогда не вел себя так с отцом; их отец держался отстраненно и неприветливо как с сыном, так и с дочерью. Может, отец и не был любящим, но даже такому дураку, как Джеф, не следовало так скоро его забывать. Скорее всего, отец до сих пор был жив. Таура молча кипела от ярости.

Но следующим вечером стало еще хуже. Мать приготовила рыбную похлебку, больше похожую на суп, чтобы хватило на всех. Похлебка была жидкой и серой, из мелких рыбок, пойманных с берега, и крахмалистых корневищ бурой лилии, что росла на скалах, и бурых водорослей и крохотных моллюсков с пляжа. Она пахла отливом. Им пришлось есть по очереди, поскольку мисок на всех не хватало. Таура с матерью ели последними, Таура получила кро-

печную порцию, а матери пришлось выскребать котел. Когда Таура медленно хлебала жидкое варево с кусочками рыбы и корневищ, Джелин тяжело уселся напротив нее.

– Нужно это менять, – резко сказал он, и мать Тауры безмолвно ахнула.

Таура смерила его бесстрастным взглядом. Он смотрел на нее, не на мать.

– Очевидно, этот дом недостаточно велик. В нем не хватает еды, не хватает постелей и места. Итак. Либо мы найдем способ их обеспечить, либо придется попросить кого-то уйти.

Мать молчала, вцепившись в край стола обеими руками. Таура покосилась на нее. В глазах матери была тревога, рот крепко сжался, словно сумка на завязке. Отсюда помощи не дождешься. Не прошло и пяти дней, как забрали отца, а мать уже от нее отказалась. Таура встретила глазами с Джелином и, гордясь тем, что голос не дрогнул, сказала:

– Ты имеешь в виду меня.

Он кивнул:

– Присмотр за маленьким Корделом тебе явно не по нраву. Как, впрочем, и ему. Ты стоишь в дозоре, но это не приносит ни еды на стол, ни дров в поленницу. Ты игнорируешь дела, которые нужно делать, а то, о чем мы тебя просим, делаешь неохотно. Большую часть дня ты дуешься у очага.

От перечисления ее грехов Тауру охватил холод. У нее зазвенело в ушах. Молчание матери было обвинением. Брат стоял в стороне, уставившись в пол. Ему было стыдно за нее. А может, страшно. Они оба считали, что Джелин прав. Оба отступились от своей семьи, когда отдали Джелину отцовский меч. Джелин все говорил и говорил, предлагая ей прибиться к людям, что во время отлива искали на пляже мелких моллюсков. А может, отшагать четыре часа до Ширтона, вдруг там найдется для нее работа, что-то, за что ей будут платить несколько монет в день, чтобы она могла приносить в дом еду. Таура не отвечала ему и не позволяла лицу дрогнуть. Когда он наконец умолк, она сказала:

– Я думала, наше проживание здесь оплачено вперед. Разве ты не получил меч моего отца в прекрасных кожаных ножнах, с девизом моей семьи? Он гласит: «Следуй за сильным»! Это хороший меч, он сделал в Баккипе. Отец носил его, когда служил в гвардии короля Шрюда, когда был молод и здоров. А теперь меч, который должен был достаться мне, принадлежит тебе!

– Таура! – выдохнула мать, но это был упрек дочери, а не потрясенное осознание собственной вины.

– Неблагодарная сучка! – ахнула жена Джелина, а тот спросил:

– Ты можешь питаться мечом, глупое дитя? Он может укрыть тебя от дождя или согреть тебе ноги в снегопад?

Она открыла рот, чтобы ответить, но тут они услышали крики. Кричали неподалеку. Кто-то пробежал мимо дома, задыхаясь от визга. Таура первой вскочила на ноги и распахнула дверь, чтобы выглянуть в дождливую ночь, в то время как Джелин с Дардой завопили:

– Закрой дверь и запри ее!

Как будто их ничему не научили те люди, что сгорели заживо, когда пираты подожгли деревню.

– Они идут! – крикнул кто-то. – Идут с пляжа, с моря! Они идут!

Брат Тауры подошел к ней сзади, нырнул под ее руку и выглянул на улицу.

– Они идут! – повторил он с глупым одобрением.

Мгновение спустя раздались свистки. Два свистка, снова и снова.

– Яйца Эла, закрой же чертову дверь! – рявкнул Джелин.

У него в руках был обнаженный меч, который он осуждал секунду назад. При виде меча и валяющихся на полу красивых ножен ярость Тауры вспыхнула белым пламенем. Она оттолкнула брата, схватилась за край двери и захлопнула ее перед его лицом. Мгновение спустя пожалела, что не взяла плащ, но не стоило возвращаться и портить столь дерзкий уход.

Шел дождь, не сильный, но ровный и настойчивый. Люди выходили из домов и вглядывались в ночь. Некоторые похватили свое жалкое оружие – дубинки, рыбные ножи и остроги. Рабочие инструменты, не предназначавшиеся для битвы и защиты, – вот и все, что у них было. Протяжный крик поднялся и затих в ночи.

Большинство людей стояли в дверях, но некоторые, смелые или отчаявшиеся, вышли под дождь. Разрозненной группой они шагали по темным улицам туда, откуда прозвучали свистки. Один человек нес лампу. В ее свете Таура видела разрушенные дома – сгоревшие дотла, скелеты из обугленных балок. Увидела мертвую собаку, так и оставшуюся лежать на улице. Возможно, ее хозяин погиб. Некоторые дома уцелели, из-под закрытых ставен струился свет. Таура ненавидела запах вымоченных дождем пепелищ. Предметы, которые схватили и бросили пираты, валялись на улице, почерневшие и мокрые. Крик не повторился, но тишина была еще страшнее.

Мужчина высоко поднял лампу, и в ее неверном свете Таура увидела направлявшиеся к ним фигуры. Один из мужчин внезапно вскрикнул:

– Хатильда! Ты жива! – И побежал к женщине.

Та не ответила на его приветствие, а резко остановилась и уставилась на руины дома. Таура и остальные медленно приблизились. Мужчина стоял рядом с Хатильдой, на его лице читалось недоумение. Волосы женщины висели спутанными прядями, мокрая одежда облепила тело.

– Они сожгли твой дом, – мягко сказал ей мужчина. – Мне так жаль, Хатильда.

Женщина молча отвернулась. Соседний дом уцелел во время нападения. Она направилась к нему, подергала дверь, потом забарабанила в нее. Дверь медленно открыла пожилая женщина.

– Хатильда! Ты жива! – воскликнула она. На ее лице начала расцветать робкая улыбка.

Однако перекованная женщина молча оттолкнула старуху и вошла в дом. Хозяйка поковыляла за ней. Изнутри раздался недовольный крик:

– Пожалуйста, не ешь это! Это все, что осталось для моего внука!

Не успела Таура удивиться, как увидела бегущую к ним женщину. Та взвизгнула от ужаса, минуя две медлительные фигуры, потом заметила сбившихся в кучку людей и всхлипнула:

– Помогите! Помогите! Он меня изнасиловал! Мой собственный брат изнасиловал меня!

– О, Дели! – воскликнул какой-то мужчина и скинул плащ, чтобы женщина прикрыла разорванную одежду. Она взяла плащ, но отпрянула от его прикосновения.

– Рофф? Это ты? – спросил человек с лампой, когда из темноты вышел высокий мужчина и зашагал к ним. Мужчина был без рубашки и обуви, его кожа покраснела от холода. Не отвечая, он резко толкнул какого-то юношу, и тот упал на колени. Мужчина сорвал плащ с его плеч, едва не придушив беднягу. Накинул плащ на себя, злобно оглядел собравшихся, повернулся к дому и направился к нему.

– Это не твой дом, Рофф! – крикнул ему вслед человек с лампой, пока остальные помогали потрясенному парню встать на ноги. Они сбились в еще более тесную кучку, словно овцы, окруженные волками.

Рофф не остановился. Подергал дверь, обнаружил, что она заперта. Отошел на два шага, с ревом кинулся на дверь и пнул ее. Она распахнулась. Изнутри раздалась сердитая возгласы и крик. Таура с открытым ртом смотрела, как Рофф входит в дом.

– Рофф? – произнес мужской голос, а секунду спустя звуки драки разорвали ночную тишину. Несколько человек двинулись к дому. Навстречу им кинулась женщина с маленьким ребенком.

– Помогите, помогите! Он убивает моего мужа! – кричала она.

Двое мужчин вбежали в дом, а Таура замерла на темной улице.

– Вот что он имел в виду, – тихо сообщила она самой себе.

Он был прав. Она думала, человек короля спятил, но он был прав.

На улицу выкатились Хатильда и старуха. Они сцепились в яростной схватке. Маленький ребенок стоял в дверном проеме и рыдал от ужаса. Кто-то кинулся разнимать женщин, другие занялись Роффом. Стоя среди кричащих и дерущихся людей, Таура осмотрела улицу и при свете распахнутых дверей увидела новых перекованных. Местные жители открывали двери, выглядывали и вновь прятались. Страх и надежда бушевали в душе Тауры; здесь ли отец? Но его не было.

Парень, чей плащ забрал Рофф, вскочил на спину обидчику, когда мужчины выволокли того из дома, обхватил руками его шею и заорал:

– Я хочу назад мой плащ!

Один мужчина попытался оттащить его, в то время как еще трое с трудом удерживали Роффа.

– Рофф! Сдавайся, Рофф! – кричал кто-то. – Позволь нам помочь тебе! Рофф! Прекрати сопротивляться!

Но он не прекратил и, в то время как противники старались только сдержать его, сам он бил в полную силу, готовый как прогнать их, так и убить. Таура заметила момент, когда мужчины перестали сдерживаться. Рофф оказался на земле, погребенный под телами. Один мужчина умолял его сдаться, но другие осыпали Роффа проклятиями, били и пинали его. Однако Рофф не сдавался. Жестокий удар по голове решил дело, и Таура вскрикнула, увидев, как дернулась голова Роффа, коснувшись ухом шеи. Внезапно он обмяк. Еще двое мужчин пнули его, после чего все молча отступили от тела, словно провинившиеся собаки.

На улице человек, первым поприветствовавший Хатильду, удерживал ее сзади, прижимая руки к телу. Старуха сидела на земле, плача и причитая. Хатильда запрокидывала голову, бешено щелкая зубами и пиная голыми пятками ноги мужчины. Внезапно Тауру озарило. Пираты намеренно выпустили их замерзшими, голодными и жестокими, чтобы у них сразу были причины напасть на семьи и соседей. Не потому ли они сожгли только половину деревни? Чтобы выжившие испытали на себе ярость своих близких?

Но времени на размышления не было.

– Святая Эда! – крикнул кто-то в отдалении, а друг Роффа воскликнул: – Вы его убили! Рофф! Рофф! Он мертв! Мертв!

– Хатильда! Прекрати! Прекрати!

Но Рофф лежал на земле, вывалив язык из окровавленного рта, а Хатильда продолжала молча огрызаться, вырываться и пинаться. И в это мгновение ошеломляющего шума Таура услышала крики, удары, вопли и яростный рев с другой стороны деревни. Кто-то отчаянно дул в свисток, снова и снова. Их люди вернулись перекованными, как и предупреждал посланник короля Шрюда. Но теперь Таура понимала, что это значит. Они действительно возьмут все, что им захочется или понадобится. И кого-то вроде Роффа остановит лишь смерть.

Жители деревни убьют ее отца. Внезапно Таура это осознала. Ее отец был сильным и упрямым человеком, самым сильным, кого она встречала. Он не остановится, пока не получит желаемое. Единственный способ не дать ему получить это – убить его.

Папа.

Где он может быть? Куда он пойдет? Свистки, крики и вопли неслись со всех сторон. Перекованные возвращались, и эта ночь была ужасней той, когда явились пираты, которые поджигали, грабили и насиловали. То нападение потрясло деревню. Но тогда они знали, что их люди вернутся. Их страхи и надежды, павшие и воскресшие. А теперь, когда деревня только-только начала возвращаться к жизни, только принялась отстраивать дома и вытаскивать лодки на берег для ремонта, пираты ударили снова. Используя в качестве оружия их собственных близких. Используя в качестве оружия ее отца.

Где он может быть?

Она знала. Он пойдет домой.

Таура пронеслась по темным улицам. Дважды ей пришлось уворачиваться от перекованных. Она распознала их в тусклом свете, лившемся из закрытых окон. Они шагали неуклюже и заостенело, словно дивясь тому, что им вернули прежнюю жизнь. Она пробежала мимо Дженда Гриноука, который стоял на коленях и рыдал:

– А ребенок? Где наш ребенок?

Глядя на него, Таура невольно замедлила шаг. Жена Дженда Сэлэл стояла посреди улицы, с ее одежды капала морская вода, и у нее на руках не было младенца, которого она забрала на Красный корабль. Она смотрела на обугленные останки своего дома.

– Я замерзла и хочу есть, – резко сказала она. – Ребенок все время плакал. От него не было никакого проку.

Ее голос был равнодушным, в нем не слышалось ни сожаления, ни злости. Она констатировала факт. Стоявший на коленях Дженд покачнулся, и, обхватив себя руками, она зашагала прочь от него, по направлению к освещенному дому. Таура знала, что будет дальше.

Однако вышедшая из дома женщина держала дубинку.

– Запри дверь! – крикнула она через плечо. – Не открывай никому, кроме меня!

Женщина не стала ждать, пока Сэлэл попытается войти, а зашагала к ней, замахиваясь дубинкой. Сэлэл не отступила, а, издав нечеловеческий яростный вопль, ринулась на женщину, вскинув скрюченные руки.

– НЕТ! – крикнул Дженд, вскочил и кинулся на помощь жене.

Внезапно Таура поняла, что их ждет. Одни встанут на сторону своих близких, перекованных или нет, а другие будут защищать свое жилище любой ценой. Дженд получил жестокий удар в живот и скрючился на земле, но Сэлэл продолжала драться, невзирая на выбитую, перекошенную челюсть. Женщина с дубинкой нечленораздельно вопила, мало отличаясь от своей перекованной противницы. Мужчины, сражавшиеся с Роффом, стояли и орали друг на друга. Таура промчалась мимо, подстегиваемая ужасом и страхом. Она не хотела видеть очередную смерть.

«Стой за свою семью», – говорил ей отец. Она хорошо запомнила тот день. Кто-то обругал Джефа, который бежал по улице, зачарованный стаяй перелетных гусей.

«Привяжи своего придурка к крыльцу!» – крикнул им погонщик. Ему пришлось резко затормозить, и скользкий свежий улов едва не выпал из телеги. Отец стащил возницу с облучка и побил прямо на улице. Как бы он ни обращался со своим глупым сыном дома, на людях он его защищал. Мать повторила те же слова, когда отец явился домой с окровавленными костяшками и подбитым глазом. «Мы всегда стоим за свою кровь», – сказала она Тауре. Тогда Таура поверила ее словам. Быть может, сегодня мать вспомнит, кому должна хранить верность.

Таура запыхалась. Теперь она скорее плелась, а не бежала, однако ее мысли неслись далеко впереди. Она вполне может вернуться к прежней жизни. Отыщет отца, и тот ее узнает. Она предупредит его, защитит от местных, которые не поймут. Пусть даже он никогда больше не проявит добрых чувств ни к кому из них, он все равно будет папой, и ее семья воссоединится. Она предпочтет спать на холодной земле со своей семьей, чем на полу у огня в доме Джелина.

Таура миновала дом Джелина и продолжила путь, мимо наполовину сгоревших зданий, удаляясь от струившегося из окон тусклого света. Эта часть деревни вымерла; здесь воняло горелым деревом и обугленной плотью. Она всю жизнь прожила на одном месте, но среди этого разрушения не сразу сообразила, какие руины были их домом. Слабый лунный свет сочился с небес и призрачно блестел на мокром дереве и камне. Таура пробиралась по незнакомой территории, где никогда прежде не бывала. Все, что она знала, исчезло.

Она едва не врезалась в своего отца. Он стоял неподвижно, глядя на то место, где был их дом. Таура отпрянула и замерла. Он медленно повернулся к ней, лунный свет на мгновение отразился в его глазах. Потом его лицо снова погрузилось в темноту. Он ничего не сказал.

– Папа? – спросила она.

Он не ответил.

Слова хлынули из нее потоком.

– Они сожгли дом. Мы видели, как тебя забрали. Твоя голова была в крови. Мама велела мне бежать и прятаться. Она искала Джефа. Я спряталась высоко в старой иве, что выходит на гавань. Они увезли тебя на корабль. Что они с тобой сделали? Тебе сделали больно?

Он не шевелился. Потом тряхнул головой, словно отгоняя надоедливую комару, и зашагал мимо Тауры в сторону тускло освещенной уцелевшей части деревни. Помедлив, Таура поспешила за ним.

– Папа, другие знают, что тебя забрали. Приезжал человек короля. Он велел нам защищаться от перекованных. Убивать их, если придется.

Отец продолжал шагать.

– Ты перекованный, папа? С тобой что-нибудь сделали?

Он продолжал шагать.

– Папа, ты меня узнаешь?

Его шаги замедлились.

– Ты Таура. И ты слишком много болтаешь. – И он пошел дальше.

Она едва сдержалась, чтобы не пуститься в пляс от радости. Он узнал ее. Он всегда подшучивал над ней, дразнил за то, что она слишком много болтает! Его голос был равнодушным, но он замерз и промок, оголодал и утомился. И он узнал ее. Обхватив себя руками, она побежала за ним.

– Папа, ты должен меня выслушать. Я видела, как они убивают других похищенных. Нам нужно быть осторожными. И тебе нужно оружие. Тебе нужен твой меч.

Он сделал еще пять шагов. Затем сказал:

– Мне нужен мой меч.

– Он в доме Джелина. Мы с мамой и Джефом живем там, спим у них на полу. Мама отдала ему твой меч, чтобы он позволил нам остаться. Он сказал, меч может потребоваться ему, чтобы защитить жену и ребенка.

В боку у нее кололо от бега, и хотя она обхватила себя руками, холод пробирал до костей. Во рту пересохло. Но это не имело значения. Когда папа окажется под крышей и с мечом, он будет в безопасности. Они все будут в безопасности.

Ее отец свернул к первому освещенному дому.

– Нет! Не туда! Они попытаются тебя убить. Сначала мы должны вернуть твой меч. Потом ты можешь согреться и поесть. Или выпить чего-то горячего.

Если подумать, еды, скорее всего, не осталось. Но найдется чай и, быть может, кусочек хлеба. Лучше чем ничего, сказала она себе. Отец продолжал шагать, и она обогнала его.

– Следуй за мной! – велела она.

Пронзительный, но далекий вопль вспорол ночь. Таура не обратила на него внимания, как не обращала внимания на сердитые крики, раздававшиеся то тут, то там. Не сбавляя хода, она торопливо зашагала задом наперед, проверяя, что отец следует за ней. Он упорно шел.

Они достигли обители Джелина. Таура подбежала к двери и подергала ее. Заперто. Тогда она заколотила по двери кулаками, крича:

– Впустите меня! Откройте!

Изнутри донесся голос матери:

– Святая Эда, это она! Она вернулась! Пожалуйста, Джелин,пусти ее!

Тишина. Потом Таура услышала, как поднимают засов. Она схватилась за ручку и распахнула дверь в тот момент, когда сзади подошел отец.

– Мама, я нашла папу! Я привела его домой! – крикнула Таура.

Мать стояла в дверном проеме. Она посмотрела на Тауру, потом на мужа. В ее глазах вспыхнула отчаянная надежда.

– Бэрк? – спросила она дрогнувшим голосом.

– Папа! – В голосе Джефа звучали сомнение и страх.

Джелин оттолкнул их обоих. В руке он держал обнаженный отцовский меч. Он поднял его и нацелил на отца.

– Назад, – сказал он низким, жестоким голосом. Его взгляд метнулся к Тауре. – Тупая сучка. Заходи внутрь и спрячься за мной.

– Нет! – Причина была не в том, что он назвал ее сучкой. А в том, как он недрогнувшей рукой нацелил меч на ее отца. Джелин не собирался дать ему ни шанса. – Впусти нас! Впусти папу, дай ему обогреться и накорми его. Это все, что ему нужно. Это все, что нужно любому перекованному, и если мы дадим им это, у них не будет повода причинять нам вред. – Глаза Джелина остались ледяными, и Таура ощутила отчаяние. – Мама, скажи ему впустить нас. Мы можем снова стать семьей!

Слова сыпались у нее изо рта. Она сделала шаг, не прикрывая собой отца, но становясь ближе к нему, чтобы показать Джелину: сначала придется убить ее. Она не была перекованной. У него не было оправданий убивать ее.

Отец заговорил:

– Это *мой* меч. – На последнем слове в его голосе прозвучал гнев.

– Заходи в дом, Таура. Немедленно. – Джелин перевел взгляд на ее отца и сурово произнес: – Бэрк, я не хочу причинять тебе вред. Уходи.

В глубине дома заплакал ребенок. Жена Джелина принялась всхлипывать:

– Заставь его уйти, Джелин. Прогони его. И ее вместе с ним. От нее одни проблемы. Святая Эда, защити меня и мое дитя! Прогони его! Убей!

У Дарды начиналась истерика, и по глазам Джелина Таура видела, что он прислушивается к жене. Может, он и убьет ее.

– Мама? – спросила она, поневоле срываясь на крик. – Мама? Ты позволишь ему убить нас обоих? Папиным мечом?

– Таура, заходи в дом. Твой отец не в себе. – Голос матери дрожал. Она обняла Джефа. Тот пыхтел и всхлипывал – это была его прелюдия к панике. Вскоре он начнет бегать кругами, рыдая и визжа.

– Мама, пожалуйста! – взмолилась Таура.

Тут отец схватил ее за шиворот и швырнул в дом. Она врезалась в Джелина и сползла ему под ноги. Тот потерял равновесие и пошатнулся, а отец протянул руку мимо острия собственного меча и стиснул запястье Джелина. Тауре была знакома эта железная хватка. Она видела, как, вцепившись в канат, отец доставал со дна большого палтуса. Мгновение спустя произошло то, чего она ждала. Джелин вскрикнул, меч выпал из его онемевшей руки и приземлился прямо рядом с Таурой. Она схватила рукоять и поднялась на ноги.

– Папа, он у меня! Твой меч у меня.

Отец не ответил. И не ослабил хватку на запястье Джелина. Джелин кричал, ругался и сражался с отцовской рукой, словно, высвободившись, мог одержать победу. Отец ощерился. Его глаза были пусты. Джелин изо всех сил пытался освободиться. Но отец притянул более мелкого мужчину к себе и свободной рукой схватил Джелина за горло, прямо под челюстью. Стиснул пальцы, потом внезапно выпустил запястье Джелина и обеими руками обхватил его шею. Отец заставил Джелина подняться на цыпочки, отцовские глаза были очень сосредото-

ченными, рот сжался в тонкую линию. Он душил противника. Склонив голову набок, он с напряженным интересом изучал темнеющее лицо Джелина.

– Нет! – вскрикнула Дарда, но не сделала ничего, лишь попятилась в угол, вцепившись в ребенка.

Джеф схватил себя за волосы обеими руками и громко взвыл, трясая головой. Однако мать Тауры вмешалась в схватку. Она вцепилась в толстую отцовскую руку и повисла на ней всем телом, словно на ветке.

– Бэрк! Нет, не надо, отпусти его! Бэрк, не убивай его! Он был к нам добр, он дал нам кров! Бэрк! Остановись!

Но отец не остановился. Глаза Джелина расширились, рот распахнулся. Прежде он царапал отцовские руки; теперь его ладони упали и вяло повисли. Таура посмотрела на меч. Подняла его обеими руками, сама не зная, что собирается делать. Ее трясло, а оружие было тяжелым. Она уперлась ногами в пол, распрямила плечи. Меч как раз перестал дрожать, когда папа отшвырнул обмякшего Джелина и посмотрел на жену, по-прежнему висевшую на его руке. Он распрямил руку, отбросив мать Тауры в сторону, и она полетела назад.

Прямо на меч.

Таура выронила оружие, когда мать врезалась в него. Меч застрял, пошел вниз и упал вместе с матерью. Отец сделал два шага вперед и отвесил Джефу оплеуху. Мальчишка рухнул на пол.

– Тихо! – рявкнул отец на своего сына-идиота.

И, о чудо, Джеф подчинился. Прижав колени к груди и закрыв обеими руками окровавленный рот, он в ужасе смотрел на отца. Дарда тоже почти смолкла. Одной рукой она закрывала собственный рот, а другой прижимала к себе Кордела, приглушая его вопли.

– Еда! – приказал отец, шагнул к очагу и протянул руки к огню.

Джелин не шевелился. Мать Тауры села, постанывая и держась за ребра. Таура посмотрела на меч на полу.

– Еда! – повторил отец.

Он окинул их всех сердитым взглядом, не делая различий между собственной окровавленной женой и съжившейся Дардой. Ни одна из женщин не шелохнулась и не произнесла ни слова, а от Джефа, как обычно, не было никакого проку.

Таура вновь обрела дар речи.

– Папа, пожалуйста, сядь. Я посмотрю, что у нас есть, – сказала она ему и направилась в кладовку Дарды. Пираты не сожгли дом Джелина, однако забрали всю еду, которую смогли отыскать. Таура сомневалась, что найдет что-либо на полках. В деревянном ларе лежала половина буханки хлеба. И все. Однако, доставая ларь, она увидела, что за ним что-то есть. Несколько сушеных рыбин и большой кусок сыра в чистой тряпице. Гнев Тауры вспыхнул с новой силой: за ними она обнаружила мешок картошки, горшочек меда и горшочек топленого сала. И в самом конце полки – сушеные яблоки. С косичкой чеснока! Дарда спрятала все эти богатства и заставила их хлебать жидкий суп!

– Ты прятала от нас хорошую еду! – тихо обвинила она Дарду, обращаясь к полке. Отломала кусочек сыра и положила в рот.

У нее за спиной взревел отец:

– СЕЙЧАС! Я хочу есть сейчас!

Таура оглянулась, и отец оскалился на нее. Его глаза сузились, из горла доносилось угрожающее рычание. Таура взяла хлеб, мед и сыр. Отец не стал ждать, пока она накроет на стол, а схватил буханку грязными руками. Таура уронила сыр и поставила горшочек с медом.

Отступив от стола, она покосилась на Дарду и негромко сказала:

– Мама, они нас обманывали. Джелин говорил, что еды нет, но Дарда прятала ее от нас!

– Это была наша еда до того, как все случилось! – Голос Дарды дрожал от страха и негодования. – Мы не обязаны были с вами делиться! Это была еда для моего мальчика, он должен расти! Мы с Джелином ее не трогали! Это была еда для Кордела!

Отец как будто ничего не слышал. Поднеся буханку ко рту, он откусил огромный кусок и заорал:

– Пить! Что-нибудь попить! У меня пересохло во рту!

Кроме воды, ничего не было, и Таура принесла ему кружку. Мать встала, пошатнулась и опустилась на пол рядом с Джефом. Глупый брат Тауры раскачивался взад-вперед. Вместо того чтобы позаботиться о собственной ране, мать попыталась его успокоить. Таура взяла тряпицу, в которую был завернут хлеб, и подошла к матери.

– Покажи мне твою рану, – сказала она, опускаясь на корточки.

Глаза матери вспыхнули темным огнем.

– Отойди от меня! – вскрикнула она и толкнула дочь. Таура упала. Однако мать все же схватила тряпицу и прижала к ребрам. Тряпица покраснела, но слабо. Таура предположила, что лезвие порезало мать, но не проникло глубоко. Она все равно испытывала смятение.

– Прости! – натянута сказала она. – Я не хотела тебя ранить! Я не знала, что делать!

– Ты знала. Просто не хотела этого делать. Как всегда!

– Первым делом семья! – воскликнула Таура. – Вы с папой всегда так говорите. Первым делом семья!

– Похоже, чтобы он думал о своей семье? – спросила мать.

Таура оглянулась на отца. Сыра почти не осталось. Отец сунул кусок хлеба в горшочек с медом и вытирал его начисто. У нее на глазах он затолкал хлеб в рот. Пустой горшочек покатился к краю стола, упал на пол и разбился.

Мать поднялась на ноги, опираясь на плечо Джефа.

– Вставай, мальчик, – тихо сказала она, тормоша его, и он поднялся. Мать взяла сына за руку и отвела туда, где съежились Дарда с ребенком. – Оставайся здесь, – велела мать, и Джеф уселся на пол. Держась за бок, мать стояла между ними и мужем. Таура медленно встала и отошла к стене, глядя то на отца, то на мать.

Трещал огонь, отец шумно ел, разрывая хлеб зубами. В распахнутую дверь залетали ветер и дождь. Вдалеке по-прежнему кричали люди. Дарда уткнулась лицом в ребенка и всхлипывала, а Джеф хныкал вместе с ней. Джелин молчал. Он умер. Таура подобралась поближе к столу.

– Папа? – сказала она.

Отец покосился на нее, потом вновь занялся хлебом. Откусил еще кусок.

– Первым делом семья, правда, папа? Разве мы не должны держаться вместе, чтобы починить дом и поднять лодку?

Отец обвел комнату взглядом, и в Тауре всколыхнулась надежда, что он ответит.

– Больше еды. – Вот и все, что он сказал. Раньше его глаза так не блестели. И не казались такими мелкими, словно лужи на солнце. За ними ничего не было.

– Больше нет, – солгала она.

Прищурившись, он посмотрел на нее и оскалился. У Тауры перехватило дыхание. Отец запихнул остатки хлеба в рот. За ними последовал сыр. Некоторое время отец жевал, раскачиваясь на стуле, затем поднялся. Таура попятилась. Он допил воду и уронил кружку.

– Папа? – взмолилась Таура.

Он смотрел мимо нее. Подошел к хозяйской постели. Снял с колышка на стене запасную рубашку Джелина и надел. Рубашка была ему мала, а вот шерстяная шапка пришлась впору. Отец огляделся. Зимний плащ Джелина висел на крючке у двери. Его отец тоже взял и накинул на плечи. Потом развернулся и обвиняюще посмотрел на Тауру.

– Пожалуйста, папа?

Неужели он не может стать прежним, хотя бы на время? Даже если ему плевать на них, как сказал бастард, неужели он не может быть человеком, который всегда знает, что делать, чтобы выжить?

– Больше еды!

Он поскреб щеку, скрипя тупыми ногтями по короткой бороде. Его взгляд ничего не выражал.

Вот и все. Он думал только о том, что ему требовалось сейчас. Не о том, что будет завтра. Не о том, где он был, что с ним случилось, что произошло с их деревней.

– Ты все съел, – тихо солгала Таура. Она сама не знала, почему так делает.

Отец хмыкнул. Пнул тело Джелина; когда тот не шелохнулся, переступил его и встал в распахнутых дверях. Голова отца медленно поворачивалась из стороны в сторону. Он сделал шаг за порог, потом остановился.

Его меч по-прежнему лежал на полу. Неподалеку валялись ножны. Таура услышала, как мать выдохнула молитву:

– Святая Эда, пусть он уйдет.

Он вышел в ночь.

Другие жители деревни убьют его. Убьют – и навсегда возненавидят Тауру, потому что она его не убила. Потому что позволила ему убить Джелина. Дарда не станет молчать. Она всем расскажет.

Таура посмотрела на мать. Та сняла с полки тяжелую железную сковороду и держала за ручку, словно оружие. Холодные глаза смотрели на Тауру. Да. Ее возненавидит даже собственная мать.

Таура наклонилась, чтобы поднять меч. Он по-прежнему был слишком тяжелым для нее. Острие волочилося по полу, пока она тянулась за ножнами. «Следуй за сильным», – велели ей резные буквы.

Таура покачала головой. Она знала, что нужно делать. Нужно закрыть за отцом дверь и задвинуть засов. Нужно попросить прощения, сотню, тысячу раз. Нужно перевязать мамину рану и помочь Дарде с телом ее мужа. Нужно взять отцовский меч, встать в дверях и охранять их всех. Только она может защитить их от перекованных, что бродят по улицам.

Она знала, что нужно делать.

Но ее мать была права.

Таура посмотрела на них, потом сняла с крючка плащ Дарды. Надвинула толстый шерстяной капюшон на влажные волосы. Вскинула меч на плечо, словно лопату. Наклонилась и свободной рукой взяла красивые ножны.

– Что ты делаешь? – сердито спросила мать.

Таура показала ей ножны и ответила:

– Следую за сильным.

Она вышла под ветер и дождь. Пинком захлопнула дверь. Мгновение стояла под хлипким укрытием свеса крыши. Услышала, как легла на место щеколда. Почти сразу Дарда начала визжать, изливая ярость и скорбь в гневных словах.

Таура двинулась в ночь. Ее отец ушел недалеко. Его ссутуленные плечи и крадущаяся походка напомнили ей медведя, подбирающегося под дождем к жертве. Тауре в голову пришла мысль. Она сунула пустые ножны за пояс и стиснула рукоять меча обеими ладонями. Задумалась. Если она убьет его, простит ли ее мать? Простит ли Дарда?

Вряд ли.

Она побежала за отцом, и тяжелый обнаженный меч подпрыгивал в ее руках на каждом шагу.

– Папа! Подожди! Тебе понадобится твой меч! – крикнула она ему.

Он обернулся, остановился, не говоря ни слова. Но дождался ее. Когда она поравнялась с ним, он зашагал дальше.

Она последовала за ним в темноту.

Кен Лю⁴

Кен Лю – автор и переводчик фантастики, а также юрист и программист. Его произведения издавались в *The Magazine of Fantasy & Science Fiction*, *Asimov's*, *Analog*, *Clarkesworld*, *Lightspeed*, *Strange Horizons* и других журналах. Он лауреат премии «Небьюла», двух премий «Хьюго», Всемирной премии фэнтези и Премии за перевод научной фантастики и фэнтези, а также номинант на премию Старджона и «Локус». В 2015 году вышел его первый роман «Королевские милости». Из его последних работ можно назвать «Стену бурь» (*The Wall of Storms*), продолжение «Королевских милостей», сборник «Бумажный зверинец» и антологию китайских научно-фантастических рассказов «Невидимые планеты» (*Invisible Planets*), в которой он выступил в качестве редактора и переводчика. Кен Лю вместе с семьей живет возле Бостона, штат Массачусетс.

В этом рассказе молодая девушка, вынужденная стать убийцей, сталкивается с последним испытанием своих умений – которого может и не пережить.

⁴ © Ken Liu, 2017; © пер. К. Егоровой, 2017.

Скрытая девушка

Начиная с VIII века китайская императорская династия Тан все больше опиралась на военных губернаторов – цзедуши, – чьи обязанности изначально состояли в защите границ, но постепенно включили налогообложение, гражданское управление и другие аспекты политической власти. В действительности это были независимые феодальные военачальники, номинально подчинявшиеся императору.

Борьба между губернаторами часто была жестокой и кровавой.

Наутро после моего десятого дня рождения весенние солнечные лучи танцуют на каменных плитах дороги перед нашим домом, пробиваясь сквозь цветущие ветви софоры. Я карабкаюсь на толстый сук, который устремлен к востоку, подобно руке бессмертного, и тянусь к грозди желтых цветов, желая ощутить сладость с ноткой горечи.

– Подаяние, юная госпожа?

Опускаю глаза и вижу бхиккхуни⁵. Не могу сказать, сколько ей лет – лицо у нее гладкое, однако сила духа в темных глазах напоминает мне о моей бабушке. Легкий пушок на бритой голове светится на теплом солнце, будто нимб, серая каша выглядит чистой, но подол обтрепался. В левой руке бхиккхуни держит деревянную чашку и выжидательно смотрит на меня.

– Хочешь цветов софоры? – спрашиваю я.

Она улыбается:

– С детства их не пробовала. Буду рада.

– Становись подо мной, я сброшу их в твою чашку, – говорю я и тянусь к шелковой сумочке за спиной.

Бхиккхуни качает головой:

– Я не могу есть цветы, которых касалась рука, пораженная земными заботами этого пыльного мира.

– Тогда сама полезай наверх, – огрызаюсь я. И тут же раскаиваюсь.

– Если я возьму их сама, они уже не будут подаянием, верно? – В ее голосе слышится смех.

– Ну ладно, – говорю я. Отец всегда учил меня быть вежливой с монахами и монашками. Может, мы и не придерживаемся буддизма, но ни к чему сердить духов, будь они даосскими, буддистскими или дикими, не нуждающимися в ученых господах. – Скажи, какие цветы ты хочешь, и я постараюсь достать их для тебя, не касаясь руками.

Она показывает цветы на конце ветки под моим суклом. Они бледнее других, а значит, слаще. Но ветка, с которой они свисают, слишком тонка для меня.

Я обхватываю коленями сук, на котором сижу, откидываюсь назад и повисаю вниз головой, как летучая мышь. Забавно смотреть на мир из такого положения, и мне плевать, что подол платья хлопает меня по лицу. Отец всегда ругается, когда замечает меня в подобном виде, но долго никогда не сердится, ведь я в младенчестве лишилась матери.

Обернув ладони свободными складками рукавов, я пытаюсь схватить цветы. Но до грозди, которую хочет бхиккхуни, слишком далеко, белые цветы соблазнительно покачиваются вне досягаемости.

– Если это слишком трудно, не тревожься, – кричит монашка. – Я не хочу, чтобы ты порвала платье.

Прикусываю нижнюю губу, вознамерившись не обращать на бхиккхуни внимания. Напрягая и расслабляя мускулы живота и бедер, начинаю раскачиваться взад-вперед. Когда, на мой взгляд, раскачиваюсь достаточно сильно, в высшей точке разгибаю ноги.

⁵ Бхиккхуни – полностью посвященная монахиня в буддизме.

Лечу сквозь лиственный полог, цветы, которые хочет монашка, касаются моего лица, и я хватаю гроздь зубами. Пальцами цепляюсь за нижнюю ветку, та проседает под моим весом и замедляет мое падение. Тело совершает качок назад и повисает вертикально. На мгновение кажется, что ветка выдержит, потом я слышу громкий хруст и внезапно чувствую себя невесомой.

Подгибаю колени и умудряюсь приземлиться в тени софоры, целая и невредимая. Тут же откатываюсь в сторону, и тяжелая от цветов ветвь падает на то самое место, которое я только что освободила.

Невозмутимо шагаю к монашке, разжимаю челюсти и роняю цветочную гроздь в ее чашку для подаваний.

– Никакой пыли. И, как ты сказала, никаких рук.

Мы сидим в тени софоры в позе лотоса, словно Будды в храме. Бхиккхуни отделяет цветы от черешка: один мне, один ей. Эта сладость легкая и не такая приторная, как у фигурок из сахарного теста, которые иногда покусает мне отец.

– У тебя есть талант, – говорит бхиккхуни. – Из тебя получится хороший вор.

Я негодуяюще смотрю на нее.

– Я генеральская дочь.

– Правда? – говорит она. – Значит, ты уже вор.

– Что ты имеешь в виду?

– Я прошла много миль, – говорит она. Я смотрю на ее босые ноги: подошвы у нее мозолистые и жесткие. – Видела крестьян, которые голодают на полях, пока великие лорды плетут интриги и строят козни, чтобы заполучить армию побольше. Видела министров и генералов, которые пьют вино из чашек из слоновой кости и собственной мочой упражняются в каллиграфии на шелковых свитках, пока сироты и вдовы вынуждены растягивать одну чашку риса на пять дней.

– То, что мы не бедняки, еще не делает нас ворами. Отец с честью служит своему господину, *цзедуши* Вейбо, и верно исполняет свои обязанности.

– Все мы воры в этом мире страданий, – отвечает монашка. – Честь и верность – не добродетели, а лишь оправдания для большего воровства.

– Тогда ты тоже вор! – говорю я, мое лицо пылает от гнева. – Ты берешь подавание, а не работаешь, чтобы его заслужить.

Она кивает:

– Воистину так. Будда учит нас, что мир есть иллюзия, и пока мы не научимся видеть сквозь нее, страдания неизбежны. Если уж мы все обречены на воровство, лучше быть вором, который следует кодексу, выходящему за мирские рамки.

– И каков твой кодекс?

– Презирать нравоучения лицемеров; быть верной своему слову; всегда выполнять свои обещания, не более и не менее того. Оттачивать свой талант и озарять им темнеющий мир, словно маяком.

Я смеюсь.

– И каков же твой талант, госпожа Воровка?

– Я краду жизни.

В шкафу темно и тепло, приятно пахнет камфарой. При слабом свете, проникающем сквозь щель между дверцами, я вью из одеял уютное гнездо.

Шаги стражников разносятся эхом по коридору рядом с моей комнатой. Всякий раз, когда один из них сворачивает за угол, лязгая доспехами и мечом, я знаю, что прошла еще доля часа, что утро стало ближе.

Повторяю про себя разговор бхиккхуни с моим отцом.

– *Отдай ее мне. Я сделаю ее своей ученицей.*

– *Хоть мне и льстит милостивое внимание Будды, я вынужден отказаться. Место моей дочери – дома, рядом со мной.*

– *Ты можешь отдать ее добровольно – или я заберу ее без твоего благословения.*

– *Ты угрожаешь похищением? Знай, что я зарабатываю на жизнь своим мечом, и мой дом охраняют пятьдесят вооруженных солдат, которые погибли за свою маленькую госпожу.*

– *Я никогда не угрожаю, лишь ставлю в известность. Даже если ты запрешь ее в железном сундуке, обмотанном бронзовыми цепями, и сбросишь на дно океана, я заберу ее с той же легкостью, с какой обрежу твою бороду этим кинжалом.*

Яркая, холодная вспышка металла. Отец обнажил меч, от скрипа лезвия по ножнам мое сердце сжимается и колотится как безумное.

Но бхиккхуни уже нет, осталось лишь несколько прядей седых волос, которые медленно опускаются на пол в косых лучах солнца. Ошеломленный отец прижимает ладонь к лицу, в том месте, где кинжал коснулся кожи.

Волосы приземляются на пол; отец убирает руку. На его щеке – голый участок кожи, бледный, словно каменные плиты дороги на утреннем солнце. Крови нет.

– *Не бойся, дочь. Сегодня я утрою стражу. Дух твоей дорогой покойной матушки защищает тебя.*

Но я боюсь. Очень боюсь. Я думаю о том, как солнце озаряло пушок на голове монашки. Мне нравятся мои длинные, густые волосы; служанки говорят, у матери были такие же, и каждый вечер она сто раз проводила по ним расческой, прежде чем лечь в постель. Я не хочу, чтобы мне обрили голову.

Я думаю о том, как блеснул металл в ее руке, быстрее, чем может уследить глаз.

Думаю о прядях отцовской бороды, падающих на пол.

Масляная лампа за дверцами шкафа мигает. Я забиваюсь в угол и крепко зажмуриваюсь.

Звука нет. Лишь сквозняк, что ласкает мое лицо. Мягко, словно крылья мотылька.

Я открываю глаза. Мгновение не могу понять, что вижу.

В трех футах от моего лица висит продолговатый предмет размером с мое предплечье, похожий на кокон шелкопряда. Он светится, словно месяц, холодным светом, не отбрасывающим теней. Завороженная, я подползаю ближе.

Нет, «предмет» – это не совсем верно. Он сочится холодным светом, будто тающий лед, а также испускает ветерок, что колышет мне волосы. Это скорее отсутствие вещества, прореха в темном нутре шкафа, предмет-отрицание, которое поглощает тьму и превращает ее в свет.

Горло кажется сухим, словно бумага, и я тяжело сглатываю. Дрожащими пальцами тянусь к сиянию. Полсекунды медлю, затем касаюсь его.

Или не касаюсь. Я не чувствую ни опаляющего жара, ни ледящего холода. Это действительно отрицание предмета: мои пальцы ощущают пустоту. И не появляются с другой стороны – просто исчезают в сиянии, словно я сунула руку в дыру в пространстве.

Отдергиваю ладонь и разглядываю пальцы, шевеля ими. Повреждений не видно.

Из прорехи возникает чужая рука, хватает меня и тянет к сиянию. Прежде чем я успеваю вскрикнуть, вспыхивает ослепительный свет, меня охватывает чувство падения, падения с макушки вознесшейся в небеса софоры к земле, которая не хочет приближаться.

Гора парит среди облаков, словно остров.

Я пыталась спуститься, но всегда терялась в туманных лесах. *Просто иди вниз, вниз*, говорю я себе. Однако туман сгущается, пока не становится вещественным, и сколько я ни пихаю его, облачная стена не поддается. Остается лишь сесть на землю, дрожа и выжимая влагу из волос. Отчасти это слезы, но я в этом не признаюсь.

Она возникает из тумана. Молча манит меня за собой на вершину; я подчиняюсь.

– Ты не слишком умеешь прятаться, – говорит она.

Что на это ответишь? Если ей удалось похитить меня из шкафа в генеральском доме, охраняемом стенами и солдатами, полагаю, мне от нее нигде не спрятаться.

Мы выходим из леса на согретую солнцем вершину. Порыв ветра обдувает нас, поднимает пурпурно-золотой вихрь палой листвы.

– Ты голодна? – спрашивает она беззлобно.

Я киваю. Что-то в ее голосе застает меня врасплох. Отец никогда не спрашивает, голодна ли я, и иногда мне снится, как мама готовит мне завтрак: свежее испеченный хлеб и сброженные бобы. Прошло три дня с тех пор, как бхиккхуни забрала меня сюда, и я не ела ничего, кроме кислых ягод, которые нашла в лесу, и горьких корешков, которые вырыла из земли.

– Идем, – говорит она.

Она ведет меня по зигзагообразной тропе, высеченной в скале. Тропа такая узкая, что я не осмеливаюсь глянуть вниз, а лишь шаркаю вперед, прижавшись лицом и телом к камню, цепляясь вытянутыми руками за свисающие лианы, словно геккон. Бхиккхуни шагает свободно, словно по широкой улице в Чанъане, и на каждом повороте терпеливо дожидается меня.

Сверху доносится слабый лязг металла. Вжавшись пятками в углубления на тропе и удивившись, что лиана в моих руках крепко цепляется за скалу, я поднимаю глаза.

Две девушки лет четырнадцати сражаются в воздухе на мечах. Нет, «сражаются» – неправильное слово. Правильней назвать их движения танцем.

Одна из девушек, одетая в белый балахон, отталкивается обеими ногами от скалы, держась левой рукой за лиану. Пролетает по широкой дуге, изящно вытянув ноги, напоминая мне апсар с храмовых свитков – летучих нимф, живущих в облаках. Меч в ее правой руке сверкает на солнце, словно осколок неба.

Когда острие меча приближается к противнице на скале, та отпускает лиану, на которой висит, и подпрыгивает вверх. Черный балахон вздувается, словно крылья гигантского мотылька, полет замедляется, в верхней точке она переворачивается и падает на девушку в белом, словно сокол, вытянув хищным клювом руку с мечом.

Банг!

Острия мечей сталкиваются, вспыхивает искра. Меч девушки в черном сгибается в полумесяц, останавливая ее падение; в конце концов она замирает в воздухе вверх ногами, удерживаемая лишь острием меча противницы.

Обе наносят удар свободной рукой с раскрытой ладонью.

Бах!

Резкий звук сотрясает воздух. Девушка в черном приземляется на скалу и быстро закрепляется на ней, обмотав лодыжку лианой. Девушка в белом возвращается по дуге обратно и, подобно стрекозе, окунающей хвостик в стоячую воду пруда, вновь отталкивается от скалы для новой атаки.

Я замороженно смотрю, как две мечницы преследуют, уклоняются, наносят удары, делают ложные выпады, бьют, пинают, рубят, скользят, кувыркаются и колют в паутине лиан, покрывающей отвесную скалу, в тысячах футов над вздыбившимися внизу облаками, отвергая законы тяжести и смерти. Они грациозны, словно птицы, летящие сквозь колышущиеся бамбуковые заросли, стремительны, словно богомолы, скачущие по усеянной каплями росы паутине, невероятны, словно бессмертные герои легенд, что нашептывают хриплоголосые певцы в чайных домиках.

Также я с облегчением замечаю, что у обеих густые, струящиеся, чудесные волосы. Быть может, ученикам бхиккхуни не нужно бриться.

– Идем, – манит бхиккхуни, и я покорно шагаю к небольшой каменной платформе, что выступает из скалы у поворота тропы. – Похоже, ты действительно голодна, – замечает она, и я слышу смех в ее голосе. Смущенно закрываю рот, по-прежнему распахнутый от изумления.

С облаками далеко внизу и овевающим нас ветром кажется, будто мир, что я знала всю свою жизнь, исчез.

– Вот. – Она показывает на груды ярко-розовых персиков на краю платформы. Каждый персик – размером с мой кулак. – Живущие в горах столетние обезьяны собирают их глубоко в облаках, где персиковые деревья напитываются небесной сущностью. Съешь один – и не будешь испытывать голода десять дней. Если захочешь пить, пей росу с лиан и воду из источника в пещере, где у нас спальня.

Две девушки спустились со скалы на платформу позади нас. Каждая берет персик.

– Я покажу, где ты будешь спать, сестренка, – говорит девушка в белом. – Меня зовут Джинджер. Если ночью испугаешься волчьего воя, залезай ко мне в постель.

– Уверена, ты никогда не пробовала ничего слаще этих персиков, – говорит девушка в черном. – Я Конгер. Я с Учительницей дольше всех и знаю все фрукты на этой горе.

– Ты пробовала цветы софоры? – спрашиваю я.

– Нет, – отвечает она. – Быть может, однажды ты мне их покажешь.

Я впиваюсь в персик. Он неописуемо сладок, тает на языке, словно чистый снег. Но стоит мне проглотить кусочек, как в животе теплеет от его питательности. Я верю, что персика действительно хватит на десять дней. Я поверю всему, что скажет Учительница.

– Почему ты меня забрала? – спрашиваю я.

– Потому что у тебя есть талант, Инь Ньянг, – говорит она.

Полагаю, теперь это мое имя. *Скрытая Девушка*.

– Однако таланты нужно развивать, – продолжает она. – Останешься ли ты жемчужиной, погребенной в грязи безбрежного Восточного моря, или засияешь столь ярко, что твой свет разбудит тех, чья жизнь – лишь сон, и озарит земной мир?

– Научи меня летать и драться, как они, – говорю я, слизывая с пальцев сладкий персиковый сок. *Я стану великим вором*, обещаю я себе. *Я выкраду у тебя свою жизнь*.

Она задумчиво кивает и смотрит вдаль, туда, где заходящее солнце превращает облака в море золотого великолепия и алой крови.

Шесть лет спустя

Колеса запряженной ослом повозки скрипят и замирают.

Без предупреждения Учительница снимает повязку с моих глаз и вытаскивает шелковые затычки из ушей. Я вздрагиваю от яркого солнца и моря шума – крика ослов, ржания лошадей, звона цимбал и плача эрху⁶ какой-то народной оперной труппы, стука и грохота выгружаемых и загружаемых товаров, пения, воплей, ругани, смеха, споров, молитв, из которых складывается симфония крупного города.

Пока я прихожу в себя после путешествия в колеблющейся темноте, Учительница спрыгивает на землю, чтобы привязать осла к придорожному столбу. Мы в провинциальной столице, вот и все, что я знаю – запахи сотни разновидностей жареного теста, и засахаренных яблок, и конского навоза, и экзотических духов поведали мне об этом еще прежде, чем с меня сняли повязку, – но не могу сказать, где именно. Напрягаю слух, ловя обрывки разговоров, но этот диалект мне незнаком.

Пешеходы кланяются Учительнице и говорят:

– *Амитабха*.

Учительница складывает руки перед грудью, кланяется и отвечает:

– *Амитабха*.

Я могу быть в любой точке Империи.

– Пообедаем, а потом сможешь отдохнуть в той гостинице, – говорит Учительница.

⁶ Эрху – старинная китайская двухструнная скрипка.

– Как насчет моего задания? – спрашиваю я.

Я нервничаю. Я впервые покинула гору с тех пор, как она меня забрала.

Она смотрит на меня с непонятым выражением, смесью жалости и веселья.

– Не терпится?

Прикусываю губу и молчу.

– Ты сама выберешь способ и время. – Ее голос безмятежен, как синее небо. – Я вернусь на третью ночь. Доброй охоты.

– Держи глаза распахнутыми, а конечности – расслабленными, – сказала она. – Помни все, чему я тебя учила.

Учительница призвала с ближайших вершин двух мгlistых соколов, каждый размером с взрослого мужчину. Их когти оканчивались железными клинками, жуткие загнутые клювы блестели сталью. Они кружили надо мной, то появляясь, то исчезая в облаке-тумане, гордо и скорбно крича.

Джинджер вручила мне маленький кинжал длиной не больше пяти дюймов. Он казался совершенно неподходящим для моего задания. Я сомкнула дрожащие пальцы на рукояти.

– Видимость – это еще не все, – сказала она.

– Помни о том, что скрыто, – добавила Конгер.

– Ты справишься, – сказала Джинджер, сжав мне плечо.

– Мир полон иллюзий, которые отбрасывает невидимая Истина, – сказала Конгер. Наклонилась и шепнула мне на ухо, согрев дыханием щеку: – Сзади на шее у меня сохранился ирам от встречи с соколами.

Они отодвинулись и скрылись в тумане, оставив меня наедине с хищниками и голосом Учительницы, что доносился сверху из лиан.

– Почему мы убиваем? – спросила я.

Соколы по очереди сделали вид, будто пикируют на меня, проверяя мою защиту. Я инстинктивно отпрыгнула и погрозила им кинжальчиком.

– Мы живем во времена хаоса, – ответила Учительница. – Великие лорды Империи исполнены амбиций. Они забирают все, что могут, у людей, которых поклялись защищать, словно пастухи, обратившиеся волками и терзающие собственное стадо. Они поднимают налоги, пока все стены в их дворцах не начинают сиять серебром и золотом; забирают у матерей сыновей, пока их армии не разбухают, словно воды Хуанхэ; плетут интриги и перекраивают границы на картах, будто государство – лишь блюдо песка, по которому ползают напуганные муравьи-крестьяне.

Один из соколов ринулся ко мне. Настоящее нападение, не проверка. Я присела, держа перед лицом зажатым в правой руке кинжал, а левой опираясь о землю для устойчивости. Я не сводила глаз с сокола, позволив всему прочему отступить на задний план, оставив только яркие отблески на острых когтях и клюве, словно созвездие в ночном небе.

Сокол приближался. Легкий ветерок коснулся моего затылка. Хищник вытянул когти и захлопал крыльями, пытаясь в последний момент замедлить пики.

– Кому решать, что один губернатор прав, а другой генерал ошибается? – спросила она. – Человек, который соблазняет жену своего господина, может поступать так для того, чтобы подобраться к тирану и осуществить месть. Женищина, которая требует у своего покровителя риса для крестьян, может делать это ради собственных амбиций. Мы живем во времена хаоса, и наш единственный моральный выбор – быть аморальными. Великие лорды нанимают нас, чтобы убивать своих врагов. И мы выполняем свою миссию целеустремленно и преданно, верные и смертоносные, как арбалетный болт.

Я приготовилась прыгнуть и нанести соколу удар, затем вспомнила слова сестер.

«Видимость – это еще не все... У меня на шее сохранился ирам».

Я упала на землю, перекатилась влево, на считанные дюймы разминувшись с когтями второго сокола, который пытался подобраться ко мне сзади. Соколы столкнулись в том месте, где всего мгновение назад была моя голова, словно ныряльщик слисся со своим отражением на поверхности пруда. Клубок бьющих крыльев, разъяренный визг.

Я кинулась на вихрь перьев. Один, два, три удара, быстрее молнии. Соколы рухнули вниз, ломая крылья о землю. Кровь из аккуратных порезов на их горле потекла на каменную платформу.

Кровь также сочилась из моего плеча, ободранного острыми камнями. Но я выжила, а мои враги – нет.

– Почему мы убиваем? – снова спросила я, тяжело дыша от напряжения. Прежде я убивала диких обезьян, и лесных пантер, и тигров бамбуковой рои. Однако два мгlistых сокола пока были самым трудным испытанием, вершиной искусства убийцы. – Почему служим когтями власть имущих?

– Мы – зимняя снежная буря, что обрушивается на дом, изъеденный термитами, – ответила она. – Лишь поторопив упадок старого, сможем мы прийти к возрождению нового. Мы – месья усталого мира.

Джсинджер и Конгер появились из тумана, чтобы посыпать соколов растворяющим тела порошком и перевязать мою рану.

– Спасибо, – прошептала я.

– Тебе нужно больше тренироваться, – сказала Джсинджер ласковым голосом.

– Я должна сохранить тебе жизнь. – Глаза Конгер проказливо сверкнули. – Ты обещала угостить меня цветами софоры, помнишь?

Тонкий полумесяц свисает с кончика ветки древней софоры перед особняком губернатора. Ночной часовой вызванивает полночь. Уличные тени густы, как чернила, они такого же цвета, как мои шелковые лосины, узкая туника и тканевая маска, закрывающая нос и рот.

Я вишу вниз головой, цепляясь ногами за вершину стены, мое тело прижимается к ровной поверхности, словно ползучая лиана. Два солдата проходят подо мной. Взглянув вверх, они бы приняли меня за тень среди теней или за спящую летучую мышь.

Как только они уходят, я выгибаю спину и запрыгиваю на стену. Пробираюсь по ней тише, чем кошка, и оказываюсь напротив крыши главного зала. Разогнув напружиненные ноги, одним прыжком преодолеваю провал и сливаюсь с черепицей на мягком изгибе крыши.

Разумеется, есть намного более скрытные способы проникнуть на охраняемую территорию, но мне нравится оставаться в этом мире, чувствовать ночной ветерок и слышать далекое уханье совы.

Я осторожно поднимаю глазурированную черепицу и вглядываюсь в отверстие. Сквозь решетчатый потолок вижу ярко освещенный зал с каменным полом. На помосте в восточном конце зала сидит мужчина средних лет и внимательно просматривает стопку бумаг, медленно листая страницы. Я вижу родинку в форме бабочки на его левой щеке и нефритовое ожерелье на шее.

Это цзедуши, которого мне полагается убить.

– Заберешь его жизнь – и твое ученичество окончится, – сказала Учительница. – Это последний экзамен.

– Что он совершил, чтобы заслужить смерть? – спросила я.

– А это имеет значение? Достаточно того, что человек, однажды спасший мне жизнь, желает, чтобы он умер, и хорошо заплатил за это. Мы умножаем амбиции и раздор; мы следуем только своему кодексу.

Я ползу по крыше, мои ладони и ступни беззвучно скользят по черепице – Учительница тренировала нас, заставляя скользить по озеру в долине в марте, когда лед такой тонкий, что

даже белки иногда проваливаются сквозь него и тонут. Я чувствую себя одним целым с ночью, мои чувства остры, как кончик моего кинжала. К возбуждению примешивается печаль, словно первый мазок кистью по чистому листу бумаги.

Оказавшись прямо над губернатором, я вновь поднимаю одну черепицу, затем другую. Прodelываю дыру, достаточно большую, чтобы пролезть внутрь. Потом вынимаю из сумки крюк – выкрашенный в черный цвет, чтобы не пускал блики – и закидываю на конек. Крюк надежно впивается в дерево. Потом я обвязываю себя шелковой веревкой.

Смотрю вниз сквозь дыру в крыше. *Цзедуши* сидит, не догадываясь о смертельной опасности над его головой.

На мгновение мне кажется, будто я вновь на огромной софоре перед моим домом, гляжу сквозь колеблющиеся листья на моего отца.

Однако мгновение проходит. Я спикирую, словно баклан, перережу ему горло, раздену его и посыплю растворяющим плоть порошком. И пока он будет лежать, подергиваясь, на каменном полу, взмою обратно на крышу и скроюсь. К тому времени как слуги обнаружат его останки – голый скелет, – я буду далеко. Учительница объявит, что мое ученичество завершилось и я теперь равна моим сестрам.

Делаю глубокий вдох. Мое тело напряжено. Я тренировалась ради этого момента шесть лет. Я готова.

– *Pana!*

Я замираю.

Из-за занавесок появляется мальчик, ему лет шесть, его волосы заплетены в аккуратную тоненькую косичку, которая торчит вверх, словно петушиный хвост.

– Почему ты до сих пор не спишь? – спрашивает человек. – Будь хорошим мальчиком и возвращайся в постель.

– Я не могу спать, – говорит мальчик. – Я услышал шум и увидел тень на стене.

– Просто кошка, – отвечает человек. Мальчик явно не убежден. На секунду человек задумывается, потом говорит: – Ладно, иди сюда.

Он откладывает бумаги на низкий столик. Мальчик карабкается к нему на колени.

– Не нужно бояться теней, – говорит человек и устраивает теневое представление, держа руки против лампы для чтения. Он учит мальчика делать бабочку, щенка, летучую мышь, волнистого дракона. Мальчик радостно смеется. Потом делает котенка, который гонится за отцовской бабочкой по натянутым бумагой окнам зала.

– Тени рождает свет, и он же их убивает. – Человек перестает трепетать пальцами и опускает руки. – Иди спать, дитя. Утром будешь гоняться в саду за настоящими бабочками.

Мальчик сонно кивает и тихо уходит.

На крыше я медлю. Не могу выкинуть из головы смех мальчика. Может ли девочка, которую выкрали из семьи, украсть семью у другого ребенка? Лицемерна ли такая мораль?

– Спасибо, что подождала, пока мой сын уйдет, – произносит мужчина.

Я замираю. Кроме него, в зале больше никого нет, и он говорит слишком громко, чтобы обращаться к самому себе.

– Я предпочитаю не кричать. – Он по-прежнему просматривает бумаги. – Будет проще, если ты спустишься.

Сердце оглушительно стучит в ушах. Следует немедленно скрыться. Возможно, это ловушка. Если я спущусь, окажется, что в засаде прячутся солдаты или под полом скрывается какой-то механизм, который не даст мне уйти. Но что-то в его голосе заставляет меня подчиниться.

Прыгаю в дыру в крыше, шелковая веревка, привязанная к крюку и несколько раз обернутая вокруг моего пояса, замедляет падение. Легко приземляюсь перед помостом, бесшумная, как снежинка.

– Как ты узнал? – спрашиваю я.

Камни под моими ногами не распахнулись, чтобы обнажить зияющую бездну, солдаты не хлынули из-за ширм. Но мои руки крепко сжимают веревку, а колени готовы к прыжку. Однако я еще могу выполнить миссию, если он действительно безоружен.

– Слух у детей острее, чем у родителей, – говорит он. – И я давным-давно развлекаю себя тенями, когда читаю допоздна. Я знаю, как мерцают огни в этом зале без сквозняка из новой дыры в потолке.

Я киваю. Это хороший урок на будущее. Моя правая рука движется к рукояти кинжала, что висит в ножнах на спине.

– *Цзедуиши* Лу из Ченсу честолюбив, – говорит мужчина. – Он давно жаждет заполучить мою территорию, думает заставить молодых людей с ее богатых полей вступить в свою армию. Если убьешь меня, никто не встанет между ним и тронном в Чанъане. Его восстание охватит империю, и миллионы людей погибнут. Сотни тысяч детей осиротеют. Бесчисленные тени станут бродить по земле, не способные упокоиться в мире, пока дикие звери глодают их тела.

Числа, которые он называет, колоссальны, словно множество песчинок в мутных водах Хуанхэ. Я не могу их осмыслить.

– Однажды он спас жизнь моей Учительнице, – говорю я.

– И потому ты слепо подчиняешься ей?

– Мир прогнал насквозь, – говорю я. – У меня есть долг.

– Не скажу, что мои руки не запятнаны кровью. Вот что бывает, когда идешь на компромиссы. – Он вздыхает. – Ты хотя бы дашь мне два дня, чтобы привести дела в порядок? Моя жена покинула этот мир, рожая сына, и я должен позаботиться о его будущем.

Я смотрю на него. Я не могу воспринимать детский смех как иллюзию.

Представляю, как губернатор окружает свой дом тысячами солдат; представляю, как он прячется в подвале, дрожа, будто осенний лист; представляю его на дороге далеко от этого города, он нахлестывает лошадь, скалясь, точно отчаявшаяся марионетка.

Словно прочитав мои мысли, он говорит:

– Я буду здесь, один, две ночи спустя. Даю тебе слово.

– Сколько стоит слово приговоренного к смерти? – интересуюсь я.

– Столько же, сколько слово убийцы, – отвечает он.

Киваю и подпрыгиваю. Стремительно взобравшись по веревке, словно по лианам на родной скале, исчезаю в дыре на крыше.

Меня не тревожит, что *цзедуиши* сбежит. Я хорошо обучена и найду его, куда бы он ни скрылся. Лучше дать ему возможность попроситься с сыном; это кажется правильным.

Я брожу по городским рынкам, наслаждаясь запахами жареного теста и карамелизованного сахара. В животе бурчит при мысли о лакомствах, которых я не пробовала шесть лет. Быть может, персики и роса очистили мой дух, но плоть по-прежнему жаждет земной сладости.

Обращаюсь к торговцам на придворном языке, некоторые владеют им вполне приемлемо.

– Искусная работа, – говорю я, изучая генерала из сахарного теста на палочке. Фигурка в ярко-красном боевом плаще, покрашенном соком ююбы. Мой рот наполняется слюной.

– Вам нравится? – спрашивает торговец. – Он очень свежий, юная госпожа. Я сделал его только сегодня утром. С начинкой из лотосовой пасты.

– У меня нет денег, – с сожалением отвечаю я. Учительница дала мне только деньги на гостиницу и сушеный персик в качестве еды.

Торговец разглядывает меня и принимает решение.

– Судя по вашему акценту, вы не местная?

Я киваю.

– Покинули дом, чтобы найти озерцо спокойствия в мире хаоса?

– Что-то вроде этого, – говорю я.

Он кивает, будто это все объясняет. Дает мне палочку с сахарным генералом.

– От одного странника – другому. Это хорошее место, чтобы осесть.

Принимаю подарок и благодарю его.

– Откуда вы?

– Ченсу. Я бросил свои поля и сбежал, когда люди *цзедуши* Лу явились в мою деревню, чтобы забрать мальчишек и мужчин в армию. Я уже лишился отца – и вовсе не хотел умирать, чтобы придать цвета боевому плащу губернатора. Эта фигурка изображает *цзедуши* Лу. Мне нравится смотреть, как покупатели откусывают ему голову.

Смеюсь и делаю ему приятное. Сахарное тесто тает на языке, сочная лотосовая паста великолепна.

Брожу по аллеям и улицам города, наслаждаясь каждым кусочком сахарной фигурки, и прислушиваюсь к обрывкам разговоров, доносящимся из дверей чайных домиков и проезжающих экипажей.

– ...зачем отправлять ее учиться танцам на другой конец города?..

– Магистрату подобный обман не понравится...

– ...лучшая рыба, что я когда-либо пробовал! Она еще трепыхалась...

– ...откуда ты знаешь? Что он говорил? Скажи, сестра, скажи...

Ритм жизни омывает меня, поддерживает, словно море облаков у подножия горы, где я прыгаю с лианы на лиану. Я размышляю о словах человека, которого собираюсь убить.

Его восстание охватит империю, и миллионы людей погибнут. Сотни тысяч детей осиротеют. Бесчисленные тени станут бродить по земле.

Я думаю о его сыне и о тенях, танцующих на стенах огромного пустого зала. Что-то в моем сердце пульсирует в такт музыке этого мира, земного и святого одновременно. Кружащиеся в воде песчинки становятся лицами – смеющимися, плачущими, тоскующими, мечтающими.

На третью ночь полумесяц кажется чуть более широким, ветер – чуть более холодным, далекое уханье сов – чуть более зловещим.

Как и в прошлый раз, забираюсь на стену особняка губернатора. Поведение патрульных не изменилось. Пригибаюсь ниже и крадусь тише по узкой стене и неровной черепичной крыше. Я вернулась на прежнее место; поднимаю черепицу, которую вытащила две ночи назад, и прижимаюсь глазом к отверстию, чтобы заслонить сквозняк, ожидая, что в любую секунду замаскированные солдаты выпрыгнут из темноты, и ловушка захлопнется.

Я к этому готова.

Но никто не поднимает тревогу и не бьет в гонг. Заглядываю в освещенный зал. Мужчина сидит на прежнем месте, рядом на столике – стопка бумаг.

Напряженно прислушиваюсь, не раздадутся ли детские шаги. Тишина. Мальчика ото-слали.

Изучаю пол, где сидит человек. Он застлан соломой. На мгновение смущаюсь, затем понимаю: это проявление заботы. Он не хочет испачкать кровью пол, чтобы тому, кто будет убирать зал, было легче.

Мужчина сидит в позе лотоса, закрыв глаза, блаженно улыбаясь, словно статуя Будды.

Я тихо кладу черепицу на место и бесшумным ветерком исчезаю в ночи.

– Почему ты не выполнила задачу? – спрашивает Учительница.

Мои сестры стоят за ее спиной, два архата⁷, охраняющих свою госпожу.

⁷ Архат – в буддизме – человек, вышедший из «колеса перерождений».

– Он играл с ребенком, – отвечаю я. Цепляюсь за это объяснение, как за лиану, раскачивающуюся над пропастью.

Она вздыхает:

– В следующий раз тебе следует первым делом убить мальчика, чтобы не отвлекаться.

Качаю головой.

– Это обман. Он играет на твоём сочувствии. Все власть имущие – актеры, и их сердца – непроницаемые тени.

– Может быть, – говорю я. – Однако он сдержал слово и был готов умереть от моей руки. Думаю, другие его слова тоже могут быть правдивы.

– Откуда тебе знать, может, он столь же честолюбив, сколь и человек, которого хочет очернить? Откуда тебе знать, что он не проявляет доброту на службе будущему большему злу?

– Никому не дано знать будущее, – отвечаю я. – Может, дом и прогнил, но я не желаю быть рукой, которая обрушит его на муравьев, ищущих озеро спокойствия.

Она смотрит на меня.

– А как же верность? Как же повиновение своему учителю? Как же выполнение данных обещаний?

– Мне не суждено красть жизни, – говорю я.

– Такой талант, – говорит она и, после паузы, добавляет: – Загублен.

Что-то в ее тоне заставляет меня поежиться. Потом я смотрю ей за спину и вижу, что Джинджер и Конгер исчезли.

– Если уйдешь, перестанешь быть моей ученицей, – говорит она.

Я смотрю на ее гладкое лицо и добрые глаза. Вспоминаю, как она бинтовала мне ноги, когда я, давным-давно, упала с лиан. Вспоминаю, как она отгоняла медведя бамбуковой рощи, с которым я не смогла справиться. Вспоминаю вечера, когда она обнимала меня и учила видеть истину за миром иллюзий.

Она забрала меня из семьи – но она была мне почти матерью.

– Прощай, Учительница.

Группируюсь и прыгаю, словно мчащийся тигр, словно парящая дикая обезьяна, словно взлетающий сокол. Разбиваю окно гостиничной комнаты и ныряю в океан ночи.

– Я не собираюсь тебя убивать, – говорю я.

Мужчина кивает, будто не ждал ничего другого.

– Мои сестры – Джинджер, также известная как Сердце молнии, и Конгер, Безоружная – собираются закончить то, с чем не справилась я.

– Я вызову стражу. – Он поднимается.

– Это не поможет, – говорю я. – Джинджер сумеет украсть твою душу, даже если ты спрячешься под колоколом на дне океана, а Конгер и подавно.

Он улыбается:

– Значит, я встречу их один. Спасибо, что предупредила. Мои люди не погибнут напрасно.

Слабый крик, похожий на далекое завывание обезьяньей стаи, слышится в ночи.

– Нет времени объяснять, – говорю я. – Дай мне свой красный шарф.

Он подчиняется, и я обвязываю шарф вокруг пояса.

– Ты увидишь вещи, которые покажутся тебе непостижимыми. Что бы ни случилось, смотри на шарф и держись от него подальше.

Вой становится громче. Он словно доносится отовсюду и ниоткуда. Джинджер здесь.

Прежде чем он успевает задать новый вопрос, я вспарываю шов пространства и заползаю внутрь; теперь он не видит меня, а видит лишь болтающийся кончик ярко-красного шарфа.

– Представь, что пространство – это лист бумаги, – сказала Учительница. – Муравей, ползущий по этому листу, видит ширину и глубину, но не имеет представления о высоте.

Я выжидательно посмотрела на муравья, которого она нарисовала на бумаге.

– Муравей боится опасности и строит вокруг себя стену, думая, что неприступный барьер защитит его.

Учительница нарисовала вокруг муравья кольцо.

– Однако муравью неизвестно, что над ним висит нож. Он не является частью мира муравья, муравей его не видит. Стена, которую он построил, не защитит его от удара из скрытого измерения...

Она пронзила бумагу кинжалом, пригвоздив муравья к земле.

– Ты можешь считать ширину, глубину и высоту единственными измерениями этого мира, Скрытая Девушка, но ты заблуждаешься. Ты всю жизнь была муравьем на листе бумаги. Истина намного чудесней.

Я возникаю в пространстве над пространством, пространстве внутри пространства, скрытом пространстве.

Все обретает новое измерение – стены, плитки пола, мерцающие факелы, изумленное лицо губернатора. С него будто сняли кожу и обнажили все, что внутри: я вижу бьющееся сердце, пульсирующий кишечник, кровь, бегущую по прозрачным сосудам, блестящие белые кости и скрытый в них, словно подкрашенная соком ююбы лотосовая паста, бархатистый костный мозг. Я вижу каждую чешуйку сверкающей слюды в каждом кирпиче; вижу десять тысяч бессмертных, танцующих в каждом языке пламени.

Нет, это не совсем так. У меня нет слов, чтобы описать то, что я вижу. Я вижу миллион миллиардов слоев во всем одновременно, будто муравей, который всегда видел линию, вдруг поднялся над листом бумаги и осознал совершенство круга. Такова перспектива Будды, который постигает непостижимость сети Индры, которая связывает мельчайшую пылинку на кончике блошиной лапки с величайшей звездной рекой, что струится по ночному небу.

Именно так, много лет назад, Учительница проникла в дом моего отца, ускользнув от солдат, и забрала меня из закрытого шкафа.

Я вижу приближающийся белый балахон Джинджер, он колышется, словно светящаяся медуза в морских глубинах. Джинджер завывает на ходу, и один голос создает какофонию воплей, вселяющих ужас в души жертв.

– Сестренка, что ты здесь делаешь?

Я поднимаю кинжал.

– Джинджер, пожалуйста, уходи.

– Ты всегда была немного упрямой, – говорит она.

– Мы откусывали от одного персика и купались в одном ледяном горном источнике, – говорю я. – Ты научила меня лазать по лианам и собирать снежные лилии для волос. Я люблю тебя как родную сестру. Пожалуйста, не делай этого.

Она выглядит печальной.

– Не могу. Учительнице обещала.

– Есть более важное обещание, которому мы все должны следовать: делай то, что подсказывает твое сердце.

Она поднимает меч.

– Я люблю тебя как сестру – и потому позволю ударить меня, не ударив в ответ. Если сможешь сделать это прежде, чем я убью губернатора, я уйду.

Я киваю:

– Спасибо. Мне жаль, что все так закончилось.

У скрытого пространства – своя структура, оно состоит из свисающих тонких нитей, которые слабо светятся изнутри. Мы с Джинджер перемещаемся, прыгая от лианы к лиане,

от волоска к волоску, карабкаясь, перекатываясь, вращаясь, танцуя на паутине, сотканной из мерцающего льда и звездного света.

Я кидаюсь к ней, она легко уклоняется. Она всегда была лучшей в сражениях на лианах и облачных танцах. Она скользит и качается изящно, словно бессмертный небесного двора. По сравнению с ней я двигаюсь неуклюже, тяжело, неповоротливо.

Она танцует, уворачиваясь от моих выпадов, и считает их:

– Раз, два, три-четыре-пять... очень хорошо, Скрытая Девушка, ты тренировалась. Шесть-семь-восемь, девять, десять... – Изредка я подбираюсь слишком близко, и она отбивает мой кинжал мечом с той же легкостью, с какой дремлющий человек отгоняет муху.

Почти с жалостью она сворачивает с моей траектории и перепархивает к губернатору. Словно нож, занесенный над страницей, она невидима для него, готова обрушиться из другого измерения.

Кидаюсь за ней, надеясь, что я достаточно близко, чтобы мой план сработал.

Видя, что красный шарф, который я оставила в его мире, приближается, губернатор падает на пол и откатывается в сторону. Меч Джинджер пронзает пелену между измерениями; в том мире клинок возникает в воздухе, разносит в щепки стол, за которым сидел губернатор, и исчезает.

– Эй! Как он меня увидел?

Не давая ей возможности разгадать мою хитрость, обрушиваю на нее шквал стремительных ударов.

– Тридцать один, тридцать два-три-четыре-пять-шесть... у тебя действительно лучше получается...

Мы танцуем в пространстве «над» залом – для этого направления нет слова, – и всякий раз, когда Джинджер тянется к губернатору, я стараюсь держаться рядом, чтобы предупредить его о скрытой опасности. Но все мои попытки достать ее тщетны. Я начинаю уставать, мои движения замедляются.

Сгибаю ноги и вновь кидаюсь к ней, однако проявляю неосторожность и оказываюсь слишком близко к стене зала. Свисающий шарф цепляется за крепление факела, и я падаю.

Джинджер смотрит на меня и смеется.

– Ах вот как ты это делаешь! Умно, Скрытая Девушка. Но теперь игра окончена, и приз достанется мне.

Если она сейчас ударит губернатора, предупредить его будет некому. Я застряла.

Шарф загорается, огонь врывается в скрытое пространство, охватывает мой балахон. Я кричу от ужаса.

Тремя быстрыми прыжками Джинджер возвращается на мою нить, скидывает свой белый балахон и оборачивает вокруг меня, чтобы сбить пламя.

– Ты в порядке? – спрашивает она.

Огонь опалил мне волосы и в нескольких местах обжег кожу, но я поправлюсь.

– Спасибо, – говорю я. И, прежде чем она успевает отреагировать, вонзаю кинжал в подол ее балахона и отрезаю полосу ткани. Острие кинжала проникает сквозь пелену между измерениями, и ткань уносит в обычный мир, словно всплывающий на поверхность обломок кораблекрушения. Мы видим перепуганное лицо губернатора, который пятится от белого шелкового обрезка на полу.

– Попадание, – говорю я.

– Вот как, – говорит она. – Согласись, это не слишком честно.

– И тем не менее я тебя задела, – настаиваю я.

– Значит, это падение... ты все спланировала?

– Больше мне ничего не пришло в голову, – признаю я. – Ты намного лучше фехтуешь.

Она качает головой:

– Как незнакомец может заботить тебя больше сестры? Но я дала слово.

Она поднимается и ускользает прочь, словно водяной дух. Прежде чем исчезнуть в ночи, оборачивается ко мне в последний раз:

– Прощай, сестренка. Наша связь разрезана, как и мое платье. Желаю тебе найти свою цель.

– Прощай.

Она уходит, завывая.

Выбираюсь в обычное пространство, и губернатор кидается ко мне.

– Я так испугался! Что это за магия? Я слышал лязг мечей, но ничего не видел. Твой шарф плясал в воздухе, словно призрак, а потом из ниоткуда появился кусок белой ткани! Погоди, ты ранена?

Я морщусь и сажусь.

– Ерунда. Джинджер ушла. Но следующим убийцей будет моя другая сестра, Конгер, а она намного опасней. Я не знаю, смогу ли защитить тебя.

– Я не боюсь смерти, – говорит он.

– Если ты умрешь, *цзедуши* из Ченсу убьет намного больше людей, – говорю я. – Ты должен послушать меня.

Открываю сумку и достаю подарок Учительницы на мой пятнадцатый день рождения. Вручаю ему.

– Это... бумажный ослик? – Он недоуменно смотрит на меня.

– Это проекция механического осла в нашем мире, – говорю я. – Подобно тому, как сфера, проходящая через плоскость, кажется окружностью... не важно, нет времени. Ты должен идти!

Я разрезаю пространство и толкаю его в прореху. Перед ним стоит осел – огромное механическое животное. Он протестует, но я заставляю его сесть на осла.

Введенные сухожилия питают энергией вращающиеся внутренние механизмы и заставляют ноги на коленчатых рычагах двигаться. Осел будет час скакать галопом, описывая широкий круг, прыгая с одной светящейся лианы на другую, словно канатоходец. Учительница подарила мне его, чтобы я могла скрыться, если меня ранят во время миссии.

– Как ты защитишься от нее? – спрашивает он.

Вытаскиваю ключ, и осел скачет прочь, оставляя его вопрос без ответа.

Нет ни завывания, ни пения, ни ужасающего грохота. Конгер идет совершенно бесшумно. Если не знать ее, можно решить, что у нее нет никакого оружия. Вот почему ее прозвали Безоружной.

В балахоне жарко, краска на лице давит на кожу. Зал затянут дымом – я подожгла рассыпанную солому. Пригибаюсь к полу, где воздух чище и прохладней и можно дышать. Блаженно улыбаюсь, но смотрю сквозь щелочки глаз.

Дым завивается – легкое беспокойство, которого не заметишь, если не будешь внимателен.

Я знаю, как мерцают огни в этом зале без сквозняка из новой дыры в потолке.

За мгновения до этого я аккуратно прорезала кинжалом несколько отверстий в пелене между измерениями, и шелковые ниточки из балахона Джинджер не дают им сомкнуться. Этих отверстий достаточно, чтобы впустить сквозняк из скрытого пространства, чтобы почувствовать чье-то приближение.

Представляю безжалостное лицо Конгер, которая скользит ко мне в скрытом пространстве, словно пожирающий души демон. В ее правой руке блестит игла – другого оружия ей не требуется.

Она предпочитает подобраться к жертве в невидимом измерении, пронзить внутренности с незащищенной стороны. Ей нравится втыкать иглу прямо в сердце, не повреждая кожу и грудную клетку. Нравится вводить иглу в мозг и превращать его в пюре, сводя еще живую жертву с ума, но не оставляя следов на черепе.

Движение дыма усиливается. Она близко.

Представляю, что она видит: мужчина в одеянии *цзедуши* сидит в задымленном зале, на его щеке – родинка в форме бабочки. Он напуган и не знает, что делать, глупая улыбка застыла на его лице, а вокруг пылает его собственный дом. Почему-то воздух над ним в скрытом пространстве кажется темным, словно дым из зала проник сквозь пелену между измерениями.

Она прыгает.

Смещаюсь вправо, повинаясь инстинкту, а не рассудку. Долгие годы я тренировалась с ней, и, надеюсь, она движется так же, как и всегда.

Она собиралась вонзить иглу мне в череп, но поскольку я уклонилась, игла проникает в мир в том месте, где была моя голова, и с отчетливым лязгом бьет в нефритовое ожерелье на моей шее.

Поднимаюсь на ноги, пошатываясь и кашляя. Стираю с лица краску. Игла Конгер такая хрупкая, что согнулась от одного удара. Она никогда не атакует снова, если первая попытка провалилась.

Удивленный смех.

– Отличный трюк, Скрытая Девушка. Нужно было лучше приглядеться в этом дыму. Учительница всегда любила тебя больше всех.

Проделанные мною щели между мирами нужны были не только для предупреждения. Дым проник в скрытое пространство и помешал ей отчетливо видеть обычный мир. Иначе со своей выгодной позиции она бы с легкостью поняла, что кроется за моей маской, а широкий балахон не спрятал бы тонкое тело.

Но, быть может – только быть может, – она предпочла не заметить моей жалкой маскировки, точно так же, как однажды предпочла предупредить меня о подкравшемся сзади соколе.

Я кланяюсь невидимой собеседнице.

– Передай Учительнице, что мне очень жаль, но я не вернусь на гору.

– Кто бы мог подумать, что ты станешь защитницей? Надеюсь, мы еще встретимся.

– Я приглашу тебя отведать цветов софоры, старшая сестра. Нотка горечи делает сладость не такой приторной.

Переливы смеха затихают, и я в изнеможении падаю на пол.

Думаю о том, чтобы отправиться домой, чтобы вновь увидеть отца. Что я расскажу ему о годах, проведенных вдали от него? Как смогу объяснить произошедшие во мне перемены?

Я не вырасту такой, как он хотел. Во мне слишком много необузданности. Я не смогу надеть неудобное платье и разгуливать по комнатам поместья, краснея, пока сваха объясняет, за какого юношу я выйду замуж. Не смогу делать вид, будто вышивка интересует меня больше лазанья по растущей у ворот софоре.

У меня есть талант.

Я хочу взлетать на стены, подобно тому, как мы с Джинджер и Конгер взлетали по лианам на скалу; я хочу скрещивать мечи с достойными противниками; я хочу сама выбрать себе мужа – доброго юношу с мягкими руками, быть может, шлифовщика зеркал, который знает, что за гладкой поверхностью лежит другое измерение.

Я хочу отточить свой талант так, чтобы он ярко сверкал, вселяя ужас в тех, кто несправедлив, и озаряя путь тем, кто может сделать мир лучше. Я буду защищать невинных и охранять робких. Не знаю, всегда ли мои поступки будут правильными, но я – Скрытая Девушка, и моя верность принадлежит спокойствию, к которому все так стремятся.

Все-таки я вор. Я выкрала назад свою жизнь – а теперь выкраду жизни других.

Стук механических копыт становится ближе.

Мэтью Хьюз⁸

Мэтью Хьюз родился в Англии, в Ливерпуле, но почти всю жизнь провел в Канаде. Прежде чем стать профессиональным писателем, он работал журналистом, штатным спичрайтером министров юстиции и охраны окружающей среды, а также внештатным спичрайтером различных политиков и корпораций в Британской Колумбии. Находясь под сильным влиянием Джека Вэнса, Хьюз приобрел известность, описывая приключения негодяев – героев книги Вэнса «Песни умирающей земли», имевшие место до начала событий, описываемых в этой книге. Эта популярная серия его книг включает такие романы, как «Fool's Errant», «Fool Me Twice», «Black Brillion», «Majestrum», «Hospira», «The Spiral Labyrinth», «Template», «Quartet and Triptych», «The Yellow Caboshon», «The Others» и «The Commons». Его рассказы выходили в сборниках «The Gist Hunter and Other Stories» и «The Meaning of Luff and Other Stories». Он также автор трилогии «Hell and Back»: «The Damned Busters», «Costume not Included» и «Hell To Pay». Он пишет детективы под псевдонимом Мэтт Хьюз и романы, связанные с медиапроектами, под псевдонимом Хью Мэтьюс. Последние его книги – «Of Whimsies and Noubles» и «Epiphanies», а также сборник рассказов «Devil or Angel and Other Stories».

В помещенном ниже рассказе неловкий ученик вора проваливает важное задание и обнаруживает, что вызвал целую цепь необыкновенных последствий.

⁸ © Matthew Hughes, 2017; © пер. А. Грузберг, 2017.

Меч Судьбы

Бальдемар во весь дух бежал по плоской крыше, хотя ему страшно мешал меч в ножнах, который он сунул за широкий пояс. Достав меч из его «колыбели», он пристроил его вдоль бедра, но во время бега по лестницам меч невесть как съехал назад и теперь на каждом шагу бил его по левой икре. Однако времени остановиться и поправить его не было: эрбы, охраняющие дом, уже вышли из люка и нацелили свои диковинные органы чувств на бегущего вора. Три длинных чешуйчатых горла каждого эрба исторгали дрожащие крики, похожие на плач слабого и голодного ребенка, и Бальдемар слышал стук их острых когтей по плоским камням крыши.

Соседнее здание было на несколько этажей выше, и с его узорного карниза свисала веревка. Ее повесил Бальдемар для экстренного бегства в случае провала. Но здания разделяло пространство длиной в рост Бальдемара, да и до этого пространства оставалось еще добрых десять шагов, точнее, злых, если эрбы догонят его раньше, чем он доберется до края.

Ничего иного не оставалось, кроме как вытащить меч и бросить в надежде, что сторожевые твари остановятся, чтобы охранять его, потому что это их главная задача. Он вырвал жуткое оружие из-за пояса и бросил. Но ритм стаккато когтей не изменился, а эрбы перешли на зловещий вой, все более пронзительный. *Этот звук*, промелькнуло у него в голове, *они издают перед тем, как схватить добычу*.

Еще два скачка, и край крыши оказался у него под правой ногой. Он оттолкнулся и прыгнул, когда коготь распорол его рубашку и оставил на спине длинную вертикальную царапину. Но первый эрб – рослая самка – не собирался прыгать и не был готов к прыжку. Самка перевалилась через край и упала вниз, на тротуар; ее полный разочарования крик был почти человеческим.

А вот два других эрба, ее детеныши, были моложе и легче. Они затормозили на краю, в ярости щелкая клыками, когда пальцы Бальдемара ухватили веревку и, к несчастью... врезались в кирпичную стену, вдоль которой висела эта веревка.

Он почувствовал, как хрустнула фаланга среднего пальца левой руки, но, не обращая внимания на боль, ухватился за толстый канат правой рукой и стал подтягиваться выше, одновременно пальцами ног ища опоры на стене.

Он начал подъем, но не успел подняться и на длину своего тела: снова послышался звук, который он слышал перед тем, как самка рассадил когтем кожу у него на спине, и сразу вслед за этим глухой удар – один из детенышей ударился о стену под ним.

И ты лети вниз, – с удовлетворением подумал он, но сразу обнаружил, что рано обрадовался. Тварь в прыжке вытянула переднюю лапу и достала его. Коготь разорвал правую штанину и впился в голень; боль, охватившая все тело, прибавилась к боли в пальце левой руки.

От боли и страха Бальдемар вскрикнул: коготь тяжелой твари двинулся вниз, распарывая мышцу, и уперся в кожаный верх сапога. Теперь, цепляясь за веревку, Бальдемар удерживал не только свой вес, но и вес эрба, и хватка его слабела. Поврежденная рука сообщила ему, что не готова к такому испытанию, и он понял, что должен изменить ситуацию или присоединиться внизу к эрбу и его матери в каше из раздробленных костей и размозженной плоти.

Свободной ногой он пнул коготь, вцепившийся в его сапог, в тот миг, когда сторожевая тварь подняла вторую лапу и вцепилась в сапог вторым когтем, одновременно царапая кирпич когтями задних лап. Усилия ничего не дали Бальдемару; он посмотрел вниз, в желтые глаза эрба, и увидел, как тот, предвкушая первый укус, разинул пасть, высунул длинный язык и облизнул им ряды зубов, похожих на кинжалы с зазубренными лезвиями.

Это зрелище заставило Бальдемара рефлексивно дернуть попавшей в плен ногой. Мгновение спустя он почувствовал, как сапог сползает с ноги и сторожевая тварь падает вниз, в

темноту. Избавившись от тяжести эрба, не обращая внимания на боль в пальце и икре и на жалобный вой оставшегося эрба, он преодолел три этажа и поднялся на крышу здания.

Свернув веревку и прихватив ее с собой, он захромал туда, где оставил летающую платформу Телериона, поднялся на борт и произнес слова, которые заставили двух чертенят на договоре поднять платформу и унести ввысь. Когда они поднимались, пол платформы давил на ноги, поэтому Бальдемар опустился в плюшевое кресло с высокой спинкой и положил усталые руки на позолоченные подлокотники.

Одна из тварей, несших платформу, подняла голову над ограждением. Та, у которой шкура была как обожженная глина. Ноздри в поросячем рыльце раздулись от запаха крови, черно-красные глаза внимательно осмотрели прислужника мага.

Голосом, похожим на треск жесткой кожи, тварь сказала:

– Не вижу Меча Судьбы.

Бальдемар осторожно ощупывал распухший палец в поисках перелома.

– Занимайся своим делом, – сказал он.

– Телерион будет недоволен.

Это была неприятная правда, и теперь, когда у него появилось время подумать, Бальдемар понял, что опасности, от которых он спасся в начале бегства, ничто по сравнению с тем, что ожидает его в конце. Они уже летели высоко над крышами Хай-Марсана; платформа повернула на запад, туда, где в своем убежище, выходящем на спиральную караванную тропу под названием Корам-в-Пустыне, ее ждал хозяин.

Телерион многие годы собирал уникальную коллекцию; Меч Судьбы должен был ее завершить. Неизвестно, что волшебник намеревался делать с этими предметами. Бальдемар подумал, что, вероятно, он сотворит непобедимого бойца, который отомстит какому-нибудь сопернику колдуна. Маги очень обидчивы и раздражительны, всегда стремятся кому-то отомстить.

Раздобыв Меч, Бальдемар смог бы уйти в отставку после тридцатилетнего служения волшебнику. Хотя это пообещал Телерион, а на его слово не всегда можно было полагаться. Но теперь Меч Судьбы не войдет в собрание волшебного оружия Телериона. А наниматель Бальдемара ошибок не прощал. В последнее время Бальдемар начал подозревать, что Телерион заразился болезнью, часто встречающейся в гильдии колдунов, – ползучей воображанцией. Эта болезнь часто сопровождается манией величия и припадками безрассудной ярости.

– Смени направление, – приказал он рыжему чертенку.

Морщинистые черты миниатюрной морды исказились до полного безобразия.

– Хозяин ждет, – сказал чертенок.

– Каким был его последний приказ?

– Повиноваться тебе до возвращения в поместье.

– А мы вернулись туда?

В ответ послышалось неохотное:

– Нет.

– Тогда повинуйся.

– Но...

– Скажи, – обратился к чертенку Бальдемар, – такой ли волшебник Телерион, чтобы его подчиненные могли по-своему истолковывать его приказы? Подменять их своими капризами и фантазиями?

По миниатюрным плечам пробежала дрожь.

– Не такой.

– В таком случае поворачивай на юг и прибавь ходу.

– Однако...

– И не разговаривай со мной, пока я того не потребую.

Звезды над головой изменили свое положение: платформа повернула на юг. Скорость движения возросла, и от ветра у Бальдемара заслезились глаза. Но не только холод верхних слоев атмосферы заставлял его дрожать.

Скоро город Хай-Марсан – в этом городе Бальдемар прожил тридцать лет с тех пор, как приехал в него и поступил младшим служителем к Телериону Образцовому, – остался позади, далеко позади. Сейчас платформа летела над Иликстрейским лесом; затем на смену большим деревьям пришли вересковые низины, где деревень было мало, а скота много. Вскоре холмистая земля начала подниматься, а затем резко оборвалась. Бальдемар оглянулся и увидел блестящие в звездном свете алебастровые утесы Дорна; он понял, что они летят над Разделяющим морем; у ветра, бывшего ему в лицо, появился легкий солоноватый привкус.

Он, как мог, определил их скорость, расстояние до противоположного берега моря и время, оставшееся до того, как Телерион начнет гадать, почему в его горном убежище не приземляется платформа и с нее не спускается его служитель с ценным трофеем, за которым был послан.

Бальдемар не сомневался в том, что волшебник сумеет связаться со своими бесенятами и что, как только он это сделает, платформа полетит обратно и ему предстоит выбирать между гневом Телериона, вошедшим в пословицу из-за своей силы и изобретательности проявлений, и холодной смертью в серых водах внизу.

«Но нет, – подумал он, – чертенята опустят платформу быстрее, чем я упаду в воду. Они поймут меня и постараются сделать так, чтобы у меня не было возможности проделать это снова».

Он бросил короткое слово, не имевшее отношения к ситуации, зато точно отражавшее серьезность его положения, сложил руки на груди и содрогнулся. Его острый ум принялся быстро разрабатывать планы и так же быстро отвергать их. Уйти от мстительного мага – трудная задача даже для человека с десятью здоровыми пальцами и сапогами на обеих ногах.

Небо слева начало светлеть. Бальдемар, хромая, добрался до левого поручня и заслонил глаза от ветра. Слабое свечение сделалось менее бледным, и теперь он видел серую полосу, которая вскоре превратилась в тучу, протянувшуюся от горизонта до горизонта. Впереди туча становилась темнее, и вскоре он уже летел под холодным дождем.

Перегнувшись через балюстраду, он посмотрел вниз. Мир по-прежнему окутывала тьма, но, еще раз вздрогнув, он понял, что моря под ним больше нет. Он опять летел над лесом, теперь хвойным, который простирался во все стороны, насколько хватал глаз; лишь далеко справа, в дымке из-за расстояния, он увидел расчищенную землю, а за ней на склоне – скопление зданий разного размера, окруженных стеной с башнями через равные промежутки. На самом верху склона высилось внушительное здание из серого камня, с собственными стенами с бойницами и высокой сторожевой башней, на которой развевался черно-золотой флаг.

Бальдемар начал осматриваться в поисках места для посадки. Он пошлет платформу дальше на юг в надежде на то, что какой-нибудь южный маг примет ее за свою. Но не успел он найти поляну в глубине леса, как платформа под ним накренилась и направилась к замку.

Он окликнул чертенят.

– Не в эту сторону! – крикнул он. – Вон туда! – добавил он, указывая.

Но рыжий чертенок просунул голову через балюстраду и сказал:

– Нас призывают туда.

– Ты что же, не можешь противиться этому призыву? – спросил Бальдемар.

Тварь неопределенно покачала головой:

– Может, и могу. Но вообще-то нам все равно.

Платформа направилась к замку и по спирали приблизилась к круглой башне с плоской крышей. Там стоял худой старик в узорчатом одеянии, губы его были сжаты, а в руке он держал короткую черную деревянную палочку. Чертенята мягко посадили платформу, словно демонстрируя свои возможности, потом выбрались из-под нее и поклонились волшебнику. Бальдемар остался в кресле, его поза и выражение лица свидетельствовали, что он ждет объяснений такой неучтивости.

Но старик в роскошном одеянии обратился к чертенятам.

– Назовитесь.

Отвечал рыжий, низко кланяясь и кивая; он сообщил, что они служат Телериону Образцовому, великому магу тридцать третьей степени; второй чертенок, пятнистый, подражал каждому движению первого, словно подтверждая все сказанное.

– А этот? – спросил волшебник, показывая палочкой на Бальдемара. – Это кто такой?

– Не отвечай! – крикнул Бальдемар, вставая. – Я сам отвечу!

Но спрашивавший сделал жест палочкой, и чертенок закричал:

– Ах, он ужасный человек и злонамеренный лжец! Не верь ни одному его слову.

– Гм, – сказал волшебник. Он указал черной палочкой на Бальдемара и произнес несколько слогов, слышных только ему. Бальдемар почувствовал, как холод проникает в его тело, распространяясь от правой подошвы, быстро поднимается по ноге, торсу, шее и выходит через левое ухо, словно облив его череп изнутри ледяной водой. Одна рука неуправляемо дрожала, и он с трудом подавлял неудержимый порыв помочиться.

– Ну-с, – сказал старик с палочкой. – В чем дело?

Бальдемар подготовил рассказ о несчастьях и превратностях, из которого следовало, что он ни в чем не виноват. Но, когда он открыл рот, чтобы заговорить, язык восстал против него, и он услышал, как сообщает неприкрашенную правду о том, как Телерион Образцовый послал его за Мечом Судьбы и он с этим заданием не справился.

– Страшась гнева хозяина, я бежал за море на этой летающей платформе, – закончил он.

Волшебник дернул себя за нос, и Бальдемар испугался, что последует новое заклятие. Но ему только приказали идти вслед за хозяином волшебной палочки в его мастерскую. Чертенятам велено было оставаться на месте.

– Пришлю вам тимьянного сиропа, – сказал волшебник.

– Ух! – сказал рыжий чертенок, и они с приятелем удивленно переглянулись.

– Ням! – сказал пятнистый.

Мастерская волшебника показалась угнетающе знакомой. У Телериона было почти то же самое: полки, забитые древними томами, в основном в кожаных переплетах, иногда – в чешуйчатых; стеклянные и металлические сосуды на рабочем столе, из одного валит пар, хотя огня под ним нет; овальное зеркало на стене, его поверхность не отражает ничего из того, что есть в комнате; в углу на цепи висит небольшая клетка, в ней что-то шуршит.

Волшебник жестом указал Бальдемару на стул, а сам прошел к стене и стал выбирать том из плотного ряда книг на полке.

– Не пытайся сбежать, – бросил он через плечо. – С моим заклятием паралича не все гладко. Течение изменило полярность, и когда я в последний раз его использовал... – Он посмотрел на большое пятно на потолке. – ...скажем, было ужасно сложно все вычистить.

Бальдемар сел на стул.

Волшебник просмотрел всю следующую полку, издал легкое восклицание, свидетельствовавшее о том, что он нашел искомое, и вытащил тяжелый том, переплетенный в потрепанную черную кожу.

– Говоришь, Меч Судьбы?

– Да, – ответил Бальдемар.

Маг перелистывал книгу.

– Зачем он ему понадобился, этому твоему... как его там?

– Телериону, – сказал Бальдемар, – Образцовому. Чтобы завершить собрание оружия и доспехов.

Он назвал все предметы из этого собрания: Непробиваемый Щит, Шлем Прочности, Нагрудник Стойкости, Поножи Неутомимости. Пока он это говорил, волшебник нашел страницу, провел по ней пальцем, и на его лице появилось удивленное выражение.

– Он хотел собрать все это?

– Да.

– Зачем?

– Не знаю.

Длинное лицо повернулось к нему:

– Подумай.

– Месть? – вопросительно произнес Бальдемар.

– У него есть враги, у этого Фольдерола?

– Телериона. Он маг. Разве маги не притягивают врагов, как магнит гвозди?

– Гм... – произнес его собеседник. Он снова заглянул в книгу и сказал: – Но эти предметы... равнодушны друг к другу. Они не станут сотрудничать.

Он потянул себя за длинный нос и задумчиво продолжил:

– Шлем и щит могут ужиться, полагаю, но поножи не обратят никакого внимания на их общую стратегию. А что касается меча...

Колдун подавил смешок.

– Скажи, – произнес он, – твой хозяин, он к какой школе относится?

– К Красной, – ответил Бальдемар.

Волшебник громко захлопнул книгу, подняв облако пыли.

– Так и есть, – сказал он, пренебрежительно чихнув. – Красная школа. К тому же северянин. Можешь больше ничего не говорить.

Он покачал головой и издал звук, напомнивший Бальдемару, как старая дева порицает похотливость молодежи.

Между тем волшебник поставил книгу на место и окинул гостя задумчивым оценивающим взглядом:

– А вот ты любопытный экземпляр. Что же с тобой делать?

Он гладил длинный подбородок, а меняющееся выражение его лица свидетельствовало, что он перебирает возможности, не приходя ни к какому выводу; в это время в комнату вошел другой человек, в черной и золотой одежде редкостного качества. Он был еще более худым, чем волшебник, все лицо, особенно лоб, покрывала тонкая сетка морщин; аристократический нос с горбинкой, тщательно подстриженная борода, белая, как и виски. Холодными, как древняя зима, серыми глазами этот человек осмотрел Бальдемара и сказал:

– Он имеет какое-нибудь отношение к устройству на крыше?

– Да, ваша светлость, – ответил волшебник. – Он в нем прилетел.

Человек у порога неодобрительно нахмурился, и Бальдемар содрогнулся. Этот человек был из тех, кому нравится показывать вору, что они выбрали неверный путь. Вроде тех, кто постоянно выдумывает новые формы обучения, открывающие только одну стезю – ведущую к смерти.

Но потом человек перестал хмуриться, и у него сделалось такое лицо, словно он нашел полезную вещь.

– Украл у мага, говоришь? Это ведь достижение, не правда ли?

Волшебник не разделял мнения аристократа.

– Его хозяин – какой-то колдун с севера. Красная школа, во имя Марла!

Но человек в дверном проеме не собирался уступать.

– Говори что хочешь, а это достижение!

На лице мага появилось понимание.

– Ага, – сказал он. – Так вот, к чему ведет его светлость.

– Совершенно верно. Можно отменять гонку.

– Действительно. – Лицо у мага снова сделалось такое, словно он обдумывал какие-то отвлеченные проблемы. Немного погодя он сказал: – На этот раз повсюду слышится ропот. Горожане и фермеры перестают верить в вашу... историю. – Он показал на зеркало. – Отовсюду доносится недовольное ворчание.

Суровое лицо аристократа стало еще суровее.

– Мятеж? – спросил он.

Колдун махнул рукой:

– Скорее неопределенная болтовня. Но многие поговаривают о том, чтобы собраться и уехать в другую страну. Герцог Фосс-Бельсей основывает новые города и расчищает леса под поля.

Аристократ поморщился.

– Мелкий сопляк, – сказал он.

– На самом деле, ваша светлость, ему пятый десяток.

Тот отмахнулся:

– Я помню его прапрапрадеда. Тот был такой же. Хотел украсть моих оловянных солдатиков.

– Да, ваша светлость.

Бальдемар видел, что разговор временно зашел в тупик. Но вот аристократ как будто собрался с мыслями. Он потер руки (кожа была такой сухой, что Бальдемару почудился шелест, словно друг о друга терлись два листка пергамента) и сказал:

– Значит, решено. Он – человек одаренный. Он подойдет.

Колдун ненадолго задумался, потом сказал:

– Он мне еще понадобится на какое-то время. Думаю, я смогу написать о нем интересную статью для «Журнала тайных наук». Но да, он подойдет.

– Подойду для чего? – спросил Бальдемар.

Но аристократ уже ушел, а маг принялся искать новую книгу, что-то бормоча и водя пальцем по корешкам. Бальдемар задумался, не выскользнуть ли из комнаты, но опять взглянул на пятно на потолке и решил остаться.

В последующие несколько дней он узнал кое-что важное: он приземлился в графстве Капрасекка, которым правит герцог Альберо, тот самый, с пергаментной кожей. Колдуна зовут Омбраж, он представитель Синей школы. Гонка, о которой упоминал герцог, – состязание, его проводят раз в семь лет, чтобы выявить «человека одаренного», которого герцог отправит своим посланником в некое далекое царство, в сопровождении женщины, превзошедшей всех в искусстве вести домашнее хозяйство.

– Моя спутница красива? – спросил он, когда эту новость сообщил ему мажордом герцога, человек с большим плюмажем на черной шляпе, неодобрительно фыркавший, что бы ни предлагала ему окружающая действительность.

– Красота не есть условие, – с насмешливой улыбкой сказала это должностное лицо. – Определенно не в этом случае.

Надежды Бальдемара растаяли. Его ненадолго пленила мысль стать посланником, которого сопровождает какая-нибудь длинношеяя бледная аристократическая красавица. Но мажордом описал ему женщину-победительницу как неуклюжую деревенскую девицу, служанку с молочной фермы.

– То, что налипло на ее башмаки, неопишимо, – добавил мажордом и фыркнул с удвоенной силой.

Омбраж подлечил раны Бальдемара и снабдил его новой одеждой и обувью. Бальдемар был пленником, но по замку мог ходить свободно; однако когда он замечал в отдалении герцога Альберо, ему тут же хотелось увеличить расстояние между ними.

– Не пытайся сбежать, – сказал маг. – Ты открыл интересную тему для исследования, и я хотел бы подробнее расспросить тебя. Но не смогу, если придется применить к тебе парализующее заклятие.

Они одновременно взглянули на пятно на потолке мастерской и договорились, что Бальдемар не будет выходить за стены замка. Однако он все-таки поднялся на укрепления, посмотрел на город и увидел, как солдаты герцога разбирают барьеры и преграды на пути гонки; маршрут гонки, петляя, повторял изгибы замковой стены. Там были узкие бревна над грязевыми ямами, сети, под которыми требовалось проползать, какие-то бочки, которые надо было ногами закатить на пологий склон, и ряды крутящихся барабанов, из которых торчали короткие крепкие деревянные стержни – на уровне щиколоток, груди и головы, и сверх всего – чистые травянистые участки для спринта.

– Это какая-то полоса препятствий? – спросил он часового.

– Можно сказать и так, – ответил стражник. – Но горожанам и мужикам она не нравится. Приходится подгонять их хлыстами.

– И победитель становится послом герцога?

Солдат посмотрел на Бальдемара так, словно вопрос выдал, что перед ним простофиля.

– Конечно, – сказал он, помолчав, – послом его светлости.

Бальдемар хотел еще расспросить его, но тут его вызвали к Омбражу. Поскольку вызов представлял собой громкий звон в голове и звон этот приутихал, только когда Бальдемар шел в нужном направлении, не ослабевая, пока неудачливый вор не находил мага, – он не стал медлить.

– Опиши Меч Судьбы, – велел колдун, когда Бальдемар, запыхавшись, явился в его мастерскую.

Бальдемар послушался, упомянув о нарядной оплетке рукояти и вставках из драгоценных камней.

– И ты просто схватил его?

– Да.

– Покажи руку. – Когда он это сделал, маг осмотрел его ладонь и особенно подушечки пальцев. – Никаких ожогов, – сказал он, очевидно, себе.

Омбраж снова дернул себя за нос и спросил:

– Говоришь, ты заманил караульных эрбов в другую комнату и запер их там?

– Да.

– Но как только ты взял Меч, они появились и погнались за тобой?

– Да.

Его самого удивляло, как они это сделали. Замок был очень прочный.

– И тем не менее не поймали.

– Я бежал очень быстро.

– Но ведь они эрбы, – сказал Омбраж. – Они были старые или больные?

– Нет, зрелая самка и два ее взрослых детеныша.

– Гм. – Колдун что-то записал на листке пергамента, лежавшем перед ним на столе. – Ты побегал на крышу и там оставил Меч?

– Он мешал мне. Бил по ноге.

– Только бил? Не резал, не колол, не рубил?

– Он был в ножнах у меня на поясе, – сказал Бальдемар. – Никто им не размахивал.

Омбраж бледной рукой отмахнулся от его последних слов, как будто они не имели смысла.

– Ну а этот Флэпдудл, который послал тебя за ним, – снабдил ли он тебя волшебными помощниками?

– Только летающей платформой. Веревка и крюк у меня были свои, отмычка тоже.

– Гм, и ты совершенно уверен, что Меч не пытался убить тебя?

Бальдемар удивился:

– Совершенно уверен.

– Гм.

Новая запись на пергаменте. Колдун задумчиво потер подбородок и воздел палец, собираясь задать новый вопрос. Но в этот миг в дверях появился озабоченный герцог Альберо.

– Он должен идти, – сказал герцог, показывая пальцем на Бальдемара.

– Я на пороге значительного открытия, – сказал Омбраж. – Этот человек, может быть, более одарен, чем наши обычные кандидаты. Мне нужен по меньшей мере еще день.

Выражение лица герцога говорило, что он не принимает возражений. Он посмотрел на часы, которые извлек из своих одежд.

– Семь лет заканчиваются сегодня в полдень. Никаких промедлений быть не может.

– Но... – начал колдун.

– Никаких но. – Герцог был неумолим. – Никаких «минутку» или «еще мгновение». Если он не пойдет, ты знаешь, кто явится. Так что он идет и идет немедленно.

Он посторонился, и в мастерскую вошли мажордом и два солдата. Бальдемар обнаружил, что его свободу вновь ограничили.

Герцог жестом велел его увести, а сам задержался, чтобы сказать Омбражу:

– Ты никоим образом не будешь мешать ему выполнять условия.

У колдуна сделался такой вид, словно он хотел возразить. Но он кивнул и сказал:

– Я никак не буду ему мешать.

– Хорошо. – Альберо опять посмотрел на часы и спросил у мажордома: – Медаль прихватил?

– Да, ваша светлость.

– Тогда идем.

Бальдемара отвели на передний двор замка, к самым воротам. Солдаты держали его за руки, а мажордом достал из сумки на поясе бронзовый медальон на цепочке. На металле были оттиснуты слова «За заслуги». Он показал медальон герцогу, стоявшему в дверях башни, из которой они вышли, и тот знаком велел поторапливаться.

Чиновник повесил медальон на шею Бальдемару. Тем временем из деревянной пристройки другие два солдата вывели невзрачно одетую пухлую молодую женщину, которую жизненный опыт выучил нервно улыбаться и то и дело сжимать руки. У нее была такая же медаль.

Обошлись без представлений. Мажордом кивком указал на каменную кладку в форме круга по пояс высотой посреди двора и сказал:

– Идем туда.

– И что? – спросил Бальдемар, но никто не ответил на его вопрос.

Каменный круг походил на колодец. Подойдя к нему, Бальдемар заглянул внутрь и увидел, что это действительно колодец, уходящий в темноту. Молодая женщина тоже заглянула туда и стала улыбаться еще пугливее, а руки сжимать еще сильнее.

– Спускайтесь, – велел человек в шляпе.

– Что? – Бальдемар начал было возражать. – Я посол. Где карета, в которой меня повезут, где моя лента?

Он осмотрелся, но увидел только молодую женщину, мажордома, солдат и герцога, который возбужденно жестикулировал; высоко в башне у окна своей мастерской Омбраж направил

на него черную волшебную палочку и что-то сказал. Молодая женщина вздрогнула, словно ее ущипнули за ягодицу, но тут мажордом указал на спуск в темноту.

– Вы с ней должны спуститься, – сказал он. – Как видите, мы предоставили вам лестницу. Отправляйтесь, или вам предложат более быстрый способ спуска.

Женщина хотела сбежать, но солдаты свое дело знали. Через мгновение ей заломили руки за спину и заставили встать на край колодца.

– Хорошо, – сказала она, – я спущусь первой.

Чиновник помог ей перебраться через край и встать на железную лестницу. Когда она спустилась на несколько ступенек, Бальдемар смирился с неизбежным и занял место над ней. Они стали спускаться в темноту, а круг неба над ними безжалостно уменьшался. Потом он совсем исчез: стражники накрыли колодец деревянной крышкой. Бальдемар услышал звон железа о камень, когда крышка встала на место.

Он ожидал, что попадет в воду, но, когда они очутились у подножия лестницы, там был сухой камень.

Он спросил у женщины:

– Что теперь?

Он ее не видел, но представлял себе ее нервную улыбку и беспокойные руки.

– Не знаю, – ответила она. – Говорят, это будет путешествие в землю Тир-на-Ног, и нас там встретят принцы и принцессы. Но...

Она неуверенно замолчала.

– Тир-на-Ног? – Как Бальдемар ни старался, ничего более вразумительного он добиться не смог. – Кто-нибудь возвращался из этого рая?

– Нет. Но, может, они просто не хотят?

Бальдемар понял, что имеет дело не с самой умной представительницей женского пола.

– Тебе тоже пришлось участвовать в гонке с препятствиями?

– Нет, это только для парней. Мы состязаемся в женских умениях: шить, доить коров, печь хлеб, ощипывать цыплят.

– И ты победила?

– Я сама удивилась, – сказала она. – На состязаниях были швеи и пекари лучше меня, но почему-то все они ошибались, и я удостоилась награды.

– На дне сухого колодца.

Она промолчала, но он слышал слабый звук, с которым рука трется об руку.

– Оставайся здесь, – сказал Бальдемар. – Пойду на разведку.

Он ощупал стену и нашел в ней отверстие; опустился на колени и полз вдоль него, пока снова не началась стена. А пока полз, на него обрушился поток холодного воздуха. Он встал и попросил:

– Скажи что-нибудь.

– Что?

Голос доносился из темноты; он сориентировался и нашел дорогу обратно.

– Здесь туннель, – сказал он.

Она дрожащим голосом спросила:

– Куда он ведет?

Он ответил, что не знает и не хочет знать. Они стояли в темноте и чувствовали ветер. Поток воздуха означал, что туннель соединился с внешним миром, но Бальдемару не хотелось пробираться по нему в темноте, где могло таиться что угодно.

Время шло. Женщина сказала, что ее зовут Энолия. Бальдемар тоже назвался. Они сидели на камнях по обе стороны от лестницы, привалясь спиной к стене. Немного погодя Бальдемар отвлекся и понял, что думает о вопросе колдуна насчет Меча Судьбы. Голос Энолии вернул его в настоящее.

– Я чувствую какой-то запах.

Он поднял голову и тоже уловил его – кислый, почти серный запах с примесью перца, отчего хотелось чихать.

– Он идет из туннеля, – сказал Бальдемар. И мгновение спустя добавил: – А вот и свет.

Они встали спиной к стене. Бальдемару не хватало ножа, который остался в сапоге очень далеко отсюда. Потом он понял, что ему не хватает Меча.

Туннель был длинный, и свет в нем виднелся далеко. И этот свет не мигал, как пламя, и не испускал луч, как лампа с прикрепленным зеркалом. Он видел бесформенное желтое сияние, которое постепенно превратилось в шар с приплюснутым низом. И чем больше приближалось это свечение, тем отчетливее становился запах серы с примесью гнили.

Бальдемар почувствовал движение и понял, что женщина пытается втиснуться между ним и стеной.

– Прекрати, – велел он, но она не послушалась.

– Я боюсь, – сказала она.

Бальдемар тоже боялся, но заикливаться на страхе не имело смысла. Он не мог спрятаться за ней, так что пусть поглядывает на приближающийся свет из-за его плеча. Когда до света оставалось шагов сто, Бальдемар заметил, что внутри шара что-то есть. В пятидесяти шагах он почти разглядел это, в тридцати увидел явственно и пожалел, что видит. Вонь стала обонятельным эквивалентом глухоты.

Мгновение спустя желтый свет залил выход из туннеля и дно колодца. Не было ни факела, ни лампы, свет без определенного источника исходил от стоявшей перед ними твари. Тварь смотрела на них несколькими глазами, потом раскрылось отверстие, не походившее ни на один рот из тех, какие довелось видеть Бальдемару, и послышался голос – нечто среднее между свистом и глотками.

– Ну вот, мы снова на месте.

– Мы – впервые, – сказал Бальдемар. Он почувствовал, как Энолия кивнула головой у его плеча.

– Навряд ли, – сказал демон (Бальдемар не мог найти другое, более подходящее этой твари слово), – вы принесли мне послание от герцога Альберо? Что-нибудь вроде: «Я готов. Забирай меня!»?

Бальдемар сказал, что никакого послания ему не вручали, и почувствовал, как женщина третя носом о его плечо: таким способом она давала знать, что у нее тоже нет послания.

– Но, – добавил он, – я готов подняться по лестнице и спросить насчет него, если поможешь поднять крышку.

Демон издал звук, который мог бы быть вздохом, если только вздохи бывают такими ужасными.

– Значит, можно приступать, – сказал он.

– К чему приступать?

Несмотря на почти непереносимую вонь, Бальдемару гораздо больше хотелось продолжать этот разговор, чем выяснять, к чему они должны приступать.

– Как обычно.

– А что такое «как обычно»?

Демон посмотрел на него всеми своими глазами. Бальдемар ощутил неприятное давление под черепом и страшный зуд в ладонях и ступнях, но стойко сносил эти неприятные ощущения, стараясь выражать вежливый интерес.

Часть светящегося существа передвинулась и опустилась. Бальдемар решил, что так демон пожимает плечами.

– Очень хорошо, – сказал демон. – Герцог Альберо заключил одно из тех соглашений, о которых вы, конечно, слышали. Богатство, власть, здоровье, долгая жизнь и так далее, пока он не устанет от вечного единообразия бытия. А я тем временем должен выполнять его приказы.

– Кажется, он только притворяется усталым, – сказал Бальдемар. – Похоже, он готов делать это вечно.

– Отсюда дополнительный пункт договора, – сказал демон. – Каждые семь лет он обязан присылать мне очень одаренных мужчину и женщину. Я загадываю им три загадки. Если они сумеют их разгадать, я поднимаюсь, забираю герцога и ухожу с ним.

– А если не сумеют?

Снова несколько странных движений.

– Я забираю посланцев.

– Кстати, ты их не в рай уносишь?

– Нет, не в рай, – последовал ответ. – Для них – точно нет. Вообще говоря, я чувствую себя неловко. Я бы предпочел забрать герцога и вернуться к себе.

– О, – сказал Бальдемар. Бормотание за ним стало громче, но он заставил себя сосредоточиться и сказал: – Какова первая загадка?

Демон спросил:

– Что утром ходит на четырех ногах, днем на двух, а вечером на трех?

– Серьезно? – спросил Бальдемар.

– Ты не можешь ответить?

Еще один вздох демона, и к Бальдемару протянулась конечность, усаженная крюками.

– Конечно могу, – ответил Бальдемар. – Это всем известно.

Рука, или нога, или что это было такое, убралась в сияние.

– Никто из посланников герцога не сумел ответить верно, – сказала тварь.

Бальдемар понял, что состязания, проводимые раз в семь лет, вовсе не предназначались для выявления самых умных подданных герцога. Напротив, они были экзаменом на легковерие.

– Ответ, – сказал он, – «человек». Ребенком он ползает на четвереньках; это утро его жизни. Став взрослым, в полдень, он ходит на двух ногах. А вечером, в старости, опирается на палку.

Глаза демона снова сосредоточились на нем, и вновь ему пришлось бороться с зудом в ладонях и ступнях.

– Мне трудно думать, когда ты так делаешь, – сказал Бальдемар.

Взгляды твари устремились в разных направлениях.

– Я просто удивился, – сказал демон. – До сих пор никто не давал верного ответа.

– «Одаренность» предыдущих посланцев герцога, – сказал Бальдемар, – крылась явно не в области интеллекта.

– Мне следовало оговорить условие, что это должны быть ученые, – сказал демон, – но сейчас ты меня обнадежил. Вот вторая загадка. Не торопись.

Бальдемар решил, что искажения в лицевой части демона можно считать улыбкой. Дрожа, он отвел глаза и выслушал загадку.

– Есть две сестры: каждая дает другой рождение и смерть. Что это?

Загадка вызвала легкий звон в задней части головы, но Бальдемар никак не мог на ней сосредоточиться. Он спросил у Энолии:

– Не знаешь, что это такое?

– Нет, это бессмыслица. – Она снова начала прижиматься к его плечу. – Бедная я, бедная! Никогда больше не увижу рассвета! О горе...

– Рассвет! Вот оно что! – сказал Бальдемар. – Эти сестры – ночь и день. Каждая порождает другую, каждая приносит другой смерть.

– Очень хорошо! – сказал демон. – Очень, очень хорошо! – Бальдемар не поручился бы, но, когда он слушал этот ужасный голос и видел гримасы в лицевой части, ему показалось, что демон действительно доволен. – И наконец последняя и самая простая. – Он зловеще помолчал и сказал: – Что у меня в руке?

Бальдемар невольно посмотрел на протянутую к нему конечность, потом на другую, изогнутую над первой, потом на то, что могло бы быть головой демона, будь у него шея, и наконец на третью конечность, более или менее обвивавшую то, что более или менее напоминало ногу.

– А подсказка есть? – спросил он.

– Увы, нет, как ни жаль, – ответил демон. – Я очень долго жду возможности выйти отсюда и присоединить герцога к моей коллекции.

– Дай мне подумать.

– Да, думай.

Первая загадка была легкой. Разгадывая вторую, он воспользовался подсказкой женщины. И теперь через плечо спросил у нее:

– Можешь сказать что-нибудь?

И услышал ее шепот:

– Ничего, – и почувствовал, как она вертит руками.

– Можно повторить вопрос? – попросил он.

– Что у меня в руке?

– В которой руке?

– Никаких подсказок, – сказал демон. – О боже, неужели ты потерпишь поражение на последнем прыжке?

– Дай мне минуту.

Бальдемар мысленно колотил свой мозг. *Что может быть в руке у демона? Что именно этот демон может держать именно в своей руке?* По какой-то причине, а может, вообще без причины, ему хотелось выпалить: «Кусок торта!»

Молодая женщина заревела, ее слезы и сопли омочили его плечо.

– Это несправедливо, – сказала она. – У него и руки-то нет!

Бальдемара словно обдали холодной водой в жаркий солнечный день.

– Ничего, – сказал он демону. – У тебя в руке ничего нет, ведь у тебя нет руки. Только какая-то лапа или клешня, как у краба, и... – Он не мог подобрать подходящего слова. – ...но что бы это ни было, я знаю, что это не рука.

На дне колодца наступила тишина, нарушаемая только всхлипами женщины. Потом желтое сияние, окружавшее демона, разгорелось и превратилось в золотое, а по краям окрасилось красным.

– До свидания, – сказал демон и на огромной скорости устремился вверх по колодцу, прихватив с собой большую часть вони.

Бальдемар посмотрел наверх и увидел, что деревянная крышка разлетелась на куски. Он втащил Энолию в туннель, когда на них обрушился недолгий дождь из острых обломков дерева, потом сказал:

– Пошли!

Он ухватился за лестницу и начал подниматься так быстро, как только позволяли все еще дрожащие ноги. Молодая женщина не отставала. Когда они перебрались через край колодца, вечерело. Бальдемар увидел далеко вверх, на фоне меркнувшего света, улетающую платформу.

Из замка доносились крики и вопли, стук сапог по каменным плитам. В соседней конюшне копыта стучали в стойлах. Потом вверху раздался громкий отчаянный крик.

– Отойди! – предупредил он женщину, когда на башне появился пульсирующий красный шар, поднялся в воздух и направился к колодцу. Шар остановился над входом в колодец, и Бальдемар на мгновение увидел герцога, схваченного тем, что могло быть щупальцами, уса-

женными изогнутыми крюками, увидел кольцо глаз и рот в форме правильного равнобедренного треугольника. Этот рот издавал звуки, не слишком похожие на слова.

Все глаза демона были устремлены на новое пополнение его коллекции, но один смотрел в сторону Бальдемара.

– Тот, кто создал меня, предопределил, что благодарность никогда не станет частью моей природы, – сказал он, – но я обязан поддерживать равновесие.

Бальдемар сказал:

– Я не готов договариваться с тобой. Без обид.

– Я не обижаюсь, – сказал демон. – Но я не могу оставаться в долгу и должен узнать, что могу для вас сделать. Можете просить меня о любой бесплатной услуге.

Бальдемар принял это заявление и стал рассматривать его под разными углами, помня, каковы демоны. Но женщина сказала:

– Я хотела бы получить хорошую ферму с плодородными полями и здоровым скотом, теплый хорошо обставленный дом с насосом прямо в кухне.

– Готово, – сказал демон. – Эта ферма принадлежала семье Казамян.

– Я была у них служанкой, – сказала женщина. – Они всегда жестоко обходились со мной, мол, я была недостаточно хороша, даже чтобы мыть их грязную обувь. Девчонки дергали меня за волосы, а мальчишки хватали меня за стыдно сказать где.

– Знаю, – сказал демон и добавил в сторону Бальдемара: – Равновесие, я же сказал.

Энолии он объяснил:

– Казамяны теперь твои кабальные слуги. – Коготь протянул ей несколько свитков и трость из черного витого дерева. – Здесь все необходимые бумаги и прочная палка, чтобы их бить.

Женщина взяла все это и прижала к груди. Улыбка смягчила ее лицо, но оно тут же приняло решительное выражение.

– Мне пора, – сказала она и ушла без дальнейших церемоний.

Бальдемар закончил обдумывать предложение демона.

– Бесплатно? – спросил он. – Никакой расплаты?

– Никакой расплаты, но решай побыстрее. Мне не терпится познакомить герцога Альберо с новыми условиями его жизни.

– А нельзя ли оставить предложение открытым? Я могу позвать тебя, когда захочу?

– Если это не слишком надолго, – сказал демон. – Всякое обязательство вызывает у меня неприятный зуд. Когда поймешь, что тебе нужно, произнеси имя «Аззерат», и я появлюсь.

И он исчез в колодце вместе с бормочущим прибавлением к своей коллекции.

Замок был пуст, зато полон запаха, оставленного демоном. Дыша ртом, Бальдемар решил: терпимо. Вскоре он наткнулся на шляпу мажордома; голова мажордома по-прежнему была в ней. Из комнаты, где хранились чемоданы и корзины с крышками, он прихватил просторную сумку. В покоях герцога он переоделся в более богатую одежду, потом осмотрел шкафы и ящики и выбрал все самое ценное, но весомое, в основном драгоценные металлы и камни, а также столько золотых монет, сколько мог унести. Еще он заполнил кошелек серебром и бронзовыми асами – на всякий случай.

На всех монетах красовался портрет герцога. Бальдемар рассмотрел на одной из них орлиный профиль, потом перевернул и посмотрел на другую ее сторону. Там стояла дата из прошлого столетия и лаконичный девиз Альберо: *Miro, odal miro*.

Бальдемар вспомнил школьные дни и обнаружил, что может перевести. «Мое, все мое» – вот что значил этот девиз. Он бросил монету в кошелек, положил кошелек в сумку и довольно похлопал ее по раздувшемуся боку. Потом улыбнулся точно так же, как улыбалась женщина перед тем, как уйти.

Черная лошадь герцога стояла в конюшне; она едва не сошла с ума от запаха демона. Но Бальдемар умел обращаться с лошадьми и вскоре успокоил ее. Оседлал и взнуздал, воспользовавшись золоченой упряжью герцога, прочно прикрепил сумку к седлу. Вывел лошадь во двор, все еще успокаивая, и увидел, что кое-кто из солдат бросил оружие, когда появился демон. Он выбрал подходящий меч и, так как ехал верхом, еще и копьё с длинным древком. На копьё был черно-золотой вымпел; Бальдемар сорвал его.

Лошадь понесла Бальдемара прочь от замка, и ее копыта громко простучали по подъемному мосту. Окружающие крепостные постройки тоже были пусты, и он подумал, что таким же застанет город. Демоны производят сильное впечатление.

– Что ж, – сказал он себе, – доеду до края суши и заплачу за проезд на корабле на север. Куплю дом в одном из Семи Городов на море и вложу все средства в трастовый фонд. Может, еще куплю лодку и буду рыбачить.

Он коснулся каблуками черных боков, и лошадь поскакала к городу. И тут голос над ним произнес:

– Вот ты где!

Бальдемар посмотрел вверх. Летающая платформа висела прямо над ним, Омбраж наклонился через балюстраду. Платформа опустилась на землю, и волшебник сказал:

– Залезай. Нам пора.

Бальдемару очень хотелось пустить лошадь галопом. Но маг постукивал по ладони волшебной палочкой. Пришлось подняться, и платформа полетела на север. Миновав город, Бальдемар увидел Энолию: она шла по дороге к просторному каменному дому фермы. Женщина остановилась, чтобы закатать рукава, несколько раз сильно махнула палкой, срезая траву у дороги, и возобновила методичное продвижение к ферме. Когда на нее упала тень платформы, она даже не подняла головы.

– Дело в том, – сказал маг, – что ты неминуемо должен был погибнуть.

Они летели на север над Разделяющим морем, летели быстрее, чем когда платформа направлялась на юг. Омбраж сытно накормил чертенят сиропом из тимьяна и создал невидимый щит, спасающий от резкого ветра, поднятого их движением.

Служитель колдуна смотрел на серые волны моря. Но вот он повернулся к магу.

– Демон обрек бы меня на участь хуже смерти, – сказал он. – Он бы сделал нас с Энолией своими игрушками.

– Я говорю не о демоне, – ответил волшебник. – Я говорю о Мече Судьбы. Он хорошо известен: его сильно задевает, когда его задевают.

Он улыбнулся своей игре слов, но Бальдемар задумался об их смысле.

– Ты говоришь, что Меч... у него есть своя воля?

– Воля – и история ее проявлений. И средства, которыми он пользовался, если ты понимаешь, что я хочу сказать.

Бальдемар сказал:

– Значит, Телерион послал меня на смерть?

Недовольство нанимателем достигло невиданной силы.

– Сомневаюсь, – сказал Омбраж. – Он просто не знал, во что вмешивается – точнее, вмешивает тебя. Но мои исследования говорят, что, едва взявшись за Меч, ты должен был увидеть его рукоять, торчащую где-то между запястьем и локтем.

Бальдемар содрогнулся. А маг продолжал, не обращая внимания на его расстройство.

– На самом деле Меч просто освободил запертых тобой эрбов, чтобы они могли тебя преследовать. Но не позволил им догнать тебя, что им несомненно удалось бы. Не родился еще человек, которого не смог бы догнать эрб, особенно на верхнем этаже.

Бальдемар заставил себя представить, что случилось бы, если бы звери его догнали.

– А потом, вместо того чтобы отрубить тебе ногу, он просто помешал тебе бежать, чтобы ты его бросил.

– Значит, он не хотел убить меня и не хотел, чтобы я его унес?

Омбраж задумчиво потянул себя за нос и показал пальцем на Бальдемара.

– Он не хотел, чтобы ты отнес его Дебилиону, который тебя послал, – сказал он, – но, думаю, мы должны сделать вывод, что он не возражал против твоего прикосновения.

Бальдемар снова повернулся к морю.

– Я в замешательстве.

– Так и должно быть. Ты, вероятно, никогда не думал о себе как об избраннике судьбы.

– Да, я не такой.

– Что ж, пора привыкать. Когда Меч принимает решение, спорить с ним невозможно.

Омбраж принялся излагать историю и описывать свойства Меча. Он был выкован в какой-то другой плоскости существования, точные обстоятельства его происхождения теперь совершенно забыты. В той плоскости, где он возник, у него, вероятно, были другая форма и назначение. Но здесь, в третьей плоскости, он стал непобедимым оружием. Однако в нем есть нечто гораздо большее. Привычка выбирать для себя «интересную личность» – это его собственное выражение – и помогать этой личности стать великой фигурой века.

– По его собственному выражению? – перепросил Бальдемар. – Он что, говорить умеет?

– Когда захочет, – ответил волшебник. – Но продолжу. Люди с большими амбициями ищут этот Меч и хватаются за его рукоять. Большинство их ждет быстрая и решительная гибель всех мечтаний. Меч не умеет прощать и терпеть не может, когда к нему подлизываются. Но иногда он подбирает кажущееся ничтожество и возносит его к вершинам славы. Некоторые считают это доказательством того, что у Меча есть чувство юмора.

– Поразительно, – сказал Бальдемар.

– Ты этого не знал?

– Мое образование преимущественно неформальное и состояло в основном в приобретении практических навыков.

– Гм, – произнес маг и некоторое время разглядывал Бальдемара, а потом сказал: – Ты не кажешься кандидатом в герои, но, с другой стороны, можешь быть одним из таких ничтожеств.

Бальдемар не знал, обижаться ли ему или считать, что его похвалили. В историях, где участвуют маги и волшебное оружие, часто все очень двусмысленно.

– Что ж, посмотрим, – сказал Омбраж.

Солнце село задолго до того, как они пересекли южные низины и Иликстрейский лес. Вскоре показались огни Хай-Марсана, вытянувшиеся вдоль вершины длинного хребта и по его склонам. Бальдемар предложил показать дом, в котором хранится Меч, но маг отмахнулся от его предложения.

– Я сам могу его найти, – сказал он. – Он издает то, что для одного из моих органов чувств соответствует ослепительному свету и душераздирающему шуму. – Он пренебрежительно хмыкнул и добавил: – Твой наниматель, этот великий Обалдуин, вероятно, уловил далекий отблеск и слабый звук.

Они пролетели над городской стеной и начали по спирали спускаться к крыше, которую Бальдемар так хорошо помнил.

– Полагаю, – сказал он, – на самом деле это вовсе не дом.

– Конечно, – ответил колдун. – Но даже для соседей, которые ежедневно проходят мимо, не подозревая, что внутри, этот дом ничем не отличается от других. Даже городские сборщики налогов не замечают его.

– Меч поработал? – спросил Бальдемар.

– Я же говорю, он не любит, когда вокруг шастают всякие проныры.

На крыше было темно, но, когда они снизились, Бальдемар заметил какое-то движение на плоской поверхности.

– Смотри, – сказал он.

Волшебник всмотрелся, потом взмахнул рукой и что-то пробормотал. Верх здания немедленно окутал яркий свет, и стало видно, как кто-то нагнулся к люку и тянет крышку обеими руками.

– О боже, – сказал Омбраж, – поистине тупица чистейшей воды.

Человек выпрямился, заслонив глаза рукой от яркого света, и Бальдемар увидел, что тупица – это Телерион в Поножах Неутомимости, Нагруднике Стойкости и Шлеме Прочности. Непробиваемый Щит лежал рядом с ним на крыше, но теперь он поднял его и надел на руку, а другой рукой схватил волшебную палочку, украшенную большим ограненным изумрудом.

Бальдемар хорошо знал эту палочку. Он съежился в ожидании. Но Омбраж сказал: «Что, правда?» – и сделал отгоняющий жест пальцами. Щит засветился и надавил на Телериона, который попятился и плюхнулся на копчик.

Омбраж приказал чертенятам мягко посадить платформу. Он открыл калитку в ограждении и вышел на крышу. Бальдемар последовал за ним, стараясь, чтобы волшебник с юга все время находился между ним и его нанимателем.

Но его намерения не увенчались успехом. Телерион с трудом встал, опираясь на Щит, и увидел своего пропавшего служителя. Его неприятное лицо перекошилось от гнева.

– Ага! Злодей! Гнусный засранец! – Он наклонился и поднял свою волшебную палочку с изумрудом, которую выронил, падая. Потом сказал: – Получи по заслугам!

– Я бы не стал этого делать, – сказал Омбраж. – Мечу это может не понравиться.

Телерион смотрел на него ровно столько, чтобы у него от гнева округлились глаза и раскрылся рот, и его взгляд снова вернулся к подручному.

– Ты рассказал! – воскликнул он. – Щит был моей величайшей тайной, а ты все выболтал этому... этому...

– Омбраж Эрудит, – произнесла причина его косноязычия, – Синяя школа, девяносто восьмая ступень. Советую тебе опустить эту штуку, которую ты, вероятно, считаешь волшебной палочкой, пока с тобой не произошло нечто поистине ужасное.

Телерион перевел взгляд с помощника на колдуна, потом обратно, потом опять на колдуна и так несколько раз. Он издавал какие-то звуки, но это не были ни слова, ни заклятия, и на его губах выступила слюна. Наконец, издав горловой звук, он нацелил палочку на Бальдемара. Произнес зловеющий слог, и кончик его инструмента загорелся зловеющим красным светом. Губы волшебника изогнулись в мстительной улыбке, и он открыл рот, собираясь заговорить.

В это мгновение люк у него за спиной распахнулся и тяжело ударился о крышу. С лестницы ударил яркий свет, и, когда Телерион повернулся, чтобы посмотреть, из сверкающего прямоугольника показались голова, шея, а потом и плечи молодого эрба.

Наниматель Бальдемара издал еще один нечленораздельный звук, выражавший удивление и ужас. Он направил палочку на зверя, но тот продолжал подниматься. Показались его когти, и в них он держал Меч Судьбы.

В этот миг Телерион принял два решения, одно мудрое, другое нет. Мудрое – он уронил палочку; нет – он решил, будто эрб принес ему Меч и он должен взять его. Его пальцы коснулись ножен.

Новая вспышка света озарила крышу, хотя преимущественно она сосредоточилась на фигуре Телериона Образцового. Мага окружил такой яркий ореол, что сам он внутри показался черным силуэтом.

Потом свет померк, и видимость стала реальностью. На месте колдуна стояла абсолютно черная, тусклая, бездумная фигура. Она простояла ровно столько времени, чтобы ее можно

было узнать и чтобы оружие со звоном упало. Потом силуэт распался на жесткие песчинки и превратился в конус стигийского шлака. Едва возникнув, конус рухнул под собственной тяжестью и стал круглым ковриком из черного песка; песок заскрипел под когтистыми ногами эрба, который, продолжая сжимать Меч, вышел из люка и приблизился к Бальдемару.

Бальдемар повернулся, чтобы запрыгнуть на летающую платформу, но обнаружил, что она высоко над ним и удаляется; Омбраж перегнулся через ограждение и разглядывал театр событий, который только что покинул. Взгляд в сторону показал Бальдемару, что веревки и крюка, которые он здесь оставлял, нет на месте.

Снова повернувшись, он увидел, что зверь решительно приближается к нему, а Меч держит в когтистых лапах так, словно протягивает ему рукоять с драгоценными камнями.

В голове у Бальдемара мгновенно прояснилось. У предложения эрба было два исхода: либо Бальдемара мгновенно и, вероятно, болезненно превратят в черный песок, как Телериона, либо он станет избранником судьбы, создаст королевство или даже Империю и будет править по своему велению и хотению. Привлекательность второго исхода мгновенно померкла, когда он вспомнил судьбу правителя графства Капрасекка герцога Альберо.

Я не хочу такой жизни, – услышал он свой внутренний голос. Он вспомнил свой план подыскать хороший дом в одном из Семи Городов на море и купить лодку, чтобы рыбачить.

Однако сейчас такой выход казался невозможным. Но воспоминание о герцоге с его пергаментной кожей заставило подумать о другой возможности – об игре отчаянной, но соответствовавшей отчаянному положению.

И когда рукоять Меча коснулась его пальцев, Бальдемар сказал:

– Аззерат!

Его мгновенно окутали зловоние и новый яркий свет. Между ним и эрбом, который отскочил, появилась отвратительная фигура демона.

– Чем могу служить? – спросил демон.

Бальдемар показал. Демон повернулся и посмотрел на эрба и на то, что тот держал в когтях. Все его глаза сосредоточились на Мече, и что-то вроде дрожи пробежало по телу; Бальдемар мог истолковать это, только как неизмеримую радость.

– Вот ты где! – сказал демон, протянув конечность и забирая Меч у эрба, который от ужаса упал в обморок. Демон взял меч двумя конечностями и прижал к торсу. Бальдемару показалось, что Меч тоже дрожит от радости.

– Я думал, что навсегда потерял тебя, – сказал Аззерат. – Где ты был все это время?

Он стоял неподвижно, внимательно слушая, что говорит ему Меч. Наконец погладил ножны и сказал:

– Ну, не важно. Теперь все это позади. Мы пойдем домой, и все будет так, словно ничего не случилось. У меня есть свежий герцог, чтобы поиграть.

Он вспомнил о Бальдемаре, и тому показалось, что демон нахмурился.

– Кажется, – сказала тварь, – теперь я в еще большем долгу у тебя. – Его тело содрогнулось, как желе с рогами. – Зуд просто невозможный.

Бальдемар не мешкал.

– Можешь дать мне хороший дом в Голатреоне, выходящий на Разделяющее море, и при нем хорошую лодку, чтобы рыбачить? Ну и еще сумку с деньгами и драгоценностями?

– Готово, – сказал Аззерат. У ног Бальдемара появились два свитка. – Это документ на владение домом и регистрация лодки. Перенести тебя туда?

– Нет, спасибо. Думаю, меня отвезет колдун.

Опустилась летающая платформа. Омбраж не извинился за то, что бросил Бальдемара, но тот и не ждал извинений. Будь он на месте колдуна, он бы тоже постарался быстро улизнуть. Колдун был охвачен энтузиазмом из-за того, что видел.

– Чувствую, из всего этого выйдет отличная научная статья!

– Кажется, – сказал Бальдемар, переступая через лежащего эрба и проходя по тому месту, где ветер разносил то, что осталось от Телериона, – я приобрел несколько видов волшебного оружия. Не хочешь купить? В научных целях, конечно.

Последовал недолгий торг, закончившийся к взаимному удовлетворению участников. Был создан и перешел из рук в руки кошель. Потом Бальдемар помог магу собрать оружие и погрузить на платформу. Омбраж смел немного песка, в который превратился Телерион Образцовый, и высыпал в медный цилиндр с плотно притертой крышкой.

– Никогда ничего нельзя знать заранее, – сказал он.

Тем временем Бальдемар подобрал свитки и прочел на одном из них адрес.

– Ты, случайно, не будешь пролетать мимо города Колатреон? – спросил он Омбража.

– Могу подлететь.

– Буду благодарен, если меня подбросишь.

Колдун пожал плечами:

– Если расскажешь еще некоторые подробности о своих беседах с демоном. Хочу, чтобы редактор «Тайных наук» хлопал в ладоши от радости.

– Договорились, – сказал Бальдемар.

Когда они летели над городом, Омбраж нарочито равнодушным тоном заметил:

– Даже ученый маг всегда может использовать хорошего подручного.

– Я никогда не был хорошим подручным, – ответил Бальдемар. – Никогда не был способен на такое глубокое самоотречение. Да и вором хорошим никогда не был. Но, думаю, рыбак из меня получится неплохой.

Кейт Эллиот⁹

Кейт Эллиот – автор двадцати шести научно-фантастических романов и романов в жанре фэнтези, среди которых – бестселлер из списка «Нью-Йорк таймс» «Court of Fives» (и его продолжение «Poisoned Blade»). Самая последняя ее книга из жанра эпического фэнтези «Black Wolves» (получившая премии РТ и за лучшее эпическое фэнтези 2015 г.). Она также написала трилогию в жанре альтернативной истории «Spiritwalker» («Cold Magic», «Cold Fire», «Cold Steel»), афро-кельтскую, периода после Рима и газовых ламп, трилогию-фэнтези о хорошо одетых мужчинах, крутых женщинах и адвокатах-динозаврах. Другие ее циклы: «Crossroads Trilogy», цикл эпического фэнтези в семи томах «Crown of Stars», фантастические «Novels of Jaran» и сборник рассказов «The Very Best of Kate Elliott». Ее романы вышли в финал премий «Небьюла», «Уорлд фэнтези» и премии Нортон. Под своим подлинным именем, Элис Расмуссен, она написала романы «The Labyrinth Gate», «A Passage of Stars», «Revolution's Shore» и «The Price of Ransom». Она родилась в Айове, выросла в сельском округе в Орегоне и постоянно живет на Гавайях, где ради развлечения и приобретения опыта занимается греблей на каноэ. Можете найти ее в твиттере по адресу @KateElliottSFF.

В этом рассказе она знакомит нас с Аполлоном Кроу, объявившим себя красавцем, хотя на самом деле он нечто гораздо большее, гораздо более необычное, чем просто красавец.

⁹ © Kate Elliott, 2017; © пер. А. Грузберг, 2017.

«Я красивый мужчина», – сказал Аполлон Кроу

– Я красивый мужчина, – сказал Аполлон Кроу¹⁰, дерзко глядя на римского императора. – Если желаете похитить женщину так, чтобы ее союзники забили тревогу только тогда, когда будет поздно ее спасать, не ищите никого другого. Моя специальность – незаметно отыскивать людей, которые не хотят, чтобы их отыскивали, и убедительно лгать. Также у меня исключительный талант фехтовальщика.

Император задумчиво оперся подбородком на руку – поза, вполне достойная сцены, о чем он сам прекрасно знал.

– Меня предупредили, что вы всегда лжете.

– Увы, так и есть. Это мое проклятие.

¹⁰ Crow – ворона. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.